

77645

17685

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

~~38891~~

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Д. ПРОФЕССОРОВЪ ИНСТИТУТА

Гр. Подставина и Е. Спальвина.

V-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1903—1904 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Томъ XI.

Съ приложеніемъ 2 печатныхъ таблицъ.

1714

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Паровая типо-литогр. газ. „Дальній Востокъ“.

1904.

Конспектъ содержанія „Извѣстій Востока“

Томъ I. (1899—1900 ак. г.).—Основаніе Восточнаго г. Владивостока и торжественный актъ его открытія.—Исторія Вост. Инст.—Правила о приѣмѣ.—Протоколы засѣд. Конф. В. зрѣніе преподаванія наукъ на 1899—1900 г.—Инструкція въ дополненіе къ Положенію.—Каталогъ Библіотеки.

Томъ II. (1900—1901 ак. г.).—Вып. I.—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1900—1901 г.—*Спальвинъ*: Языкъ и письменность японцевъ.—*Рудаковъ*: Руководство къ изученію мандаринскаго рѣчи.—*Спальвинъ*: Японскіе тексты для начинающихъ.—Революція въ Китаѣ.—*Кузьминъ*: Политическія общества въ Китаѣ и Японіи.—*Дмитріевъ*: Характеристики китайцевъ.—Каталогъ Библіотеки.—Современная Лѣтопись Дальняго Востока.—Вып. II.—Протоколы.—Отчетъ за 1899 и 1900 г.г.—*Спальвинъ*: Японскій прогрессъ.—*Надаровъ*: Ханькоу.—*Позднѣвъ*: Происхожденіе и развитіе маньчжурскаго алфавита.—Каталогъ Библіотеки.—Лѣтопись.—Вып. III.—Протоколы.—*Рудаковъ*: Общество И-хэ-туань.—*Надаровъ*: Ханькоу.—*Шмидтъ*: Китайскія классическія книги.—*Протоѡьяконовъ*: Гольдско-Русскій словарь.—*Дмитріевъ*: Сѣверно-Китайскія желѣзныя дороги.—Каталогъ Библіотеки.—Лѣтопись.—Вып. IV.—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1901—1902 г.—*Шмидтъ*: Введеніе въ изученіе китайскаго языка.—*Надаровъ*: Ханькоу.—*Спальвинъ*: Японскіе тексты для первоначальнаго чтенія.—Лѣтопись.—Вып. V.—*Дмитріевъ*: Характеристики китайцевъ.—*Приложенія въ отдельной брошюркѣ*: 1) Лѣтопись.—2) *Шмидтъ*: Китайскіе тексты для упражненій.

Томъ III. (1901—1902 ак. г.).—Вып. I.—Протоколы.—*Рудаковъ*: Дворцы и книгохранилища въ Мукдени.—*Шмидтъ*: Чтенія по китайскому языку.—*Позднѣвъ*: Образцы маньчжурской литературы.—*Позднѣвъ*: Монгольско-Китайско-Маньчжурскій словарь въ русско-французскомъ переводѣ.—Лѣтопись.—Вып. II.—Протоколы.—*Рудаковъ*: Поземельный вопросъ въ Гириньской пров.—*Шмидтъ*: Чтенія по китайскому языку.—*Богословскій*: Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи.—*Позднѣвъ*: Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ*: Японская хрестоматія.—Лѣтопись.—Вып. III.—Протоколы.—Отчетъ за 1901 г.—*Афанасьевъ*: Вооруженныя силы Кореи.—*Цереринъ*: Ху-лань-чанское фудутунст.—*Надаровъ*: Сеудо-Фузанская ж. дор.—*Назаровъ*: Японскій языкъ.—*Шмидтъ*: Чтенія по кит. языку.—*Позднѣвъ*: Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ*: Японская хрестоматія.—Лѣтопись.—Вып. IV.—Протоколы.—*Сивяковъ*: Шань-дунъ и Чжи-фу.—*Рудаковъ*: Поземельный вопросъ въ Гириньской пров.—*Шкуркинъ*: Хулань-чань.—*Позднѣвъ*: Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ*: Японская хрестоматія.—Лѣтопись.—Вып. V.—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1902—1903 г.—*Сивяковъ*: Шань-дунъ и Чжи-фу.—*Рудаковъ*: Поземельный вопросъ въ Гириньской пров.—*Теренинъ-Рыбниковъ*: Цзинь-чжоу-фу.—*Позднѣвъ*: Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ*: Японская хрестоматія.—Лѣтопись.

17645

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. Д. ПРОФЕССОРОВЪ ИНСТИТУТА

Гр. Подставина и Е. Спальвина.

V-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1903—1904 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ XI.

Съ приложеніемъ 2 печатныхъ таблицъ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Паровая типо-литогр. газ. „Дальній Востокъ“.

1904

39

БИБЛИОТЕКА ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ ССРС

К

НАЗВАНИЕ

ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

Издательство Восточного Института

Гр. Подольск в Е. Спасская

41139

У-В 1018

Напечатано по определению Конференции Восточного Института отъ 28 декабря 1903 года.

Секретарь Г. Цыбиковъ.

Томъ XI

Содержание

Содержание

Издательство

Издательство

1903

Содержаніе.

- Исторія японской литературы В. Г. Астона. Книги I—V.
Переводъ съ англійскаго слушателя Восточнаго Института, Подъесаула В. Мендрина. 1—162
- Островъ Дажелеть. Студента III-го курса Восточнаго Института Е. Лебедева 163—174
- Современное состояніе вооруженныхъ силъ Кореи.
Положенія объ обмундированіи, вооруженіи, снаряженіи, жалованьи, устройствѣ казармъ и обученіи корейскихъ войскъ.— Съ приложеніемъ 2 печатныхъ таблицъ.—Составлено слушателемъ III-го курса Восточнаго Института Штабсъ-Капитаномъ Афанасьевымъ 175—210
- Приложенія:** Протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института 1903—1904 академическаго года XXXI—CL
- Засѣданіе 19 октября 1903 года.—стр. XXXI.—Годичный актъ Восточнаго Института 21 октября 1903 года.—стр. XXXIV.—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Восточнаго Института за 1903 годъ.—стр. XXXIX.—Санитарный отчетъ по Восточному Институту за 1903 годъ.—стр. LXXXVIII.—Свѣдѣнія о дѣятельности Попечительнаго Совѣта при Восточномъ Институтѣ за 1903 годъ.—стр. LXXXIX.—Отчетъ о дѣятельности Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ за 1903 годъ.—стр. XCIV.—Отчетъ о дѣятельности Конференціи Восточнаго Института въ качествѣ цензурнаго учрежденія за 1903 годъ.—стр. CV.—Зубоврачебный отчетъ по Восточному Институту за 1903 годъ.—стр. CX.—Засѣданіе 27 октября 1903 года, стр. CXI.—Засѣданіе 23 ноября 1903 года.—стр. CXIX.—Торжественное засѣданіе 1-го декабря 1903 года, посвященное чествованію бывшаго Директора Восточнаго Института, Профессора А. М. Позднѣва, при отъѣздѣ его изъ г. Владивостока къ мѣсту новаго служенія.—стр. CXXVIII.
- Современная Лѣтопись Дальняго Востока за 1903—1904 г.
№№ 10—21. Съ 1-го октября 1903 г. по 31-е января 1904 г. 123—373
- Подставинъ Гр.—Хрестоматія литературнаго корейскаго языка.
Вып. I, стр. 1—24. (Въ отдѣльной брошюркѣ).
- Шмидтъ, П.—Китайская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія. Выпускъ I, стр. 1—40. (Въ отдѣльной брошюркѣ).

Содержание

История развития литературы в СССР. Книга I. 7

История развития литературы в СССР. Книга II. 143

История развития литературы в СССР. Книга III. 174

История развития литературы в СССР. Книга IV. 210

История развития литературы в СССР. Книга V. 245

История развития литературы в СССР. Книга VI. 280

История развития литературы в СССР. Книга VII. 315

История развития литературы в СССР. Книга VIII. 350

История развития литературы в СССР. Книга IX. 385

История развития литературы в СССР. Книга X. 420

История развития литературы в СССР. Книга XI. 455

История развития литературы в СССР. Книга XII. 490

История развития литературы в СССР. Книга XIII. 525

История развития литературы в СССР. Книга XIV. 560

История развития литературы в СССР. Книга XV. 595

История развития литературы в СССР. Книга XVI. 630

История развития литературы в СССР. Книга XVII. 665

История развития литературы в СССР. Книга XVIII. 700

История развития литературы в СССР. Книга XIX. 735

История развития литературы в СССР. Книга XX. 770

История развития литературы в СССР. Книга XXI. 805

История развития литературы в СССР. Книга XXII. 840

История развития литературы в СССР. Книга XXIII. 875

История развития литературы в СССР. Книга XXIV. 910

История развития литературы в СССР. Книга XXV. 945

История развития литературы в СССР. Книга XXVI. 980

История развития литературы в СССР. Книга XXVII. 1015

История развития литературы в СССР. Книга XXVIII. 1050

История развития литературы в СССР. Книга XXIX. 1085

История развития литературы в СССР. Книга XXX. 1120

Исторія японской литературы

В. Г. Астона.

(Переводъ съ англійскаго слушателя Восточнаго Института, подъесаула
В. Мендрина).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Древнѣйшій періодъ (до 8-го столѣтія послѣ Р. Х.)

Начало японской литературы. — Пѣсни. — Синтоистическія молитвословія.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи японской литературы, далеко не лишнимъ будетъ отмѣтить нѣкоторые факты, важные въ смыслѣ лучшаго ея уразумѣнія.

Смотря на карту Восточной Азии, мы видимъ, что Японія представляетъ собою группу острововъ, поверхностью нѣсколько больше Великобританіи и Ирландіи, отдѣленную узкимъ проливомъ отъ прилежащаго материка.

На этомъ послѣднемъ бросается прежде всего въ глаза полуостровъ Корея, населенный народомъ, совершенно отличнымъ отъ китайцевъ, какъ по племенному происхожденію, такъ и по языку, но находившимся съ древнѣйшихъ временъ въ политической и интеллектуальной зависимости отъ своего могущественнаго сосѣда, Китая. Корея проявила мало самобытности въ развитіи своей культуры, вообще, и литературы, въ частности; ея важное значеніе по отношенію къ Японіи кроется въ ея географическомъ положеніи, которое дѣлало ее посредницей въ сношеніяхъ Японіи съ континентомъ въ то время, когда мореплаваніе стояло еще на низкой ступени своего развитія. Китай съ его богатой и замѣчательной во многихъ отношеніяхъ литературой, съ его исторіей, простирающейся болѣе, чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры, имѣлъ громадное вліяніе на всѣхъ своихъ сосѣдей. Онъ былъ тѣмъ же самымъ для странъ Дальняго Востока, чѣмъ были Греція и Римъ для народовъ Запада. Особенно же много обязана ему Японія.

Нѣтъ ни одного явленія въ области національной японской жизни и круга идей, котораго не коснулось бы китайское вліяніе. Оно проявилось рѣшительно во всемъ: въ области чисто матеріальнаго прогресса, религій, моральныхъ идей, политическаго устройства, языка, литературы. За Китаемъ слѣдуетъ Индія, которая внесла въ Японію одинъ весьма важный элементъ, отразившійся на японской литературѣ, — именно, буддизмъ. Если по отношенію къ Японіи Китай занимаетъ мѣсто Греціи и Рима, то буддизмъ съ его мягкимъ и гуманитарнымъ направленіемъ игралъ по отношенію къ ней такую же роль, какую играло христіанство по отношенію къ Западному міру. Попеременное преобладаніе, которымъ пользовались въ Японіи оба эти фактора — китайское вліяніе и буддизмъ, представляетъ собою интересную черту японской исторіи, и въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ именно они оба отразились на японской литературѣ.

Нельзя, однако, забывать и о національномъ японскомъ геніи, который, не смотря на всѣ постороннія вліянія, сохранилъ все таки свою оригинальность. Японцы никогда не довольствуются простымъ только заимствованіемъ. Въ искусствѣ, политическихъ установленіяхъ, даже религій они, не стѣсняясь, приспособляютъ на свой ладъ все, чѣмъ заимствуются отъ другихъ, и на все это кладутъ свой національный отпечатокъ. То же самое можно наблюдать и въ литературѣ. При всей своей зависимости отъ Китая, при безотчетномъ довѣріи къ чужому руководству она все таки сохранила несомнѣнные признаки національнаго генія. Это литература храбраго, вѣжливаго, веселаго, любящаго удовольствія, сентиментальнаго скорѣе, чѣмъ страстнаго, смѣшливаго и остроумнаго, быстро, но не глубоко понимающаго народа; народа, изворотливаго и изобрѣтательнаго, но врядъ ли способнаго къ высшей интеллектуальной дѣятельности; народа, одареннаго воспріимчивымъ умомъ, жадностью къ знаніямъ, склонностью къ чистотѣ и изяществу въ выраженіяхъ, но рѣдко, или даже никогда не доходящаго до возвышенности въ этомъ отношеніи.

Островное положеніе и политическая независимость, вѣ сомнѣніи, способствовали сохраненію въ японской литературѣ національнаго характера и оригинальности. Но при всемъ томъ, несомнѣнно, это зависѣло гораздо болѣе отъ племеннаго различія расъ, японской и тѣхъ, у которыхъ она дѣлала заимствованія.

Есть нѣкоторыя основанія думать, что японская нація заключаетъ въ себѣ основной полинезійскій элементъ, который нѣкоторые именуютъ

малайскимъ, но изъ данныхъ языка и антропологии можно сдѣлать выводъ, что эта нація есть отпрыскъ какой-то большой континентальной расы, совершенно отличной при этомъ отъ китайской. Японцы пришли, повидимому, откуда-то съ сѣвера, и географическія соображенія указываютъ намъ на Корею, какъ на пунктъ, откуда они переправились на архипелагъ. Народныя преданія умалчиваютъ объ этомъ вопросѣ или даже стараются доказать, что японцы аборигены архипелага. Процессъ колонизаціи архипелага продолжался въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и многочисленныя переселенія изъ Кореи въ Японию уже въ историческія времена являются не болѣе, какъ продолженіемъ общаго передвиженія въ Японию. Первый историческій фактъ, который можно выбрать изъ исторіи легендарнаго періода, и который сохраненъ для насъ древнѣйшими японскими анналами,—это завоевательное нашествіе съ западнаго острова Кюсю въ центральную часть страны, населенную уже народомъ японскаго племени. Предводитель вторгнувшейся арміи, Дзимму-тенно, признаваемый за перваго микадо, основалъ свою столицу въ провинціи Ямато. Что касается до времени этого событія, то самое лучшее указать его неопредѣленно, а именно: за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Здѣсь, или въ одной изъ смежныхъ провинцій царствовали его преемники въ теченіе многихъ столѣтій, причемъ каждый микадо строилъ себѣ новый дворецъ и основывалъ столицу на новомъ мѣстѣ. Такая полукочевая организація государственнаго строя, очевидно, была не совместима съ прогрессомъ культуры, и дѣйствительно, настоящій прогрессъ въ искусствахъ и литературѣ начался только тогда, когда столица, какъ постоянная резиденція, была основана въ Нарѣ. Это было въ началѣ 8 вѣка по Р. Х.

Хотя древнѣйшій періодъ оставилъ намъ мало литературныхъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть отмѣченъ двумя фактами первѣйшей важности въ развитіи японской литературы. Первый—это введеніе китайскихъ письменъ, вмѣстѣ съ которыми связано знакомство съ исторіей и литературой Китая; другимъ является первая пропаганда буддизма. И письмена, и буддизмъ пришли въ Японию непосредственно изъ Кореи, которая незадолго передъ тѣмъ получила ихъ сама изъ Китая. До знакомства Японіи съ китайскими письменами своихъ у нея не было никакихъ. Вѣроятно отдѣльныя лица начали изучать китайскій языкъ и письмена еще въ началѣ христіанской эры, но первое фактическое упоминаніе объ изученіи китайскаго языка въ Японіи относится только къ 405 году послѣ Р. Х. Въ этомъ году одинъ кореецъ, по имени Ванъ-инъ (Вани), былъ приглашенъ въ качествѣ

учителя китайскаго языка къ наслѣдному японскому принцу.¹⁾ Это былъ первый изъ цѣлаго ряда корейскихъ учителей, наставленія которыхъ проложили дорогу для реформы японскихъ обычаевъ и установленій, реформы, не менѣе глубокой, чѣмъ та, которая совершилась на нашихъ глазахъ, какъ слѣдствіе знакомства японцевъ съ европейской культурой и наукой. Буддизмъ появился 150 годами позже, въ половинѣ 6-го столѣтія, но развитія своего онъ достигъ не ранѣе, какъ въ 7-мъ столѣтіи. Его настоящимъ основателемъ въ Японіи былъ принцъ императорскаго дома, Сіотоку-дайси, умершій въ 621 году послѣ Р. Х.

Въ малочисленныхъ памятникахъ литературнаго періода, о которомъ идетъ рѣчь, сохранилось очень мало слѣдовъ, какъ буддизма, такъ и китайскаго вліянія. Можно сказать, что одинъ только Кюдзики, историческій трудъ, приписываемый упомянутому принцу, является какъ-бы исключеніемъ къ высказанному положенію. Но его подлинность подлежитъ еще сомнѣнію; кромѣ того онъ написанъ собственно на китайскомъ языкѣ и потому, строго говоря, не имѣетъ отношенія къ японской литературѣ.

Пѣсни.

Древнѣйшимъ памятникомъ національной японской литературы являются пѣсни, содержащіяся въ древнихъ анналахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Кодзики и Нихонги; къ такимъ же древнѣйшимъ памятникамъ относятся и норито, т. е. молитвословія синтоизма, національной японской религіи.

Эти пѣсни имѣютъ отношеніе къ нѣкоторымъ историческимъ или quasi-историческимъ событіямъ и приписываются обыкновенно императорамъ и другимъ знатымъ лицамъ. Многія изъ нихъ приписываются императору Дзимму-тенно, который, какъ говорятъ, основалъ японскую монархію въ 660 году до Р. Х.; подобные же вымыслы приурочиваются и къ другимъ. Мы, вѣроятно, не очень ошибемся, если отнесемъ большую часть пѣсенъ Кодзики и Нихонги къ послѣднимъ временамъ древнѣйшаго періода, именно, къ 6-му и 7-му вѣкамъ нашей эры.

Поэзія этого періода представляетъ кой-какой филологическій и археологическій интересъ, но чисто литературныхъ достоинствъ за ней мало. Языкъ ея еще не отлился въ устойчивыя формы, и кромѣ того въ

¹⁾ Вопросъ о времени прибытія Вани въ Японію спорный. См. В. Костылевъ, Очеркъ исторіи Японіи, стр. VI—VIII, и К. Florenz, Japanische Annalen, 2-е изд., стр. VIII—IX.

ней замѣтенъ полный недостатокъ воображенія и другихъ качествъ, свойственныхъ поэзій.

Что, напримѣръ, можетъ быть примитивнѣе слѣдующей военной пѣсни, которую, какъ предполагаютъ, распѣвали воины Дзимму-тенно; и которая, по словамъ автора Нихонги, была военной пѣсней императорской гвардіи въ его время:

„Ну! теперь наступило время;
Ну! теперь наступило время.
Эй! Эй! Полно!
Даже теперь
Мои ребята!
Даже теперь
Мои ребята!“

Или слѣдующая, напримѣръ, помѣченная 90 годомъ до Р. Х.

„Чертоги Мива ¹⁾,—
Слава сладкой sake ²⁾,—
Откроемъ ихъ двери
Даже поутру,—
Двери чертоговъ Мива ³⁾.“

Нижеслѣдующая пѣсня, которая, какъ говорятъ, сложена микадо Одзинъ въ 282 году послѣ Р. Х., но которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежитъ 6-му столѣтію, указываетъ тотъ высшій уровень поэзій, котораго она достигла за этотъ періодъ. Этотъ микадо хотѣлъ пополнить свой гаремъ одной красавицей по имени Ками-нага-химе, что значить въ переводѣ—долговолосая дѣва, какъ вдругъ узналъ, что въ нее страстно влюбился его сынъ. Микадо пригласилъ ихъ обоихъ на пирушку и тутъ поразилъ своего сына, передавъ ему дѣвушку со слѣдующими словами:

„Вотъ! Мой сынъ!
Когда я шелъ по дорогѣ
Къ пустырю собирать чеснокъ,
Собирать чеснокъ,
То апельсинное дерево, полное благоуханія,
Было въ цвѣту.
Его нижнія вѣтви,
Всѣ были обломаны людьми;
Его верхнія вѣтви завяли

1) Мива—название мѣстности въ провинціи Ямато.

2) Саке—японская водка, изготовляемая изъ риса.

3) Смыслъ пѣсни, очевидно, тотъ, что попойка совершается не только вечеромъ или ночью, но и рано утромъ, или продолжается до утра.

Отъ насѣстовъ птицъ;
Его среднія вѣтви,
Прятали въ сѣни своей
Стыдливо краснѣющую дѣву.
Вотъ! Мой сынъ! Пусть же она
Расцвѣтетъ для тебя!¹

Кодзики и Нихонги сохранили для насъ болѣе 200 такихъ пѣсенъ, далеко не отличающихся литературными достоинствами. Изученіе этихъ пѣсенъ приводитъ къ заключенію, которое можетъ быть лучшимъ опроверженіемъ мнѣній, подобныхъ высказаннымъ Маколеемъ, который, исходя, несомнѣнно, изъ того осмѣяннаго нынѣ положенія, что Гомеръ является безыскусственнымъ поэтомъ, доказывалъ, что «при некультурномъ состояніи общества можно рассчитывать найти поэзію въ ея высшей степени совершенства». Судя по древнѣйшей японской поэзіи, отсутствіе культуры никоимъ образомъ не является факторомъ, способствующимъ развитію поэтическихъ наклонностей. Мы нигдѣ не находимъ «душевныхъ мукъ, экстаза, полноты вѣры», которыя мы, слѣдуя Маколею, должны были бы искать въ этихъ произведеніяхъ такого вѣка и страны, которые въ культурномъ отношеніи, безъ сомнѣнія, стояли гораздо ниже Гомеровыхъ временъ. вмѣсто страсти, возвышенности, сильнаго воображенія, мы находимъ не болѣе, какъ слабенькое чувство, хорошенькія остроты, игру словами. Но при этомъ надо замѣтить, что даже и относительно тѣхъ немногихъ достоинствъ, которыми обладаютъ эти произведенія, возникаетъ подозрѣніе, не вдохновлены ли они до нѣкоторой степени Китаемъ. Впрочемъ, относительно этого нѣтъ никакихъ точныхъ доказательствъ.

Синтоистическія молитвословія ¹).

Проза древнѣйшаго періода представляется намъ въ видѣ норито, т. е. молитвъ синтоистическимъ божествамъ, которыя съ большой церемоніей читались такъ называемыми накатоми, наследственной корпораціей придворныхъ чиновниковъ, спеціальной обязанностью которыхъ было представлять микадо въ качествѣ высшаго жреца націи. Точное время появленія норито и самые творцы ихъ неизвѣстны.

По самому существу своему норито несомнѣнно принадлежать глубокой древности, но есть нѣкоторое основаніе думать, что они отличились въ настоящія формы не ранѣе 7-го столѣтія, а нѣкоторыя изъ нихъ

¹) См. переводы сэра Ernest Satow въ Transactions of the Asiatic Society of Japan и Н. Weipert въ Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens.

даже и позже. Относительно нрито нѣтъ указаній, чтобы они были записаны ранѣе годовъ правленія Енги (901—923 г.), когда было приступлено къ составленію произведенія, извѣстнаго подъ именемъ Енги-сикки, т. е., сборника церемоніальныхъ правилъ, дѣйствовавшихъ въ то время. Енги-сикки насчитываетъ 75 такихъ молитвословій и приводитъ изъ нихъ въ текетъ 27, заключающихъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, все самое важное. Это молитвы объ урожаѣ, моленія объ отвращеніи пожара и моровой язвы, молитвы, призывающія благословеніе на дворецъ, службы въ честь богини, ниспосылающей пищу, въ честь божествъ вѣтра и т. д. Самое знаменитое изъ этихъ моленій, это—Охаран, т. е. моленіе о великомъ очищеніи. Оно не лишено нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ. Другія нрито, которыя приходилось читать, значительно уступаютъ ему по достоинствамъ.

О х а р а н ¹⁾.

„Отверзите уши вы, принцы царской крови, министры и высшіе сановники, которые собрались здѣсь, и внимайте моленію о великомъ очищеніи, которымъ въ это междолуніе шестого мѣсяца снимутся и уничтожатся всѣ грѣхи, совершенные императорскими чиновниками и слугами, носятъ ли они шарфъ²⁾ или плечевую повязку³⁾, носятъ ли они на спицѣ своей лукъ, или препоясаны мечомъ.

Давно то было; наши царственные предки, которые пребываютъ въ глубокихъ небесахъ, созвали собраніе изъ восьмисотъ мириадовъ божествъ и держали съ ними божественный совѣтъ. И такъ они повелѣли: „Пусть нашъ божественный отпрыскъ приметъ подъ свое мирное управленіе землю прекрасныхъ рисовыхъ колосьевъ, плодородную равнину камыша“. Но въ странѣ, такъ ему врученной, были враждебныя божества; они были покараны божеской карой, изгнаны божескимъ изгнаніемъ. И сверхъ того скалы, деревья и листья травы, которые имѣли способность рѣчи, должны были умолкнуть. А затѣмъ они послали его внизъ съ его небснаго вѣчнаго трона, разсѣкая предъ нимъ, когда онъ шель, кучно нагроможденныя облака небесъ въ страшную разсѣлину-дорогу. Здѣсь въ самой серединѣ пожалованной ему страны, въ Ямато, землѣ высокаго солнца, учредилъ божественный отпрыскъ свое мирное царство;

¹⁾ Нижеслѣдующія объясненія заимствованы изъ статьи Dr. H. Weipert, Das Shinto-Gebet der grossen Reinigung въ Mittheilungen d. D. Gesellsch. f. Nat. u. Völkerk. Ostasiens.

²⁾ Женщины.

³⁾ Мужчины.

здѣсь воздвигъ онъ прекрасный дворець, вдѣлавъ глубоко въ скалы массивныя колонны, поднявъ къ небу брусья кровли, дабы быть укрытымъ отъ солнца и дождя.

Теперь изъ разныхъ беззаконій, которыя могутъ быть совершены небеснымъ поколѣніемъ, предназначеннымъ все болѣе и болѣе заселять эту землю мирнаго управленія, одни суть беззаконія земныя, другія—беззаконія небесныя. Небесныя беззаконія суть: уничтоженіе плотинъ между рисовыми полями, заполненіе водостоковъ, смѣщеніе водяныхъ желобовъ, живодерство... Земныя беззаконія суть: рѣзаніе живыхъ тѣлъ, рѣзаніе мертвыхъ тѣлъ, проказа, кровосмѣшеніе, бѣдствія отъ ползающихъ тварей, высокихъ боговъ и птицъ небесныхъ, убіеніе скота, заклинанія.

И всякій разъ, какъ беззаконія эти будутъ совершены, а совершаться они будутъ, пусть великіе на каѳоми подрѣжутъ божественныя вѣтви у вершины и подрѣжутъ ихъ у комля, сдѣлавъ изъ нихъ полный рядъ въ тысячу подстановокъ для жертвоприношеній. Подрѣзавъ вверху и внизу камышь небесъ, пусть расщеплютъ они его на множество пластинокъ. А затѣмъ пусть прочтутъ это великое моленіе.

И когда они это сдѣлаютъ, то небесные боги, открывъ настезь алмазныя двери небесъ, и раздѣливъ нагроможденныя небесныя облака страшной разсѣлиной-дорогой, приблизятся и будутъ внимать.

Земные боги, вознесясь на вершины высокихъ горъ и вершины низкихъ горъ, сметая прочь туманы съ высокихъ горъ и туманы съ низкихъ горъ, приблизятся и будутъ внимать.

И тогда не останется неискупленнымъ ни одно преступленіе отъ дворца священнаго отпрыска боговъ и до самыхъ далекихъ концовъ царства. Какъ нагроможденныя облака въ небесахъ разсѣваются дуновеніемъ бога вѣтровъ; какъ утренній бризъ и вечерній бризъ разгоняетъ утренніе туманы и разгоняетъ вечерніе туманы; какъ громадный корабль, ставшій на якорь въ большой гавани, потерявъ свои кормовые якоря и потерявъ свои носовые якоря, уносится въ обширный океанъ; какъ вотъ этотъ толстый хворостъ истребляется и разбрасывается острой лопаткой, закаленной въ огнѣ,—такъ точно и всѣ преступленія будутъ сняты и уничтожены. И богиня Се-ор-и-цу-х-име¹⁾, пребывающая въ быстрыхъ стремительнаго потока, воды котораго бѣшенно скатываются съ большихъ горъ и съ малыхъ горъ, унесетъ ихъ на равнины далекаго моря. Пусть затѣмъ богиня Хая-аки-цу-х-име²⁾, которая пребываетъ

1) Въ переводѣ на русскій языкъ: дѣва, пребывающая въ мелкой водѣ.

2) Въ переводѣ на русскій языкъ: дѣва, быстро раскрывающаяся.

въ мириадахъ путей прибоа бушующаго моря и въ мириадахъ мѣсть, гдѣ скрещиваются мириады морскихъ путей, поглотить ихъ; и пусть богъ Ибуки-до-нуси¹⁾, пребывающій въ Ибуки-до²⁾, изгонитъ ихъ прочь въ подземныя царства. Пусть затѣмъ богиня Хая-сасура-химе³⁾, что пребываетъ въ подземномъ царствѣ, истребитъ и уничтожитъ ихъ.

Они уничтожены теперь. И всѣ, начиная отъ слугъ императорскаго дворца и вплоть до простаго народа во всѣхъ четырехъ концахъ царства, всѣ отнынѣ впредь свободны отъ грѣха.

Внимайте же всѣ вы, обративъ уши къ равнинамъ высокаго неба, моленію великаго очищенія, которымъ въ это междолуніе шестого мѣсяца при закатѣ солнца вы очищаетесь и освобождаетесь отъ грѣха⁴⁾.

Хотя норито и представляютъ собою произведенія прозаическія, но въ нѣкоторомъ смыслѣ они гораздо болѣе поэтичны, чѣмъ современная имъ поэзія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, начинается ли литература съ прозы или съ поэзіи; но не лишнимъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что японская поэзія древнѣйшаго литературнаго періода недалеко ушла отъ прозы, тогда какъ прозаическія произведенія въ свою очередь заключаютъ въ себѣ поэтическіе элементы.

1) Въ переводѣ на русскій языкъ: хозяинъ мѣста (собств. земли) дуновенія.

2) Въ переводѣ на русскій языкъ: мѣсто дуновенія.

3) Въ переводѣ на русскій языкъ: быстро уничтожающая дѣва.

КНИГА ВТОРАЯ.

Нарскій періодъ ¹⁾. (8-е столѣтіе послѣ Р. Х.).

ГЛАВА I.

Проза Нарскаго періода.—Кодзики.—Идзумо-фудоки.

Собственно говоря, этотъ литературный періодъ начинается съ 710 г. послѣ Р. Х., когда резиденція микадо была основана въ Нарѣ, и оканчивается въ 794 г., въ которомъ столица была перенесена въ Нагаока, въ провинціи Ямасиро, откуда нѣсколькими годами позже она перешла въ Кіото. Но для насъ вполне достаточнымъ будетъ считать, что этотъ періодъ совпадаетъ съ 8-мъ столѣтіемъ по Р. Х. Съ учрежденіемъ столицы въ Нарѣ палъ прежній порядокъ, въ силу котораго каждый микадо строилъ себѣ новый дворецъ на новомъ мѣстѣ. Это новое явленіе было не только важнымъ мѣропріятіемъ въ смыслѣ упроченія осѣдлости, но оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ шагомъ впередъ въ смыслѣ прогресса культуры, начавшей развиваться понемногу въ теченіе двухъ предыдущихъ вѣковъ. Подъ вліяніемъ политическихъ идей, занесенныхъ изъ Китая, поднялся авторитетъ императорской власти; власть мѣстныхъ феодальныхъ князей была ослаблена и мѣстное управленіе ввѣрено губернаторамъ, находившимся подъ контролемъ центрального правительства. Наука, подъ которой въ Японіи надо, или вѣрнѣе надо было, разумѣть изученіе образцовыхъ произведеній китайской древности, значительно подвинулась впередъ. Императоръ Тенци (662—671 г.) учредилъ школы; а нѣсколько позднѣе былъ открытъ даже университетъ изъ четырехъ факультетовъ, на которыхъ изучались исторія, китайскіе классики, законы и ариѳметика. Но все это было доступно въ то время только высшимъ чиновнымъ классамъ; въ среду же простого народа образованіе проникло только много вѣковъ спустя.

¹⁾ Въ Японіи принято дѣленіе исторіи литературы на періоды соотвѣтственно резиденціи правительства въ каждое давнее время.

Въ это же время появилось не мало учителей—большей частью, корейцевъ,—живописи, медицины и искусства рѣзьбы по камню и дереву. Колоссальная бронзовая статуя Будды и нѣкоторыя другія скульптурныя произведенія, которыя еще и по настоящее время можно видѣть въ Нарѣ, служатъ наглядными доказательствами тому, какихъ успѣховъ достигли японцы въ этихъ искусствахъ.

Весьма важный шагъ впередъ сдѣлала архитектура. Прогрессъ архитектуры былъ тѣсно связанъ съ буддизмомъ, который требуетъ для своихъ служеній пышныхъ храмовъ и пагодъ. Возраставшее вліяніе двора также требовало зданій, болѣе соответствовавшихъ его достоинству и болѣе подходившихъ къ пышному, заимствованному изъ Китая придворному церемоніалу, чѣмъ прежніе дворцы, служившіе только въ теченіе одного царствованія.

Первая дошедшая до насъ книга на японскомъ языкѣ—это Кодзики, т. е. записи о дѣлахъ древности. Книга эта вышла въ свѣтъ въ 712 году послѣ Р. Х. Кодзики содержитъ въ себѣ древнѣйшія преданія японскаго народа и, начинаясь мифами, которые являются основою синтоизма, она постепенно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе историческій характеръ и заканчиваетъ свои повѣствованія 628 годомъ послѣ Р. Х.

Кодзики, хотя можетъ быть и цѣнный памятникъ для изслѣдованій въ области мифологіи, обычаевъ, языка или легендъ доисторической Японіи, является тѣмъ не менѣе убогимъ произведеніемъ съ точки зрѣнія литературы или исторической лѣтописи. Какъ историческій памятникъ Кодзики значительно уступаетъ Нихонги, современному съ нимъ произведенію на китайскомъ языкѣ. Языкъ Кодзики представляетъ странную смѣсь китайскаго и японскаго. Обстоятельства, при которыхъ было написано это произведеніе, служатъ отчасти объясненіемъ, откуда взялся тотъ странный стиль, которымъ оно написано. Рассказываютъ, что нѣкто Ясумаро, изучившій китайскую письменность, составилъ это литературное произведеніе со словъ нѣкоего Хіеда-но-Аре, который обладалъ такой поразительной памятью, что «могъ повторить своими устами все, что только видѣли его глаза, и удержать въ своемъ сердцѣ все, что только слышали его уши». Задача Ясумаро была не изъ легкихъ. Онъ самъ въ предисловіи рассказываетъ о своихъ затрудненіяхъ. Нынешнія силлабическія азбуки катакана и хирагана въ то время еще не существовали. Единственный путь, который оставался ему,—это было пріобрѣсти къ употребленію китайскихъ идеографическихъ символовъ—письменъ, іероглифовъ, оставляя за ними ихъ значеніе и конструкцію,

т. е. другими словами, писать чисто по китайски, — или же употреблять каждый китайский іероглифъ только въ качествѣ изобразителя присущаго ему звука, не обращая вниманія на его значеніе. Послѣдній именно способъ и долженъ былъ дать японскій текстъ.

При пользованіи іероглифами по первому способу невозможно было записать японскую поэзію, собственныя имена и множество фразъ и выраженій, которымъ не было тождественныхъ эквивалентовъ въ китайскомъ языкѣ, тогда какъ при употребленіи каждаго іероглифа фонетически, въ качествѣ одного только слога японскихъ словъ, возникала растянутость текста, невыносимая для ума образованнаго на китайскій ладъ, т. е. свыкшагося съ тѣмъ, что каждый отдѣльный іероглифъ есть въ то же время и отдѣльное понятіе. Ясумаро разрѣшилъ эту дилемму тѣмъ, что смѣшалъ вмѣстѣ оба способа, и это отозвалось роковыми послѣдствіями на стилѣ Кодзики. Дошло до того, что въ одномъ и томъ же предложеніи, построенномъ по чисто японской конструкціи, попадается вдругъ неуклюжая китайская фраза; тогда какъ, наоборотъ, китайскія фразы содержатъ въ себѣ такія выраженія, которыя немислимо уразумѣть безъ знанія японскаго языка.

Въ періодъ составленія Кодзики существовала при дворѣ въ Нарѣ наслѣдственная корпорація катарибэ, или рассказчиковъ, на обязанности которыхъ лежало рассказывать «древнія слова» въ присутствіи микадо при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при началѣ новаго царствованія. Если даже рассказчикъ, отъ котораго получалъ свѣдѣнія Ясумаро, и не принадлежалъ лично къ этой корпораціи, то во всякомъ случаѣ онъ, должно быть, былъ хорошо ознакомленъ съ сутью этихъ рассказовъ; и поэтому почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти миѣы, легенды и quasi-историческіе рассказы Кодзики почерпнуты именно изъ этого источника. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній думать, чтобы рассказы катарибэ представляли собою что-нибудь иное, кромѣ прозы. Есть громадное количество поэтическихъ произведеній этого періода, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ формы рассказа. Эта поэзія состоитъ изъ лирическихъ пѣсенъ, но не балладъ, и не даетъ рѣшительно никакого матеріала для исторіи, какъ достовѣрной, такъ и вымышленной. Японскіе анналы рѣшительно не подтверждаютъ теоріи Маколея, что при естественномъ порядкѣ вещей поэтическая баллада предшествуетъ исторіи. Въ приложеніи къ Японіи наблюдается какъ разъ обратный процессъ: въ болѣе позднемъ періодѣ исторія выказала тенденцію превратиться въ поэзію.

Пестрота языка Кодзики, конечно, теряется при переводѣ этихъ текстовъ на чужой языкъ. Приведенный ниже отрывокъ ¹⁾ можетъ дать по своему содержанію нѣкоторое представленіе о характерѣ легендъ, которыя составляютъ ядро древнѣйшей части этого произведенія. Исслѣдователи народныхъ сказаній безъ труда узнаютъ въ этомъ отрывкѣ одинъ изъ многочисленныхъ вариантовъ греческаго мифа о Персеѣ и Андромедѣ.

Богъ Хая-суса-но-во ²⁾, будучи изгнанъ съ небесъ за свои дурные поступки, спускается на землю и попадаетъ на берегъ рѣки въ провинціи Идзумо. Онъ видитъ, что по рѣкѣ плывутъ палочки, употребляемыя при ѣдѣ, вмѣсто вилки:

«Божественный Хая-суса-но-во, думая, что гдѣ-нибудь дальше по рѣкѣ должны быть люди, отправляется на поиски ихъ и дѣйствительно находитъ плачущихъ старика и старуху съ молодой дѣвушкой посреди ихъ. Онъ спросилъ стариковъ: «Кто вы такіе?» — Старикъ отвѣчалъ: «Я земное божество, и мое имя Аси-надзу-ци ³⁾. Я сынъ великаго бога-горы. Имя моей жены Те-надзу-ци ⁴⁾, а дочь нашу зовутъ Куси-нада-химе ⁵⁾». Далѣе Хая-суса-но-во спросилъ: «Отчего вы плачете?» — «У меня было восемь дѣтей», — отвѣчалъ старикъ, — «но каждый годъ приходитъ восьмиглавый змѣй изъ Коси ⁶⁾ и пожираетъ ихъ. Теперь какъ разъ наступаетъ время его прихода, оттого мы и плачемъ.» — «Опиши мнѣ этого змѣя», — сказалъ Хая-суса-но-во. — «Его глаза красны, какъ зимняя вишня. У него одно тѣло, но восемь головъ и восемь хвостовъ. Кромѣ того тѣло его поросло мохомъ, соснами и кедрами. Длина его такова, что онъ покрываетъ восемь долинъ и восемь холмовъ. Его желудокъ всегда въ крови и пламени». — Тогда божественный Хая-суса-но-во сказалъ: «Если это твоя дочь, то не отдашь ли ты ее мнѣ?» — «Съ позволенія сказать», — отвѣчалъ старикъ, — «я не знаю твоего почтеннаго имени». — «Я старшій братъ богини солнца и пришелъ теперь съ небесъ», — возразилъ Хая-суса-но-во. — Тог-

¹⁾ Нижеслѣдующія примѣчанія замѣтрованы изъ соч. К. Florenz: *Japanische Mythologie*.

²⁾ По-русски: быстро-порывистый мужъ.

³⁾ По-русски: растирающій (въ видѣ ласки) ноги (своей дочери) старикъ.

⁴⁾ По-русски: растирающая (въ видѣ ласки) руки (своей дочери) старуха.

⁵⁾ По-русски: дивная дѣла рисовыхъ полей. Но слово дивная (куси) содержитъ въ себѣ и намекъ на послѣдовавшее превращеніе дѣвы въ гребень (куси).

⁶⁾ Подъ Коси разумѣется отдаленная мѣстность сѣверо-западной Японіи, о которой древніе японцы имѣли лишь самое смутное представленіе. Мѣстность эта обнимала нынѣшнія провинціи Етцю, Едиго и Едидзенъ. Собственно же Коси ничто иное, какъ названіе незначительной области (нынѣ уѣзда) въ пров. Едиго, и нѣкоторые думаютъ, что именно названіе этой области стало употребляться для обозначенія цѣлой обширной мѣстности.

да божества Аси-надзу-ци и Те-надзу-ци сказали: «Въ такомъ случаѣ почтительно передаемъ мы ее тебѣ.»—Хая-суса-но-во тотчасъ же взялъ эту дѣвушку и превратилъ ее во многозубчатый гребень, который онъ воткнулъ въ свои волосы; затѣмъ онъ сказалъ божествамъ Аси-надзу-ци и Те-надзу-ци: «Сварите вы sake восьмерной силы, а также сдѣлайте кругомъ ограду; въ этой оградѣ оставьте восемь проходовъ, въ каждомъ проходѣ установите восемь подстановокъ, на каждую подстановку поставьте по чану для sake и наполните каждый чанъ sake восьмерной силы. Затѣмъ ждите».—Приготовивъ все согласно его божественному повелѣнію, они стали ждать. Затѣмъ пришелъ восьмиглавый змѣй, дѣйствительно, какъ было сказано, и, опуская голову въ каждый чанъ, сталъ лакать sake. Послѣ этого онъ опьянѣлъ, и все головы его склонилъ въ снѣ. Тотчасъ же Хая-суса-но-во извлекъ изъ-за пояса свой десяти-пященный мечъ и началъ рубить змѣя, такъ что воды рѣки превратились въ кровь. Но вотъ, когда онъ рубилъ среднюю часть хвоста, конецъ его священнаго меча сломился. Удивляясь этому, онъ пронзилъ хвостъ и разрѣзалъ его на-двое вдоль; тогда онъ нашелъ, что внутри хвоста былъ большой острый мечъ. Онъ взялъ этотъ мечъ и, считая его за чудесную вещь, преподнесъ его богинѣ солнца. Это и есть великій мечъ Куса-наги-но-цуруги ¹⁾».

Въ началѣ 8-го столѣтія японское правительство сдѣлало распоряженіе о составленіи географическаго описанія всѣхъ провинцій. Попутно съ описаніемъ минераловъ, растений, животныхъ должны были быть отмѣчены и свойства почвы, происхожденіе названій мѣстностей и мѣстныхъ легенды. Изъ этихъ трудовъ до насъ дошли весьма немногіе. Лучшій изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ Идзумо-фудоки ²⁾, написанъ въ 733 году. Онъ содержитъ очень мало интересныхъ легендъ и состоитъ въ общемъ изъ сухого перечня фактовъ. Это произведеніе является прототиномъ позднѣйшей замѣчательной топографической литературы, извѣстной подъ именемъ Мейсё.

Другія произведенія японской прозы этого періода, на которыхъ можно остановить вниманіе,—это императорскіе эдикты, содержащіеся въ Сіокунихонги, продолженіи Нихонги (на китайскомъ языкѣ). Ихъ стиль очень напоминаетъ стиль норито. Мотоори издалъ ихъ отдѣльно съ комментаріями.

¹⁾ По-русски: траву косящій мечъ. По Кодзюки, мечъ получилъ такое названіе потому, что Ямато-таке впоследствии скосилъ при помощи его траву. Первоначальное названіе его было: ама-но-мура-кумо-но-цуруги, т. е. мечъ собирающихъ небесныхъ облаковъ,—потому что надъ змѣей часто замѣчались облака.

²⁾ По-русски: географическое описаніе провинціи Идзумо.

ГЛАВА II.

Общая замѣчанія о японской поэзіи.—Танка.—Нага-ута.—Макура-котоба.—Юкари-котоба.—Нарская поэзія.—Маньосю.—Ханка.—Образцы стихотвореній изъ Маньосю и Кокинсю.—Нихонги.

Прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ поэзіи Нарскаго періода, необходимо сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о тѣхъ характерныхъ особенностяхъ японской поэзіи, которыя нагляднымъ образомъ отличаютъ ее отъ поэзіи европейской. Прежде всего въ ней нѣтъ большихъ поэмъ. Въ ней рѣшительно нельзя найти ничего, имѣющаго хоть отдаленное сходство съ эпосомъ, ничего въ родѣ Илиады или Божественной Комедіи или даже Пѣснй Нибелунговъ и т. п. Дѣйствительно, японскія, нѣкотораго рода повѣствовательныя поэмы коротки, да ихъ и очень мало; единственныя произведенія этого рода—это двѣ, три баллады сентиментальнаго направленія. Дидактическая, философская, политическая и сатирическая поэзія также отсутствуетъ. Что касается драматической поэзіи, то она появилась не ранѣе 14-го вѣка, да и въ это время она вовсе не представляла собою цѣльныхъ драматическихъ поэмъ, а только нѣчто въ родѣ драмъ, заключавшихъ въ себѣ нѣкоторый поэтический элементъ.

Короче говоря, японская поэзія ограничилась лирикой и такого рода произведеніями, которыя по недостатку другого, болѣе подходящаго слова можно назвать эпиграммami. Прежде всего это поэзія, выражающая непосредственныя душевныя движенія. Она даетъ эротическія стихотворенія, стихотворенія, выражающія тоску по дому и по близкимъ людямъ, восхваленіе любви и вина, элегіи по поводу смерти, жалобы на превратность судьбы, но главное мѣсто въ ней отводится стихотвореніямъ, воспѣвающимъ красоты вѣшней природы. Мѣняющіеся по временамъ года пейзажи, звукъ журчащаго ручья, снѣгъ на вершинѣ горы Фудзи, волны, разбивающіяся о взморье, прибитыя къ берегу водоросли, нѣныя птицъ, жужжанье насѣкомыхъ, даже кваканье лягушекъ, скачекъ форели въ горномъ потокѣ, молодые побѣги папоротника весною, ревъ оленя осенью, красный цвѣтъ клена, луна, цвѣты, дождь, вѣтеръ, туманъ,—все это для японскаго поэта излюбленныя темы, которыми онъ восхищается и надъ которыми останавливается подолгу. Если къ этому прибавить нѣсколько стихотвореній, вдохновленныхъ патріотизмомъ или придворной жизнью, значительное количество болѣе или менѣе удачныхъ остротъ въ формѣ стихотвореній, нѣсколько стихотвореній религіознаго характера,—то перечисленіе темъ, дававшихъ содержаніе поэтическимъ произведеніямъ, почти закончено. Но въ

этомъ перечнѣ, по замѣчанію Чэмберлена, замѣчаются курьезныя опущенія; такъ, напримѣръ, солнечный закатъ и звѣздное небо совершенно не привлекли вниманія поэтовъ. Страннымъ является также и то, что пѣсни воинственнаго характера почти совершенно отсутствуютъ. Сраженія и пролитіе крови, очевидно, не считаются у японцевъ подходящими для поэтическихъ произведеній темами.

Японская поэзія ограничена вообще во многомъ, не только въ формахъ своихъ произведеній и содержаніи ихъ. Современный европейскій поэтъ не стѣсняется пользоваться произведеніями греческой и римской поэзіи, черпая оттуда поэтическіе образы; даже въ самомъ языкѣ его многое заимствовано изъ этого же самаго источника. Но японскіе поэты умышленно удерживались отъ пользованія въ такомъ смыслѣ единственной извѣстной имъ литературой. Что обработка языка и выборъ темъ въ нѣкоторой степени обязаны ихъ знакомству съ древней литературой Китая, объ этомъ врядъ ли можетъ быть вопросъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ слишкомъ мало внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить объ этомъ. Хотя намеки на китайскую литературу и исторію у нихъ и не вполне отсутствуютъ, но они очень рѣдки, и пользованіе китайскими словами строго возбранено въ поэзіи классическаго типа. Для этого были свои вѣскія причины. Фонетика одного языка совершенно не похожа на фонетику другого. Китайскій языкъ—языкъ моносиллабическій, японскій—полисиллабическій. Китайскій слогъ гораздо болѣе гибокъ и разнообразенъ по своему составу, чѣмъ слогъ японскихъ словъ. Онъ можетъ представлять собою дифтонги, комбинаціи согласныхъ, имѣть конечныя согласныя, тогда какъ все это совершенно чуждо японскому языку, въ которомъ каждый слогъ представляетъ собою силлабу, состоящую изъ одной только гласной, или же гласной съ предшествующей ей согласной,—и только. Несомнѣнно, что японскій языкъ, заимствовавъ китайскія вокабулы, приспособилъ ихъ къ законамъ своей фонетики, но приспособленіе это не вполне совершенно. Оба эти фонетическіе элементы такъ же плохо гармонируютъ другъ съ другомъ, какъ кирпичъ и булыжникъ въ одной и той же постройкѣ. Поэтому для японскихъ поэтовъ было вполне естественнымъ совершенно возбранить этимъ наполовину ассимилировавшимся пришельцамъ доступъ въ самыя священныя области японской національной поэзіи, хотя такимъ образомъ они приносили въ жертву многое, въ смыслѣ полноты и разнообразія выраженій, и лишали сами себя обильнаго запаса иллюстрацій и намековъ, которыми совершенно свободно пользовались прозаическіе писатели.

Благовзучіе и легкость произношенія въ японскомъ языкѣ главнымъ образомъ обязаны указанной уже характерной особенноти японской силлабы. Даже такіе читатели, которые совершенно незнакомы съ японскимъ языкомъ, могутъ оцѣнить благовзучность слѣдующаго, на-примѣръ, стихотворенія:

„Идете пнаба ¹⁾,
Нуси наки ядо то
Нарину то мо,
Нокиба но уме іо,
Хару во васуруна“.

Переводъ:

„Когда изъ міра я уйду,
Хотя и безъ хозяина мой домъ
Останется тогда,
Ты, у края кровли слива,
Весны своей не забывай!“

71139
Но въ то же время указанная благовзучность японской силлабы является и причиной отсутствія выразительности въ языкѣ поэтическихъ произведеній. Она, разумѣется, устраняетъ затрудненія стихосложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ и силу, и разнообразіе ритма; и съ нѣкото-рою вѣроятностью можно допустить то предположеніе, что національный японскій геній предпочелъ коротенькія стихотворенія именно въ силу свойствъ японской силлабы, препятствующихъ разнообразію ритма.

Техника японскаго стихосложенія проста въ высшей степени. Въ противоположность къ китайскому стихосложенію японское не допускаетъ никакихъ рифмъ, недостатокъ, проистекающій изъ указанныхъ выше свойствъ японской силлабы. Такъ какъ каждая силлаба оканчивается на гласную, а гласныхъ въ этомъ языкѣ только пять, то въ силу этого можетъ быть только пять рифмъ, постоянное повтореніе которыхъ явилось бы невыносимо монотоннымъ. Въ японскомъ поэтическомъ языкѣ всѣ гласныя одной и той же долготы. Въ силу этого, стихотворный размѣръ, присущій, на-примѣръ, греческой и римской поэзіи, совершенно чуждъ японской. Также чужда совершенно и послѣдовательная смѣна слоговъ, посящихъ на себѣ удареніе, и слоговъ безъ ударенія, что свойственно нынѣшней европейской поэзіи. Въ смыслѣ ударенія, японскій языкъ почти не отдаетъ предпочтенія одной части слова передъ другой. Однимъ словомъ, единственный приемъ японскаго стихосложенія, отличающій поэзію отъ прозы,—это послѣдовательное чередованіе строфъ,

¹⁾ Начальное „и“ слова „пнаба“ при декламации элидируется.

изъ которыхъ одна содержитъ пять, а другая семь силлабъ. Въ концѣ концовъ получается пѣчто вродѣ нашихъ бѣлыхъ стиховъ.

Нѣкоторые японскіе критики высказываютъ предположеніе, что числа слоговъ—пять и семь—взяты въ подражаніе одному китайскому сборнику одъ, въ которомъ одни стихотворенія состоятъ изъ строфъ въ пять слоговъ, а другія изъ строфъ въ семь слоговъ. Но врядъ ли это такъ.

Наиболѣе извѣстными стихотвореніями, сложенными по указанному принципу, являются тѣ, которыя носятъ названіе танка, т. е. коротенькихъ стихотвореній; и когда въ Японіи говорятъ вообще о стихотвореніяхъ, то подъ этимъ разумѣютъ именно стихотворенія такого рода. Танка состоитъ изъ пяти строфъ, а именно: 1-я въ пять силлабъ, 2-я въ семь, 3-я въ пять, 4-я въ семь и 5-я, заключительная, опять въ семь. Такимъ образомъ въ 5 строфахъ имѣется 31 силлаба. Каждый изъ такихъ пятистрофныхъ стансовъ представляетъ собою цѣлое самостоятельное поэтическое произведеніе, какъ напримѣръ, вышеприведенное «Идете инаба...» и т. п. Танка наиболѣе распространенный и характерный изъ разныхъ видовъ японскихъ поэтическихъ произведеній. Древнѣйшіе образцы ея относятся къ VII вѣку до Р. Х. или даже къ болѣе отдаленному времени. Вплоть до настоящаго времени стихотворенія подобнаго рода слагались въ большомъ количествѣ. Даже теперь императоръ даетъ своимъ придворнымъ новогоднія темы, чтобы они могли показать свое искусство въ такомъ стихосложеніи, а страницы журналовъ служатъ нагляднымъ доказательствомъ, что танка продолжаютъ еще создаваться во множествѣ.

Можно думать, что границы, поставленныя числомъ 31-го слога, и другія ограниченія, которыми стѣсненъ въ своемъ творествѣ японскій поэтъ, служатъ достаточной помѣхой тому, чтобы создать что-нибудь цѣнное. Однако; на самомъ дѣлѣ это не такъ. Хотя танка и не могутъ претендовать на большія достоинства, однако, надо признать, что японскіе поэты использовали ихъ, насколько только это было возможно примѣнительно къ такимъ скуднымъ поэтическимъ ресурсамъ. Надо только удивляться, какъ можно было уложить въ такія тѣсныя рамки и возвышенность стили, и мелодію, и неподдѣльность чувства. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть ничего совершеннѣе нѣкоторыхъ изъ этихъ небольшихъ стихотвореній. Они похожи на тѣ миниатюрныя рѣзныя издѣлія, извѣстныя подъ именемъ иецуке¹⁾, въ которыхъ талантъ и искусство художника сказываются въ созданіи имъ фигурокъ величиною въ

¹⁾ Родъ разукрашенной пуговицы, служащей для прикрѣпленія къ поясу сумки съ вурительными принадлежностями и проч.

одинь-два дюйма, или на тѣ эскизы, въ которыхъ японскій живописецъ всего нѣсколькими ловкими ударами кисти умѣетъ достигъ поразительныхъ эффектовъ.

Слѣдующій за танка, другой распространенный родъ поэтическихъ произведеній—это нага-ута, т. е. длинныя пѣсни. Нага-ута имѣютъ то же самое чередованіе пяти и семислоговыхъ строфъ съ заключительной строфой въ семь силлабъ, что и танка, но отличаются отъ танка тѣмъ, что не ограничены всего пятью строфами. Нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній японской поэзіи принадлежатъ именно къ этому послѣднему роду. Но нага-ута никогда не пользовались большой любовью японцевъ. Послѣ Нарскаго періода этотъ родъ поэтическихъ произведеній былъ почти совсѣмъ преданъ забвенію, и предпочтеніе національнаго генія было очевидно всегда въ пользу танка. Несмотря на свое названіе, нага-ута вовсе не представляютъ изъ себя большихъ поэмъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, отличаются сравнительно величиной, но въ общемъ большинство ихъ ограничивается всего нѣсколькими десятками строфъ.

Особенность, которою рѣзко отличается японская муза отъ европейской,—это нѣкоторый недостатокъ силы воображенія. Японцы не склонны вообще къ одушевленію неодушевленныхъ предметовъ, а олицетвореніе абстрактныхъ понятій кажется для нихъ уже совершенно непонятнымъ. Слова, выражающія абстрактныя понятія, у нихъ немногочисленны, и японскому поэту или живописцу совершенно не приходится изображать истину, правосудіе и вѣру въ видѣ красивыхъ дѣвъ въ одеждѣ, или изображать любовь въ видѣ толстощекаго нагого мальчугана съ крыльями, лукомъ и стрѣлами. Музы, граціи, фуріи—вообще масса олицетвореній, безъ которыхъ европейская поэзія была бы только тѣнью поэзіи, не имѣютъ ничего соотвѣтственнаго себѣ въ японской литературѣ.

Это, такъ сказать, безличное направленіе ума въ значительной степени свойственно не только японцамъ, но и другимъ націямъ Дальняго Востока, напримѣръ, китайцамъ. Явленіе это не ограничивается только поэзіей и вообще литературой. Оно есть характерная особенность всего склада восточнаго ума, проявившаяся и въ грамматикѣ, почти не имѣющей личныхъ мѣстоименій, и въ искусствѣ, не имѣющемъ никакихъ школъ портретной живописи, или скульптурныхъ произведеній, заслуживающихъ упоминанія, и въ позднемъ и несовершенномъ развитіи драмы, и въ религіозныхъ взглядахъ, съ ихъ сильною склонностью къ рационализму и туманнымъ представленіемъ о какомъ-то личномъ началѣ, управляющемъ вселенной. Въ ихъ пониманіи явленія

происходятъ скорѣе сами по себѣ, чѣмъ производятся кѣмъ-нибудь, и колебанія судьбы для нихъ болѣе реальны, чѣмъ сильная воля и личное стремленіе, которыя борются съ ними. Определеніе значенія этого явленія по отношенію къ моральному и психологическому развитію этихъ націй мы оставляемъ на долю другихъ; съ насъ же достаточно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что это явленіе отразилось на японской литературѣ, а особенно на поэзіи.

Требуютъ объясненія нѣкоторые изъ риторическихъ приемовъ, свойственныхъ исключительно японской поэзіи. Таковы, на примѣръ, макура-котаба, т. е. изголовье-слово *). Макура-котаба ставится обыкновенно въ началѣ стихотворенія, служа, какъ-бы изголовьемъ, на которомъ оно покоится. Макура-котаба представляютъ собою символическіе эпитеты нѣкоторыхъ понятій, нѣчто въ родѣ, на примѣръ, гомеровскаго «быстроногій» — Ахиллесъ. Такія слова суть обыкновенно древнѣйшіе пережитки языка, и смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ очень теменъ, что не мѣшаетъ, однако, тому, чтобы ихъ все еще продолжали употреблять. Нѣкоторыя изъ нихъ являются довольно подходящими и понятными; на примѣръ: „домашняя птица“ — курица (пѣтухъ); „покрытая дождемъ“ — гора Микаса; „вѣчно крѣпкое“ — небо; „утренній туманъ“ — блуждающая мысль. Но не смотря на то, что макура-котаба могутъ оказаться весьма подходящими, будучи употреблены и примѣнены правильно, нѣкоторые японскіе поэты испытываютъ положительно какое-то необъяснимое наслажденіе, употребляя ихъ въ какомъ-нибудь особенномъ, не свойственномъ имъ смыслѣ, что намъ конечно кажется и непонятнымъ, и смѣшнымъ. „Китовая ловля“, на примѣръ, можетъ еще сойти за символическій эпитетъ моря. Но что сказать о поэтѣ, который примѣняетъ это выраженіе ко внутреннему озеру-мору Оми, извѣстному намъ подъ именемъ озера Бива, въ которомъ никогда не было китовъ? „Одѣтая ползучими растеніями“ является довольно удачнымъ символическимъ эпитетомъ скалы, но положительнымъ абсурдомъ будетъ этотъ эпитетъ-символь въ примѣненіи къ провинціи Ивами, потому только употребленный такъ, что слово ива значитъ скала.

Съ точки зрѣнія стихотворцевъ макура-котаба очень полезная выдумка. Состоя почти всегда изъ пяти силлабъ, этотъ символъ даетъ поэту безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны первую строфу стихотворенія въ совершенно готовомъ видѣ, — не бѣда, конечно, что все стихотвореніе состоитъ только изъ 31-го слога. Эти символическіе эпитеты

*) Они называются еще *камурри-котаба*, т. е. шляпами-словами, или *око-еи-котаба* — начальными словами.

въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ собраны въ особыхъ словаряхъ, которыми поэты и пользуются для «восхожденія на Парнасъ». И дѣйствительно, они очень полезны въ такой странѣ, въ которой сложеніе танка въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій являлось почти дѣломъ простой техники.

Другая выдумка японскихъ поэтовъ, это такъ называемая юкари-котоба¹⁾, которая Чэмберленъ удачно назвалъ pivot-words т. е. «вертящимися на шпиль словами»²⁾. Такое вертящееся слово или даже часть его употребляется въ двухъ смыслахъ; одинъ изъ нихъ относится къ тому, что предшествуетъ этому слову, а другой къ тому, что слѣдуетъ за нимъ. Нѣчто подобное этому встрѣчается у Тэккерея въ его The Newcomes, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о tea-pot (чайникъ), преподнесенномъ Mr. Honeyman'у ханжами, посѣщающими его капеллу, какъ devotea-pot (священный сосудъ). Здѣсь слогъ tea выполняетъ двойную роль: онъ представляетъ собою одновременно и послѣдній слогъ слова devotee³⁾ (ханжа) и первый слогъ слова tea-pot. «Но вѣдь это не болѣе, какъ каламбуръ», — скажетъ, пожалуй, читатель. Однако, врядъ ли позволительно называть каламбуромъ такую игру словъ. Она имѣетъ своимъ назначеніемъ не вызывать смѣхъ, но служить риторическимъ украшеніемъ и иногда бываетъ очень къ мѣсту.

Но все-таки эти вертяціяся слова — украшеніе сомнительнаго свойства, и поэты классическаго періода пользовались этой риторической фигурой весьма осмотрительно. Гораздо больше придется говорить о ней, когда зайдемъ рѣчь о драматургахъ послѣднихъ вѣковъ, которые употребляютъ ее, не сообразуясь почти ни съ чѣмъ. Параллелизмъ, т. е. соотвѣтствіе въ словахъ двухъ слѣдующихъ одна за другою строкъ, причемъ имя соотвѣтствуетъ имени, глаголь глаголу, — въ японской поэзіи явленіе случайное, какъ случайнымъ является онъ и въ поэзіи китайской. Образчики параллелизма извѣстны намъ изъ псалмовъ Давида; въ Hiawatha Лонгфелло также встрѣчается не мало примѣровъ его, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ строкахъ:

„Filled the marshes full of wild-fowl,
Filled the river full of fishes“.

Примѣры параллелизма въ японской поэзіи будутъ приведены ниже.

¹⁾ По-русски: связующія слова.

²⁾ См. В. Н. Chamberlain: The Classical Poetry of the Japanese.

³⁾ Фонетически.

Нарская поэзія.

Восьмой вѣкъ, который оставилъ послѣ себя мало или почти не оставилъ заслуживающей вниманія прозы, былъ поистинѣ золотымъ вѣкомъ японской поэзіи. Японцы въ это время вышли уже изъ того состоянія, когда они выражали свое вдохновеніе въ примитивной формѣ, неносящей на себѣ никакой печати искусства, какъ это уже указано выше, и создали за этотъ періодъ множество поэтическихъ произведеній такой красоты, которая никогда уже съ того времени не была превзойдена. Читатель, который ожидаетъ видѣть въ этой поэзіи поэзію народа, только-что вышедшаго изъ варварскаго періода, характеризуемаго грубостью и господствомъ силы, будетъ пораженъ, узнавъ, что наоборотъ она носитъ на себѣ отпечатокъ культурной утонченности. Она утонченна по чувствамъ, изящна по языку и обнаруживаетъ тонкое пониманіе стилистики, старательно придерживавшейся нѣкоторыхъ своеобразныхъ приемовъ. Поэзія этого и слѣдующаго изъ нихъ періода предназначалась для нѣкотораго только класса японской націи и создана людьми именно этого класса.

Авторы, многіе изъ нихъ женщины, принадлежали или къ придворному кругу, или были изъ класса чиновниковъ, назначаемыхъ въ провинцію только временно и считавшихъ поэтомъ своимъ домомъ столицу. О какой-нибудь народной поэзіи ничего неизвѣстно. Съ другой стороны способность писать стихи была, такъ сказать, общеприсуща высшему классу. Почти каждый образованный человѣкъ, мужчина или женщина, могъ при случаѣ сочинить танка. Но среди поэтовъ не было многотомныхъ писателей, и не было въ обычаѣ издавать стихотворенія одного какого-нибудь автора отдѣльно; а если бы это и было даже такъ, то въ результатѣ получились бы очень тоненькіе томики. Время отъ времени, по повелѣнію микадо, составлялись сборники, въ которыхъ собраны были во-едино избранныя стихотворенія за нѣкоторый періодъ предшествующаго времени, и если двадцать—тридцать стихотвореній какого-нибудь поэта находили себѣ мѣсто въ такомъ сборникѣ, то этого было вполне достаточно, чтобы дать ему (или ей) первенствующее мѣсто среди множества соперниковъ.

Поэзія Нарскаго періода сохранилась въ одной изъ такихъ антологій, извѣстной подъ именемъ Манъосю, т. е. собраніе тысячи листовъ. Считаютъ, что этотъ сборникъ былъ составленъ въ началѣ 9-го вѣка. Содержащіяся въ немъ стихотворенія принадлежатъ главнымъ образомъ послѣдней половинѣ 7-го и первой половинѣ 8-го сто-

лѣтія послѣ Р. Х., охватывая въ общемъ періодъ около 130 лѣтъ, Стихотворенія распределены въ сборникѣ по слѣдующему порядку: стихотворенія, воспѣвающія времена года; стихотворенія любовныя (касающіяся страстей); элегіи по разнымъ поводамъ; аллегорическія стихотворенія, и, наконецъ, стихотворенія смѣшаннаго характера. Общее число ихъ превышаетъ 4,000, и большую часть изъ нихъ составляютъ танка, короткія стихотвореньца въ 31 слогъ; слѣдующее за ними по количеству мѣсто занимаютъ длинныя стихотворенія, нага-ута. Что касается до авторовъ стихотвореній этого сборника, то ихъ не перечестъ. Но между ними выдаются особенно два поэта—Хитомаро и Акахито. Первый изъ нихъ славился въ концѣ 7-го столѣтія, послѣдній въ годы правленія Сіому (724-754 г.). Они оба были придворными чиновниками и сопровождали иногда микадо въ его путешествіяхъ по провинціямъ; больше о ихъ жизни ничего неизвѣстно.

Считавшееся прежде лучшимъ изданіе Манъосю, въ 30 томахъ, подъ названіемъ Манъосю-рякуге, теперь вышло изъ употребленія и замѣнено великолѣпнымъ Манъосю-коги, изданнымъ недавно при содѣйствіи правительства. Это изданіе, въ 122 томахъ, содержитъ въ себѣ положительно всѣ комментаріи и указатели, которыми пожелалъ бы воспользоваться самый ярый изслѣдователь. Печать удивительно хороша, и текстъ значительно выправленъ по сравненію съ изданіемъ Рякуге.

Нижеслѣдующіе переводы, хотя они и не совѣмъ точны, могутъ дать всетаки нѣкоторое понятіе о характерѣ поэзіи Манъосю. Первое стихотвореніе принадлежитъ Хитомаро. Это элегія на смерть принца Хинами, сына микадо Темму, умершаго въ 687 году, до своего вступленія на престоль.

Поэтъ начинается разказомъ о назначеніи совѣтомъ боговъ божества Ниниги-но-микото первымъ божественнымъ правителемъ Японіи. Во второй части дѣлается намекъ на смерть микадо Темму. Въ третьей части поэтъ выражаетъ скорбь народа по поводу того, что принцъ Хинами не находится въ живыхъ, чтобы унаслѣдовать тронъ предковъ, и оплакиваетъ унылость его могилы, которую онъ изображаетъ въ видѣ дворца, гдѣ принцъ пребываетъ въ молчаніи и уединеніи:

„Когда зачиналась земля, зачиналось небо,
 На берегу рѣки¹⁾ небесной тверди
 Сошлись боги на великое собранье,
 Сошлись боги и держали великій совѣтъ.
 Сонмы и сонмы собрались ихъ тамъ.
 Всѣмъ тогда было дано назначенье высокое.

¹⁾ Млечный путь.

Богиня солнечнаго свѣта,
Той, что блескомъ небо наполняетъ,
Удѣлили они царство на небѣ.
Ея божественному внуку
Отдали они эту страну Аси-хара,¹⁾
Эту землю прекрасныхъ рисовыхъ колосевъ,
Отдали въ его божественное управленіе,
Доколь не пройдутъ небо и земля.
Ниспосланный внизъ, онъ мощно разсыялъ
Облака небесъ, кучно нагроможденныя,
Спускаяся въ блескъ на землю.

Во дворцѣ Кіюми²⁾
Съ высокаго царскаго трона
Богородно правилъ потомокъ его,
Божественный отпрыскъ высокаго солнца,
Доколь не вознесся онъ въ небесныя тверди,
Распахнувъ широко вѣчности двери,
На равнину небесъ.

Великій принцъ! Если бы удостоилъ ты
Принять подъ власть свою подданный этотъ мѣръ,
Ты былъ бы дорогъ всему народу твоему,
Дорогъ, какъ дороги весенніе цвѣты,
Какъ полное сіяніе луны, что въ душу льетъ отраду.
Какъ въ кормчаго великаго корабля,
Такъ сильна была бы наша вѣра въ тебя.
Какъ желаннаго дождя съ небесъ
Ждалъ весь народъ тебя.
Но ты избралъ, намъ невѣдомо зачѣмъ.
На уныломъ Маюми холмѣ,
Тамъ поднять къ небу массивныя колонны,
Тамъ воздвигнуть одинокій дворецъ.
По утрамъ не слышно гласа твоего;
Мѣсяцы и дни въ безмолвіи текутъ,
Пока слуги твои, печальные и унылые,
Не разбредутся, невѣдомо куда.“

Слѣдующее стихотвореніе также принадлежит Хитомаро; оно представляет собою элегію на смерть одной придворной дамы:

„На лицѣ ея играла краска осеннихъ деревьев;
Изящны были ея формы, какъ граціозный бамбукъ.
Но невѣдомы были намъ ея думы о грядущемъ,
И ждали мы, что жизнь ея не будетъ знать конца:
Не преідетъ она, какъ преходитъ роса,
Что падаетъ утромъ,
А къ вечеру нѣтъ;

¹⁾ По русски: камышевая степь. Сокращено вмѣсто Аси-хара по ци-и-хо-аки но мидзу-хо но куні, т. е. страна тысячи пятисотъ осеннихъ свѣжихъ колосевъ камышевой степи. (Florenz, Mythologie).

²⁾ Полиѣ: Кіюми-хара (въ деревнѣ Асука, въ уѣздѣ Такаца) (Florenz, Annalen).

Не преїдетъ подобно туману,
 Который палъ съ вечера,
 Чтобы къ утру исчезнуть.
 Даже мы, знавшіе только по слухамъ ея,
 Мы, видѣвшіе ее только мелькомъ,
 Исполнились скорби глубокой.
 Каково же должно быть отчаянье
 Ея въ цвѣтъ юныхъ силъ мужа,
 Который дѣлилъ съ нею брачное ложе;
 Ихъ бѣлыя руки сплетались вмѣстѣ...
 Безутѣшны становятся думы его,
 Когда она ложится;
 Съ тоскою онъ мыслить о ней.
 Увы! Она, которая ушла отъ насъ,
 По преждевременному велѣнію судьбы,
 Дѣйствительно походить на утреннюю росу,
 Походить она на вечерній туманъ.“

Слѣдующее стихотвореніе даетъ представленіе о томъ, какъ японскіе поэты пользовались параллелизмомъ. Стихотвореніе помѣчено 744 годомъ послѣ Р. Х.

„У дворца Футаги,
 Гдѣ нашъ великій царь и божественный господянь
 Держить кормило правленья,
 Мягки тамъ склоны холмовъ, покрытыхъ сотнями деревьевъ;
 Пріятенъ тамъ шумъ потоковъ,
 Бѣгущихъ стремительно внизъ.

Какъ продолжительно на скалахъ весеннее цвѣтенье
 (Когда поетъ по ночамъ соловей)
 Парче-узорныхъ цвѣтовъ,
 Украшающихъ подножіе горы;
 Какъ продолжительно осеннее паденье
 Сбиваемыхъ ливнями красныхъ листовъ,
 Когда ходятъ по небу темныя тучи.

Такъ на многія тысячи лѣтъ
 Пусть продолжается его жизнь,
 Чтобы царствовать надъ всѣми подъ небомъ
 Въ великомъ дворцѣ, которому назначено
 Пребывать неизмѣннымъ на многія лѣта.“

Въ похвалу Японіи.

„Страна Ямато¹⁾
 Имѣетъ много горъ,
 Но несравненнѣе всѣхъ ихъ

¹⁾ По Мотоори, слово Ямато было въ началѣ только названіемъ деревни, затѣмъ уѣзда и, наконецъ, оно сдѣлалось названіемъ провинціи и употреблялось кромѣ того еще для обозначенія всей Японіи вообще. Самымъ простымъ этимологическимъ объясненіемъ этого слова является Яма-то, т. е. горныя ворота. (Florenz, Mythologie).

Высокая Кагу-яма.
Я стоялъ на вершинѣ ея
И обозрѣвалъ все царство свое.
Дымъ съ равнинъ подвигается
Въ воздухъ густыми столбами
Чайки съ равнинъ моря
Порывисто воеютъ въ выси.
О страна Ямато!
Прекрасный Аки-цу-сима!
Какъ дорогъ ты мнѣ.“

Легенда объ Урасима.

Это одна изъ самыхъ древнихъ и популярныхъ японскихъ легендъ.
По времени своего сложенія она много древнѣе Маньосю.

„Въ туманный весенній день я пошелъ на взморье Суминое.
Я слѣдилъ, какъ сновали взадъ и впередъ рыбачьи челны;
И мнѣ вспомнилось сказанье сѣдой старины,
Какъ Урасима, вѣкій изъ Мидзуное рыбакъ,
Сильный въ искусствѣ ловить бонитовъ и тая,
Не возвращался домой цѣлыхъ семь дней,
Но гребъ все впередъ до границъ океана,
Гдѣ судилъ ему рокъ повстрѣчаться съ богиней,
Дщерью бога морей, когда гребъ онъ впередъ.
Они понравились другъ другу
И, обмѣнявшись клятвой взаимной, въ страну безсмертныхъ ушли.
Рука въ руку вошли они въ прекрасный дворецъ въ царствѣ бога морей.
Здѣсь могъ бы жить онъ вѣчно,
Никогда не старѣя, не умирая никогда;
Но неразумный человекъ здѣшняго міра
Такъ супругѣ своей возвѣстилъ:
„Я вернусь ненадолго домой молвить слово роднымъ,
А завтра прійду я опять.“
Такъ говорилъ онъ, и супруга сказала ему:
„Если ты хочешь вернуться въ безсмертныхъ страну
И жить вмѣстѣ со мною, какъ живешь ты теперь,
То смотри, не подумай открыть этотъ ларецъ.“
Такъ строго внушала богиня ему.
Но, прибывъ въ Суминое,
Сталъ онъ дома искать, и найти онъ не могъ,
И не могъ отыскать онъ деревню свою.
Дивился онъ этому, и пришла ему мысль:
„За время трехъ лѣтъ, что покинулъ я домъ,
Могъ ли исчезнуть онъ такъ, что не осталось даже ограды?
Открою теперь я ларецъ,
А можетъ, какъ прежде, появится домъ!“
Такъ говоря, онъ чуть-чуть приоткрылъ драгоценный ларецъ.
И вышло оттуда бѣлое облако,
И потянулося вдаль въ безсмертныхъ страну.
Онъ бѣжалъ, онъ кричалъ, онъ махалъ рукавами;
По землѣ онъ катался, онъ топалъ ногами...
Но вдругъ сердце его начало таять,

Морщины покрыли тѣло его, который такъ юнъ былъ еще;
Черные кудри его совѣмъ побѣлѣли,
Все слабѣй и слабѣй становилось дыханье его...
Наконецъ онъ почилъ.
Вотъ здѣсь! Здѣсь когда-то была
Рыбачья лачуга его, Урасима изъ Мидзуное.“

Подобно большинству нага-ута вышеприведенная поэма сопровождается стихотвореніемъ въ 31 слогъ, извѣстнымъ подъ именемъ ханка. Ханка иногда отражаетъ и повторяетъ главную идею предшествующей ему поэмы, а потому и употребляется иногда, какъ бы въ родѣ нѣкотораго поэтического приложения, чтобы использовать все крохи мысли и воображенія, которыя неудобно было включить въ поэму. Нѣкоторыя нага-ута имѣютъ по нѣскольку ханка.

Ханка.

„Въ безсмертныхъ страну
Уйти бы онъ могъ и тамъ жить,
Но по природѣ своей
Безразуденъ какъ былъ этотъ несчастный!“

Авторы двухъ нижеприведенныхъ стихотвореній неизвѣстны.

Гора Фудзи (Фудзи-но-яма).

„Тамъ, гдѣ съ одной стороны провинція Каи лежитъ,
А съ другой пораскинулись земли Суруга,
На границѣ ихъ тамъ никъ высятся Фудзи.
Даже небесъ облака не дерзаютъ къ нему подойти;
Даже въ небѣ парящія птицы не достигаютъ
Вершины его на полетѣ своемъ.
Всесожигающій огонь его умѣряется снѣгомъ,
И таетъ отъ огня ниспадающій снѣгъ на него.
Описать его словъ не хватаетъ;
Подходящее имя ему подобрать невозможно:
Божество дивное онъ!
Мы зовемъ моремъ Се
Озеро то, что находится въ немъ;
Та рѣка, Фудзи которую люди зовутъ,—
Это воды подножья его.
Для Ямато, солнцевосхода страны,
Онъ мира податель, божество и сокровище онъ.
На никъ Фудзи въ странѣ Суруга
Никогда я глядѣть не устану.“

Бѣдность.

Это стихотвореніе является исключительнымъ въ томъ смыслѣ, что даетъ нѣкоторое указаніе на положеніе бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Въ нѣкоторыхъ его строфахъ можно прослѣдить вліяніе буддизма.

„Ночь,—льетъ дождь и воетъ вѣтеръ,
 Снѣгъ идетъ, мѣшаясь съ дождемъ.
 Зябну я и, какъ быть мнѣ, не знаю.
 Мой удѣлъ ужъ таковъ, чтобъ соль ¹⁾ грубую грызть,
 Пить негодные выварки саке.
 Я простуженъ, но помочь тутъ ничѣмъ не могу.
 Гордо я думать могу, бороду глядя свою:
 „Кто мнѣ подобенъ быть можетъ?“...
 Мнѣ холодно,—покрываю себя я тогда изъ пеньки покрываломъ,
 Я валю на себя все плащи изъ холста, что имѣю.
 Но, однако, въ такую морозную ночь
 Нѣтъ ли другихъ побѣднѣе еще,
 Чьихъ родителей голодъ и холодъ совсѣмъ истощилъ,
 Чьи жены и дѣти молятъ въ слезахъ подаянья?“

(Поэтъ представляетъ себя какъ-бы обращающимся съ вопросомъ къ такому бѣдняку).

„Но какъ же проводите дни ваши вы во время такое?“

(Отвѣтъ).

„Небо и земля широки, но мнѣ стали тѣсны они;
 Свѣтлы солнце и мѣсяцъ, но не блещутъ они для меня.
 Для всехъ ли людей это такъ, для меня ль одного это только?
 Человѣкомъ рожденный случайно,
 Я подобно другимъ человѣческой образъ имѣю.
 Но на плечахъ своихъ изъ холста плащъ ношу,
 Безъ подкладки онъ шитъ;
 Онъ лоскутьями вѣситъ внизъ,
 Точно водоросль моря,—
 Просто куча лохмотьевъ и только!
 А въ лачугѣ моей, кое-какъ и безъ формы слѣпленной,
 На голомъ полу земляномъ лишь солома лежатъ.
 Отецъ и мать у изголовья, у ногъ дѣтишки и жена
 Собрались вокругъ меня съ рыданьемъ и плачемъ,
 И голоса ихъ, какъ бы выходятъ изъ горла птицы нуге²⁾,—
 Ибо давно не дымится очагъ,
 Пауки заплели паутину въ горшкахъ,
 И какъ нищу готовить—давно ужъ забыто.
 А въ добавокъ всему, какъ пословица есть:
 „Пубавигъ конецъ у того, что и такъ коротко,“—
 Появляется староста съ посохомъ,
 Настяня его проникаютъ до мѣста, гдѣ сплю я.
 Вотъ какъ жалко влачимъ въ этомъ мѣрѣ мы жизнь!“

Образцы танка.

Метрическая передача лучшихъ танка изъ сборниковъ Манъосю и Кокинсю было бы наиболѣе подходящей. Но такъ какъ не появился еще какой-нибудь второй Edward Fitzgerald, который изложилъ бы ихъ въ такой формѣ, то пока намъ приходится довольствоваться про-

¹⁾ Соленую рыбу?

²⁾ Название баснословной ночной птицы.

стымъ прозаическимъ переводомъ. Въ большинствѣ случаевъ предлагаемые ниже переводы строка въ строку соотвѣтствуютъ подлинникамъ.

Здѣсь приводится десять стихотвореній изъ числа тридцати танка, сложенныхъ въ похвалу sake иѣкимъ Отомо-но-Якамоци (умеръ въ 785 г.), наиболѣе выдающимся въ то время поэтомъ послѣ Хитомаро и Акахито. Такая тема является не совсѣмъ обычной для японскаго поэта и выборъ ея обязанъ, вѣроятно, китайскому вліянію.

„Ахъ! какая истина сказана словами
еликаго мудреца
Временъ старины,
Который далъ sake
Имя мудреца!“

* * *

„Это была sake,
Что сильно любили
Даже семь мудрецовъ
Дней сѣдой старины.“

* * *

„Лучше, чѣмъ бесѣдовать,
Что было бы мудро,
Будеть выпить sake,
Пока не заплачешь
Пьяными слезами.“

* * *

„Болѣе, чѣмъ могу сказать,
Болѣе, чѣмъ могу указать,
Еще болѣе благородная вещь
Это sake.“

* * *

„Если бы случилось
Быть мнѣ чѣмъ-нибудь инымъ, а не человѣкомъ,
То хотѣлъ бы я быть
Кувшиномъ для sake,
И тогда бы ужъ я насосался вволю.“

* * *

„Ненавистенъ, на мой взглядъ,
Тотъ добродѣтельный глупецъ,
Что пить не хочетъ sake.
Когда такого вижу я,
То нахожу я въ немъ сходство съ обезьяной.“²⁾

¹⁾ Первый императоръ Вейскаго государства въ Китаѣ запретилъ своимъ подданнымъ употребленіе вина. Но такъ какъ народу трудно было отвыкнуть отъ вина, то онъ продолжалъ пить его тайкомъ. Когда же приходилось говорить о винѣ, тогда бѣлое, мутное вино называли „мудрецомъ“, а бѣлое прозрачное вино— „святимъ“. Намекъ на это содержится въ приведенномъ стихотвореніи, въ оригиналѣ котораго встрѣчается слово „хидзирн“, имѣющее два значенія: 1) святой, мудрый человѣкъ и 2) рисовое вино. (Японскій словарь г. Модзуме: Нихонъ-дай-дзиринъ).

²⁾ Официальное изданіе Манъсю посвящаетъ этому стиху восемь страницъ толкованій.

* * *

„Толкуй о безцѣнныхъ сокровищахъ!
Но драгоценнѣй-ль они
Одной только чарки
Густой, крѣпкой sake?“

* * *

„Говори о камняхъ дорогихъ,
Что сверкаютъ въ ночи!
Столь услады дадутъ ли они,
Сколько sake—питье,
Что тоску разгоняетъ?“

* * *

„Много разныхъ путей
Для утѣхъ въ мирѣ семь,
Но изъ нихъ ни одинъ, какъ то думаю я,
Не сравнится съ питьемъ,
Даже, если до слезъ.“

* * *

„Доколѣ въ этомъ мирѣ
Я пользуюсь своею утѣхой,
То въ томъ существованьи,
Не все ли мнѣ равно, буду ль птицей я,
Или насѣкомымъ?“

* * *

Весна является наиболѣе излюбленной темой для танка. Вотъ нѣ-
сколько стихотвореній, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, воспева-
ющихъ весну:

„На сливовый цвѣтъ
Налегъ толстый снѣгъ,—
Я хотѣлъ собрать,
Показать тебѣ,
Но въ моихъ рукахъ онъ растаялъ весь“.

* * *

„Сливовый цвѣтъ
Опалъ уже повсюду
Но не смотря на это,
Бѣлый снѣгъ
Выгаль глубоко въ саду.“

* * *

„Между холмовъ
Еще бѣлѣтъ снѣгъ,
Но ивовое дерево,
Гдѣ сбѣгаются потоки,
Уже пустило почки.“

* * *

„О ты, моя пва,
На которую гляжу я всегда по утрамъ,
Поспѣшай покрыться тѣнистой листвой,
Чтобы тамъ соловей ¹⁾,
Прилетая, могъ пѣть.“

* * *

„Прежде чѣмъ весенній вѣтеръ
Попугаетъ тонкія нити
Ивы зеленой,
Я хотѣлъ бы теперь показать
Ихъ возлюбленной своей.“

* * *

„Время цвѣтовъ вишни
Еще не прошло,
Хотя уже скоро они опадутъ
Но на нихъ кто смотритъ,
Тѣхъ любовь все больше возрастаетъ къ нимъ.“

* * *

„Падай же помягче
Ты, весенній дождь,
И не обивай мнѣ
Вишневыхъ цвѣтовъ,
Доколь не нагляжуся вдоволь я на нихъ.“

* * *

„Когда я шель
Черезъ пустую степь,
Гдѣ стелется туманъ,—
Соловей уже пѣлъ.
Весна, какъ кажется, пришла.“

* * *

„Дни мои идутъ въ тоскѣ,
И сердце мое таетъ,
Какъ таетъ бѣлый иней
На водяныхъ растеніяхъ,
Когда идетъ весна.“

* * *

„Въ страданіяхъ любви
Я пребывалъ до ночи,
Но завтра, длинный день весны,
Съ его плывущимъ вверхъ туманомъ,
Какъ проводить его отнынѣ буду я?“

¹⁾ Птица угуйсу, что переведено словомъ соловей, не есть въ дѣйствительности нашъ соловей. Угуйсу походить на соловья по размѣрамъ и окраскѣ; онъ поетъ не только ночью, но и днемъ, забываясь для этого въ густую тѣнистую чащу, и поэтому японцы устраиваютъ домашнему угуйсу искусственный полумракъ, затягивая его клетку бумагой. Пѣніе угуйсу далеко не такъ разнообразно, какъ пѣніе соловья; но по чистотѣ мелодіи его не можетъ превзойти ни одинъ изъ пѣвуновъ. Коротенькія мелодичныя трели угуйсу являются подходящей эмблемой національной японской поэзіи.

* * *

„Любовь моя сильна,
Какъ зеле въ весны,
И многообразна, какъ волны,
Что сами тѣснятся на берегъ
Великаго моря.“

* * *

„Не стану я больше садить для тебя
Высокихъ деревьевъ,
Кукушка ¹⁾!
Ты, прилетая, звонкимъ крикомъ своимъ
Только страданья любви разжигашь.“

* * *

„Сегодня на разсвѣтѣ дня
Я слышала кукушки крикъ;
Ты, мой господинъ, слыхалъ ли его,
Или же спалъ ты еще?“

* * *

„Для тебя посажу
Апельсиновъ я рощу,
Кукушка!
И ты можешь тамъ жить,
Пока прійдетъ весна.“

* * *

„Занялася заря,
А я спать не могу, все мечтаю о ней.
Что мнѣ дѣлать
Съ кукушкою этой,
Которая вѣчно поетъ и поетъ?“

* * *

„Только пусть твоя рука
Лежить въ рукѣ моей,—
Что намъ до людскихъ рѣчей,
Хотя бы много было ихъ,
Какъ лѣтней зелени въ лугахъ?“

* * *

„Разъ мы такія существа,
Что, въ жизнь родившись,
Потомъ намъ умереть должно.—
Доколѣ длится эта жизнь,
Пусть наслаждаться намъ дано.“

* * *

„Съ чѣмъ сравнить мнѣ
Нашу жизнь?
Она похожа на ладью,

¹⁾ По представленію японцевъ въ крикѣ кукушки слышится тоска неудовлетворенной любви. Самая птица эта на не похожа нашу; она только родственнаго семейства съ нашей кукушкой, но пѣніе ея совершенно иное. По-японски она называется—хототогису, что представляетъ собою поэтическое звукоподражаніе.

Что по зарѣ плыветъ впередъ,
И нѣтъ за ней слѣдовъ.⁽¹⁾

* * *

„Хотѣлъ бы я куда-нибудь уйти,
Гдѣ вовсе нѣтъ кукушекъ.
Печаленъ становлюся и
Всегда, когда заслышу
Пѣнье ихъ“.

* * *

„На волны похожая ²⁾ фудзи³⁾,
Что посадила у дома я,
Какъ память о тебѣ,
Которую люблю,
Вся теперь зацвѣла.“

* * *

„Когда кукушка зацвѣла,
Я тотчасъ же послалъ ее прочь
И просилъ летѣть къ тебѣ.
Я хотѣлъ бы узнать,
Прилетала ль она?“

* * *

„Ступай ты, кукушка,
Скажи моему господину,
Который такъ занятъ дѣлами,—
Пусть придетъ, посмотреть,
Какъ люблю я его.“

* * *

„Я признаю,
Что ненавиждимъ вами;
Но цвѣтущій анельсинъ
У жилища моего!—
Неужель вы не придете посмотреть его?“

* * *

„На мнѣ нѣтъ одежды,
Смоченной росой
При моей прогулкѣ по лѣтней травѣ,—
Но платя моего рукавъ
Постоянно мокры отъ слезъ.“

* * *

„Теперь шестой мѣсяць,
И солнце сіяетъ;
Земля даетъ трещины отъ сильнаго зноя.
Но даже при этомъ, какъ можетъ сухъ быть мой рукавъ,
Если я не вижу съ тобой никогда?⁽⁴⁾

¹⁾ Идея этого стихотворенія буддійская. Скоротечность жизни есть постоянный приливъ, проходящій черезъ всю японскую литературу.

²⁾ Предполагается, что цвѣты похожи на волны и волнуются отъ вѣтра.

³⁾ Названіе растенія *Wistaria chinensis*.

* * *
„На весеннихъ лучахъ
Собирать фіалки
Отправился я.
Ихъ прелесть такъ меня плѣнила,
Что я остался до утра.“¹⁾

(Авахито).

* * *
„Ахъ!—Страданія любви
Прячутся отъ міра
Подобно чистой лиліи,
Растущей въ густой зелени
На лѣтнихъ лугахъ!

* * *
„Небо—это море,
Гдѣ ходятъ облаковъ валы,
А луна корабль,
Который по аллеямъ звѣздъ
Плыветъ своимъ путемъ.“

* * *
„Ахъ! Чтобы этимъ бѣлымъ волнамъ,
Что вдали на морѣ Исе²⁾,
Сдѣлаться цвѣтами,
Чтобы могъ я ихъ, собравъ,
Своей возлюбленной отдать!“

* * *
Хотя Нихонги³⁾, какъ написанное на китайскомъ языкѣ, и не служить собственно цѣлямъ, преслѣдуемымъ настоящимъ трудомъ, но произведеніе это занимаетъ такое видное мѣсто между книгами, написанными въ Японіи, что заслуживаетъ особаго упоминанія.

Въ Нихонги мы имѣемъ собраніе національныхъ мифовъ, легендъ, поэзіи и исторіи съ древнѣйшихъ временъ и до 697 года послѣ Р. Х., составленное при содѣйствіи правительства и законченное въ 720 г. по Р. Х.

Это первая большая серія историческихъ записей на китайскомъ языкѣ. Сами по себѣ записи эти въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ безцвѣтныхъ компиляцій, въ которыхъ могутъ найти особый интересъ только изслѣдователи исторіи, антропологии и другихъ родственныхъ имъ предметовъ. Авторы Нихонги довольствовались только тѣмъ, что перечисляли событія въ ихъ хронологической послѣдовательности

¹⁾ Это, конечно, надо понимать метафорически, какъ визитъ къ возлюбленной

²⁾ Разумѣется море у провинціи Исе.

³⁾ См. полный переводъ его: W. C. Aston въ „Transactions of the Japan Society“ и частичный: Dr. K. Florenz: Japanische Mythologie и Japanische Annalen (2-е изд.). Французскій переводъ Rosny не рекомендуется.

по мѣсяцамъ и днямъ, не дѣлая никакой попытки преслѣдовать связь между ними или поразмыслить о ихъ причинахъ.

Вниманіе къ китайскимъ сочиненіямъ и изученіе ихъ, что необходимо вызывалось употребленіемъ китайскаго языка, повело, однако, къ важнымъ послѣдствіямъ. Въ результатѣ оказалось то, что изученіе китайскихъ памятниковъ и языка приковало къ себѣ вниманіе мужчинъ, а развитіе національной поэзіи было предоставлено въ значительной мѣрѣ женщинамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ это тяготѣніе къ китайской литературѣ помогло японскому языку усвоить себѣ лучшіе образцы стиля, чѣмъ тѣ, которые была въ состояніи создать его собственная страна.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Хейанскій (классическій) періодъ. (800—1186 г. послѣ Р. Х.).

ГЛАВА I.

Введеніе.—Положеніе женщины и ея отношеніе къ литературѣ.—Изобрѣтеніе
силлабическаго письма.

Въ 794 году столица была перенесена на новое мѣсто въ нынѣшній Кіото, которому было присвоено названіе Хейанъ-дзіо, т. е. городъ мира. Микадо имѣли тамъ свою резиденцію вплоть до переворота 1868 года, но терминъ Хейанскій періодъ разумѣеть только то время, когда Кіото былъ дѣйствительно центромъ, въ которомъ сосредоточивалась высшая власть, т. е. четыре первыхъ столѣтія послѣ обоснованія въ немъ столицы. Когда Гиритомо въ концѣ этого періода установилъ сіюгунатъ, т. е. господство военного сословія, въ Камакурѣ, въ восточной части Японіи, то вся фактическая власть сосредоточилась тамъ.

Съ основаніемъ Хейанъ-дзіо быстро пошелъ впередъ и достигъ своего апогея культурный прогрессъ, получившій толчекъ отъ соединеннаго воздѣйствія китайской науки и буддизма. Наступилъ періодъ великаго матеріальнаго преуспѣянія. Но затѣмъ не замедлили появиться и обычные послѣдствія, сопровождающія такіе историческіе моменты. Правящіе классы сдѣлались безпечными и расточительными; преслѣдуя только цѣли наслажденія жизнью, они стали пренебрегать дѣлами правленія. Наступило великое ослабленіе моральныхъ принциповъ, что слишкомъ наглядно видно изъ литературы этого періода. Но занятія науками процвѣтали, и высшая степень утонченности господствовала въ томъ небольшомъ кругу лицъ, которыя находились при микадо и его дворѣ.

Хейанскій періодъ есть классическій періодъ японской литературы. Поэзія этого періода, можетъ быть, и не достигаетъ образцовъ

Маньосю, но тѣмъ не менѣе и въ этой области не мало удивительныхъ по своимъ достоинствамъ произведеній. Что же касается прозы, то по обилію и прелести своихъ произведеній она оставляетъ далеко за собою прозу Нарскаго періода. Въ этомъ періодѣ языкъ достигъ полной степени своего развитія. Съ его богатствомъ наращеній и частицъ онъ сталъ гибкимъ орудіемъ въ рукахъ писателя, а словарь сталъ такъ разнообразенъ и обилень выраженіями, что можно только удивляться ему, если принять во вниманіе то обстоятельство, что онъ пользовался почти исключительно только національными источниками. Немногія китайскія слова, которыя встрѣчаются въ немъ, проложили себѣ путь чрезъ разговорный языкъ, которому они привились, а не взяты прямо изъ китайскихъ книгъ, какъ это было въ болѣе поздній періодъ, когда японскіе писатели загромождали свои періоды совершенно чуждыми словами. Литература Хейанскаго періода вполне отражаетъ въ себѣ пристрастный къ удовольствіямъ, изнѣженный, но вмѣстѣ съ тѣмъ культурно-утонченный характеръ того класса японскаго народа, который создалъ ее. За ней нѣтъ серьезныхъ, мужскихъ, такъ сказать, качествъ. Исторія, теологія, точныя науки, законовѣдѣніе, однимъ словомъ, всѣ ученые труды, результаты работы мысли, писались на китайскомъ языкѣ, и ни одинъ изъ нихъ не отличается литературными достоинствами. Что касается до чисто національной литературы, литературы, пользовавшейся японскимъ языкомъ, то по содержанію своему она наилучше можетъ быть опредѣлена терминомъ — изящная литература.

Она состоитъ изъ стихотвореній, вымышленныхъ, фантастическихъ исторій и разсказовъ, дневниковъ и несвязныхъ отрывковъ, называемыхъ по-японски дзуй-хицу, т. е. слѣдованіе за кистью. Единственнымъ исключеніемъ являются труды болѣе или менѣе историческаго характера, появившіеся къ концу этого литературнаго періода.

Низшіе классы народа не принимали никакого участія въ литературной дѣятельности этого времени. Цивилизація не проникла еще за предѣлы небольшого круга лицъ. И писатели, и читатели принадлежали исключительно къ чиновному классу. Народъ время отъ времени выражалъ свое недовольство по поводу притѣсненій и дурного управленія, но недовольство его не находило себѣ выраженія въ литературѣ. Оно выражалось въ формѣ народныхъ вспышекъ, волненій, разбоя и пиратства.

Удивительнымъ и, я думаю, безпримѣрнымъ фактомъ является то, что очень обширная и важная часть лучшей литературы, какую создала

Японія, написана женщинами. Мы уже видѣли, что добрая доля поэзіи Нарскаго періода принадлежитъ женщинамъ. Въ Хейанскомъ періодѣ женщины занимаютъ еще болѣе выдающееся мѣсто въ смыслѣ поддержанія и развитія національной литературы. Два величайшихъ произведенія этого періода, дошедшія до насъ, оба принадлежатъ женщинамъ. Отчасти это явленіе, несомнѣнно, обязано тому, что вниманіе мужчинъ было поглощено изученіемъ китайщины, и тому, что сильный полъ съ презрѣніемъ относился къ такимъ суетнымъ занятіямъ, какъ писаніе стихотвореній и романовъ. Но оно оправдывается и другими болѣе вѣскими причинами. Положеніе женщины въ древней Японіи было слишкомъ отлично отъ того, какимъ оно стало впоследствии, когда начали оказывать свое вліяніе принципы китайскаго міровоззрѣнія. Японцы этого древняго періода не раздѣляли общаго большинству народовъ Востока взгляда, что женщину надо держать въ подчиненіи и, насколько возможно, въ уединеніи. Въ старинныхъ сказаніяхъ неоднократно упоминается о предводителяхъ-женщинахъ, и даже нѣкоторые изъ микадо были женщины.

Какъ кажется, китайцы дѣйствительно думали, что въ то время дѣлами Японіи заправлялъ «чудовищный полкъ женщинъ»; по крайней мѣрѣ они часто именовали Японію «страной королевы». Можно привести много примѣровъ тому, какъ женщины въ Японіи пользовались своимъ вліяніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и какъ онѣ поддерживали свою независимость дѣйствій, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ нашими предвзятыми представленіями о положеніи женщины на Востокѣ. Вотъ это, именно, положеніе японскихъ женщинъ и отразилось на ихъ литературныхъ трудахъ, придавъ имъ характеръ свободы и оригинальности, чего нельзя было бы встрѣтить въ произведеніяхъ затворницъ гарема.

Тѣмъ фактомъ, что произведенія Хейанской литературы въ значительной мѣрѣ принадлежатъ женщинамъ, и объясняется, несомнѣнно, отчасти мягкой ея, такъ сказать, семейный характеръ. Она изобилуетъ описаніями сценъ домашней и придворной жизни и разныхъ любовныхъ, сентиментальныхъ, романическихъ инцидентовъ. Хотя мораль, которую проявляетъ эта литература, является не болѣе, какъ натяжкой, но языкъ ея неизмѣнно изысканъ и благопристоенъ, походя въ этомъ отношеніи на языкъ лучшей китайской литературы, на которой образовались вкусы японцевъ; въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего, напоминающаго ту порнографическую школу, созданную народной фантазіей, которая унизила Японію въ 18 и 19 столѣтіяхъ. Хейанскій періодъ озна-

менованъ важнымъ шагомъ впередъ въ искусствѣ писанія, именно, изобрѣтеніемъ фонетическихъ письменныхъ знаковъ, той силлабической азбуки, которая извѣстна подъ общимъ именемъ—кана.

Древніе японцы не имѣли никакихъ письменъ. Когда они начали писать на своемъ родномъ языкѣ, то имъ не оставалось другого исхода, какъ воспользоваться для этой цѣли китайскими идеописательными знаками, іероглифами. Китайскій іероглифъ представляетъ собою сложное хитросплетеніе множества черточекъ, а такъ какъ для изображенія на письмѣ каждой силлабы многосложныхъ японскихъ словъ требовался цѣлый іероглифъ полностью, то въ результатѣ получалось невыносимое нагроможденіе знаковъ. Второе возраженіе противъ іероглифовъ—это то, что одна и та же японская силлаба могла быть изображена на письмѣ любымъ изъ нѣсколькихъ китайскихъ іероглифовъ, фонетически тождественныхъ. И дѣйствительно, для изображенія 47 силлабъ японскаго языка было въ употребленіи нѣсколько сотъ іероглифовъ.

Не легкой задачей было помнить такое количество знаковъ, касалось ли дѣло писанія или чтенія. Къ устраненію такихъ трудностей японцы подошли двумя способами: они ограничились, во 1-хъ, небольшимъ количествомъ іероглифовъ для фонетическаго письма, а во 2-хъ стали писать ихъ сокращенно, т. е. скорописью. Въ настоящее время имѣется двѣ разновидности письменъ, происшедшихъ такимъ образомъ, двѣ японскихъ силлабическихъ азбуки—это катакана и хирагана. Нѣтъ возможности указать точно время введенія этихъ азбукъ, но для насъ достаточно будетъ знать только то, что обѣ онѣ вошли въ употребленіе около конца 9-го столѣтія. Эти азбуки сильно упростили дѣло писанія. Врядъ ли будетъ большой смѣлостью сказать, что безъ нихъ трудъ передачи на бумагу длинныхъ сочиненій этого періода заставилъ бы призадуматься и самыхъ искусныхъ, прилежныхъ писцовъ.

Г Л А В А П.

Поэзія.—Кокинсю.—Поэтическіе турниры.—Образцы танка изъ Кокинсю.

Въ теченіе первыхъ 70 или 80 лѣтъ послѣ перенесенія столицы въ Хейанъ или Кіото изученіе китайской культуры исключительно привлекло къ себѣ вниманіе націи. До насъ не дошло никакихъ важныхъ прозаическихъ сочиненій періода этихъ лѣтъ на японскомъ языкѣ; національная поэзія также была въ застоѣ. Въ модѣ было китайское стихосложеніе, и микадо и принцессы считались въ рядахъ адептовъ это-

го искусства. Но конецъ 9-го столѣтія обнаруживаетъ уже признаки возрожденія національной японской поэзіи. Въ это время мы встрѣчаемъ уже имена: Юкихира, Нарихира, Отомо-но-Куронуси и другихъ, за которыми въ началѣ 10-го столѣтія слѣдуютъ: Кп-но-Цураюки, Оси Кодзи, Хендзю и Оно-но-Комацн (поэтесса).

Въ 905 году послѣ Р. Х. микадо Дайго поручилъ комитету чиновниковъ придворной пѣсенной части, состоявшему изъ Кп-но-Цураюки и другихъ поэтовъ, составить сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній, которыя созданы были въ теченіе предшествовавшихъ 150 лѣтъ. Результатомъ трудовъ комитета было появленіе антологіи подъ названіемъ Кокинъ-вака-сю, часто сокращаемымъ въ Кокинсю, т. е. собраніе японскихъ стихотвореній, древнихъ и современныхъ. Этотъ сборникъ былъ законченъ около 922 года и содержитъ болѣе 1,100 стихотвореній, расположенныхъ по слѣдующимъ рубрикамъ: весна, лѣто, осень, зима, поздравленія, разлука, путешествія, имена вещей, любовь, печаль и стихотворенія смѣшаннаго содержанія. Въ числѣ стихотвореній этого сборника имѣется только пять нага-ута, всѣ же остальные представляютъ собою танка изъ 31 силлабы, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ стихотвореній, состоящихъ изъ меньшаго количества силлабъ. Предпочтеніе, оказываемое танка передъ нага-ута не было преходящимъ явленіемъ въ японской поэзіи. Оно имѣло мѣсто вплоть до нашихъ дней со всѣми своими роковыми послѣдствіями и служило помѣхой для настоящаго развитія японской поэзіи. Какимъ образомъ произошло то, что нація, имѣвшая въ нага-ута подходящую форму для свободнаго выраженія поэтическаго вдохновенія, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, имѣвшая въ нихъ удобное орудіе для созданія повѣствовательныхъ, элегическихъ и другихъ поэмъ, могла въ то же время ограничиваться въ теченіе многихъ столѣтій такой поэтической формой, въ тѣсныхъ предѣлахъ которой могли заключаться не болѣе, какъ афоризмы, эпиграммы, остроты и восклицанія,—это вопросъ, который легче задать, чѣмъ отвѣтить на него.

Многія изъ поэтическихъ произведеній этого періода являются результатомъ поэтическихъ турнировъ. На такихъ турнирахъ темы предлагались конкурентамъ судьями, которые затѣмъ внимательно и подробно изслѣдовали каждую фразу, каждое слово, прежде чѣмъ произнести свой приговоръ. Какъ и можно ожидать, стихотворенія, созданныя при такихъ обстоятельствахъ, являются болѣе или менѣе искусственными, имъ недостаетъ безыскусственной силы болѣе раннихъ образцовъ японской музыки. Остроты, акростихи, непереводаемая игра словъ занимаютъ выдаю-

щеея мѣсто въ стихотвореніяхъ этого времени, но по внѣшней отдѣлкѣ формъ равныхъ имъ нѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что этому именно послѣднему качеству и обязанъ сборникъ Кокинсю своей популярностью. Сей-сіонагонъ, писавшая въ началѣ 11-го столѣтія, говоритъ, что въ программу образованія молодой знатной дѣвушки должны входить искусство письма, музыка и изученіе 20 томовъ Кокинсю. Послѣдующая поэзія подражала Кокинсю гораздо болѣе, чѣмъ Маньосю, сборнику болѣе древнихъ произведеній. Даже въ настоящее время Кокинсю пользуется самой большой извѣстностью въ Японіи и изучается гораздо болѣе всѣхъ остальныхъ японскихъ антологій.

Танка изъ Кокинсю.

„Кто могъ бы это быть,
Что даль любви
Такое имя?
Простое слово—смерть,
Онъ могъ бы также примѣнить.“

* * *

„Могу ли забыть тебя я
Даже на мигъ такой краткій,
На который колосья
На полѣ осеннемъ
Освѣщаются блескомъ зарницы?“

* * *

„Я уснулъ въ мечтахъ о тебѣ,
Поэтому, можетъ быть,
Во снѣ тебя видѣлъ.
Знай я, что это будетъ продолжаться,
Я не хотѣлъ бы пробуждаться.“

* * *

„Назовемъ ли мы мечтою
То, что видимъ,
Когда спимъ:
Самый этотъ суетный міръ
Я реальнымъ считать не могу.“

* * *

„Я знаю, что за жизнь свою
Не могу я ручаться на завтра.—
Но нынѣшній день,
Пока не спустилася тьма,
Буду грустить я о томъ, кто ушелъ далеко.“

* * *

„О, ты кукушка
Въ храмѣ Идзо-но-ками¹⁾
Въ старинной столицѣ,—
Твой только голосъ одинъ,
Что осталось намъ отъ былого.“

Цураюки, встрѣтивъ холодный приемъ въ родныхъ своихъ мѣстахъ, срываетъ вѣтку цвѣтущей сливы и восклицаетъ:

„Это народъ? Но пусть!
Я не знаю ихъ сердце,
Но въ родныхъ моихъ мѣстахъ
Прежнимъ запахомъ своимъ
Цвѣты пахнутъ все еще.“

* * *

„Краски цвѣтовъ
Мѣшаются съ снѣгомъ,
Такъ, что ихъ видѣть нельзя;
Но можно узнать, что они есть,
Хотя бы по запаху только.“

* * *

„Я пришелъ и тебя не засталъ,
И сталъ мокрымъ мой рукавъ.
Чѣмъ, если бѣ пробирался я
Сквозь поросль бамбука
На осенней равнинѣ.“

* * *

Въ эту весеннюю ночь,
Ночь безформеннаго мрака,
Краски сливовыхъ цвѣтовъ
Увидать нельзя,—
Но можетъ ли быть скрыто благоуханье ихъ?“

* * *

„Что наводитъ тоску на меня
Въ этотъ вечеръ унылый,
Когда жду я того,
Кто не хочетъ прийти?
Не вой ли тоскливый осенняго вѣтра?“

* * *

„Хотѣлъ бы я, чтобы сердце твое
Растопилось во мнѣ,
Какъ топится ледъ
При началѣ весны,
Исчезая безслѣдно.“

¹⁾ Названіе храма въ Нарѣ.

* * *
Много лѣтъ во мнѣ
Не гаснетъ
Любви моей огонь,
И замерзшій мой рукавъ¹⁾
Не оттаялъ все еще.“

* * *
„Это только я одинъ,
Одинъ я несчастень,
Ибо нѣтъ такого года,
Чтобъ „коровій пастухъ“ даже
Не встрѣчалъ своей любви.“

Въ послѣднемъ стихотвореніи заключается намекъ на китайскую легенду, по которой коровій пастухъ, группа звѣзд недалеко отъ рѣки небесъ (млечный путь), считается любовникомъ звѣзды, называемой пряхой, и находящейся по другую сторону рѣки. Любовники разлучены ровно круглый годъ и могутъ встрѣчаться только въ седьмой день седьмого мѣсяца, когда сороки наводятъ мостъ черезъ рѣку небесъ. Какъ въ китайской, такъ и въ японской поэзіи встрѣчается безчисленное множество намековъ на эту легенду.

Изъ многихъ изданій Кокинсю самое подходящее—это изданіе Мотоори подъ названіемъ То-кагами. Оно содержитъ въ себѣ современный разговорный перифразъ подлинника.

ГЛАВА III.

Проза.—Предисловіе къ Кокинсю.—Тоса-ники.—Такетори-моногатари.—Исе-моногатари.—Удубо-моногатари.—Хамамацу-цонагонъ-моногатари.—Оцикубо-моногатари.—Суміоси-моногатари.—Ямато-моногатари.

Предисловіе къ Кокинсю.

Со времени написанія Кодзика прошло почти два столѣтія, въ теченіе которыхъ въ прозаическую японскую литературу не было сдѣлано никакого существеннаго вклада. Нѣкоторые изъ норито и императорскихъ эдиктовъ, указанныхъ въ предыдущихъ главахъ, принадлежать этому періоду, но вообще японскіе писатели взялись серьезно за прозаическія сочиненія на своемъ родномъ языкѣ не ранѣе половины 10-го столѣтія.

Ки-но-Цураюки, поэтъ и издатель Кокинсю, былъ первымъ изъ такихъ піонеровъ. До насъ дошло весьма мало свѣдѣній о его жизни.

¹⁾ Смоченный слезами.

Онъ былъ изъ придворной аристократіи и вель свое происхожденіе отъ одного изъ микадо. Его біографія, это не болѣе какъ простой перечень должностей, которыя онъ послѣдовательно занималъ въ Кіото и провинціяхъ. Умеръ онъ въ 946 году послѣ Р. Х. Его знаменитое предисловіе къ Кокинсю написано около 922 года. До настоящаго времени оно все еще пользуется въ Японіи репутаціей образчика самаго изящнаго стиля. Ссылками на него полна вся позднѣйшая литература, и оно служило предметомъ безчисленныхъ подражаній. Оно интересно, какъ первая попытка обсужденія такого философскаго вопроса, какъ природа поэзіи.

Вотъ наиболѣе выдающіяся мѣста изъ него:

«Поэзія Ямато (Японіи) посѣяна въ человѣческомъ сердцѣ и разрослась оттуда въ разнообразныя формы рѣчи. Люди обладаютъ способностью къ разнообразнымъ видамъ дѣятельности; въ числѣ послѣднихъ поэзія есть дѣятельность, состоящая въ томъ, чтобы выражать движенія сердца образами, взятыми изъ того, что люди видятъ и слышатъ во внѣ. Прислушиваясь къ пѣнію соловья въ цвѣтахъ или кваканью лягушки въ водѣ, мы познаемъ ту истину, что среди всѣхъ живыхъ тварей нѣтъ ни одной, которая бы не пѣла. Это поэзія, которою безъ всякихъ другихъ усилій движутся небо и земля, которою возбуждаются къ сочувствію невидимые намъ боги и демоны. Поэзіей облагораживается связь любовниковъ, и ею же смягчаются сердца суровыхъ воиновъ.

Поэзія зачалась, когда зачинались небо и земля. Но та часть, которая преемственно дошла до насъ, впервые была создана на вѣчныхъ небесахъ богиней Сита-теру-химе¹⁾ и на этой металлоносной землѣ богомъ Суса-но-во. Въ годы живыхъ боговъ не было еще установлено, какъ кажется, никакого стихотворнаго размѣра. Ихъ поэзія была безыскусственна по формѣ и трудна для пониманія. Это было уже въ годы людей, что Суса-но-во создалъ первое стихотвореніе въ 31 слогъ. А далѣе, увеличивая постепенно разнообразіе нашихъ мыслей и языка, мы дошли до того, чтобы выражать нашу любовь къ цвѣтамъ, зависть къ птицамъ, наши чувства при видѣ появляющихся весной тумановъ, нашу печаль, когда мы смотримъ на росу²⁾. Какъ дальнее путешествіе начинается нашимъ первымъ шагомъ и продолжается потомъ мѣсяцы и годы, какъ высокія горы, начинаясь въ пыли своего подножія, въ кон-

¹⁾ По-русски: внизу сіяющая дѣва или принцесса. Она отличалась необыкновенной красотой, и имя ея толкуютъ въ томъ смыслѣ, что она была такъ красива, что видно было, какъ красота ея формъ сквозила чрезъ ея одежды.

(Florenz, Mythologie.)

²⁾ Роса по японскому представленію напоминаетъ слезы и имѣетъ отношеніе къ печали.

цѣ концовъ поднимаются вверхъ и простираются по небесной выси подобно облакамъ небесъ, — такъ послѣдовательно должно было быть и развитіе поэзіи.

Въ настоящее время любовь развратила сердца людей и возбудила въ нихъ страсть къ украшеніямъ; поэтому и не создается ничего иного, кромѣ легкомысленныхъ поэтическихъ произведеній, лишенныхъ глубины чувства. Въ домахъ тѣхъ, кто предается пустой свѣтской жизни, поэзія похожа на дерево, зарытое въ землю и неизвѣстное людямъ, тогда какъ болѣе серьезные люди смотрятъ на нее, какъ на цвѣтистую сусуки¹⁾ на которой никогда не бываетъ колосьевъ. Но если мы поразмыслимъ о ея происхожденіи, то этого не должно было бы быть.

Микадо прежнихъ временъ въ утро, когда весенніе цвѣты были въ полномъ расцвѣтѣ, или въ ночь, когда сіяла луна, имѣли обыкновеніе посылать за своими придворными и требовать отъ нихъ подходящихъ случаю стихотвореній. Одни пытались представить себя бродящими по глухимъ мѣстамъ въ поискахъ за любимыми цвѣтами, другіе же старались описать свое блужданіе въ непроглядной тьмѣ и свою тоску по лунѣ. Затѣмъ микадо изслѣдоваль все такія фантазіи и приносилъ свой приговоръ, что такое-то стихотвореніе умно, а такое-то глупо. Иные выражали въ стихотвореніяхъ пожеланія благоденствія своему государю, употребляя метафоры кремень²⁾ и Цукуба³⁾. Когда ихъ радость была чрезмерна; когда ихъ сердца переполнялись удовольствіемъ; когда они чувствовали, что любовь ихъ вѣчна, какъ дымъ, который поднимается съ горы Фудзи; когда они тосковали по другѣ, при печальномъ стрекотаніи цикады; когда видъ пары сосенъ въ Такасаго⁴⁾

1) Названіе травы *Eulalia japonica*.

2) „Да здравствуетъ нашъ государь
На тысячи лѣтъ,
Доколѣ кремень
Не станетъ скалою,
Мохомъ поросшей.“

3) „Гора Цукуба (имѣющая два пика)
Имѣетъ тѣнь
На той сторонѣ и на этой,
Но что до тѣни нашего государя,
То нѣтъ тѣни, которая бы ее превзошла.“

4) Такасаго, недалеко отъ Кобе, славится своими соснами и храмомъ въ честь Теидзина, бога каллиграфіи. Со временъ Хитомаро, въ началѣ VIII вѣка, японскіе поэты не переставали воспѣвать красоту сосенъ указанной мѣстности, въ которой весь вообще морской берегъ покрытъ соснами. Духи двухъ старинныхъ сосенъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „ан-ои но мацу“, въ Такасаго, олицетворяемыхъ, какъ мужъ и жена почтенныхъ лѣтъ, собирающіе сосновые иглы, образуютъ излюбленную тему японскаго искусства, въ смыслѣ эмблемы долгоденствія. (*Chamberlain and Mason, Handbook.*) Само же названіе „ан-ои но мацу“ означаетъ: сосны, имѣетъ

и Суминое¹⁾ напоминали имъ мужа и жену, вмѣстѣ старѣющихъ; когда они думали о давнопрошедшихъ дняхъ мужеской силы, или съ завистью вспоминали бывшее время дѣвичьяго расцвѣта,—поэзія утѣшала ихъ сердца. Далѣе, когда они смотрѣли на цвѣты, осыпающіеся со стеблей въ весеннее утро, или слушали паденіе листьевъ въ весенній вечеръ, или каждый годъ оплакивали снѣгъ и волны (т. е. сѣдые волосы), отражаемые зеркаломъ, или видѣли росу на травѣ, или пѣну на водѣ,—они содрогались, узнавая въ нихъ эмблемы своей жизни. Или когда они, вчера еще наслаждавшіеся всей гордостью своего благополучія, сегодня, съ поворотомъ судьбы, видѣли себя обреченными на жалкую жизнь и друзья сторонились отъ нихъ; или далѣе, когда они брали метафорами волны, одѣтыя соснами горы, въ поляхъ журчавшія воды; или когда они созерцали нижніе листы осенняго хаги²⁾, или считали, сколько разъ куликъ чиститъ свои перья на разсвѣтѣ, или сравнивали родъ человѣческой съ причудливыми бамбуковыми суставами, или выражали свое отвращеніе къ грязному міру при мысли о чистой рѣкѣ Юсино, или внимали тому, что дымъ съ горы Фудзи не поднимается болѣе, или что мостъ черезъ рѣку Нагара, несмотря на свою чрезвычайную длину, приведенъ въ порядокъ,—во всѣхъ такихъ случаяхъ они утѣшали поэзіей сердца свои».

Все вышеприведенное представляетъ собою намеки на хорошо извѣстныя японцамъ стихотворенія. Цураюки даетъ краткій очеркъ поэзіи Нарскаго періода, а затѣмъ переходитъ къ позднѣйшимъ поэтамъ, произведенія которыхъ нашли себѣ мѣсто въ составленномъ имъ сборникѣ. Нижеприведенный отрывокъ представляетъ собою нѣкоторый интересъ, какъ самый древній образецъ литературной критики въ Японіи³⁾.

«Хендзіо⁴⁾ выдается по формѣ, но онъ слабъ въ отношеніи содержанія. Впечатлѣніе, производимое его стихотвореніями, мимолетно и можетъ быть сравнено съ тѣмъ, которое мы испытываемъ при видѣ кра-

растущія или вмѣстѣ стоящія, и ав-ои но маду употребляются на свадьбахъ, какъ эмблема того, что брачующимся предназначено вмѣстѣ старѣться. (Brinkley, Dictionary).

¹⁾ Суминое, т. е. Суми-но-е—Суми'ская бухта, переименованная въ Суми-юси, въ пров. Сетцу. (Florenz, Mythologie).

²⁾ Названіе дерева *Lespedeza cyrtobotrya* Miq.

³⁾ Объяснительныя примѣчанія на слѣдующій отрывокъ заимствованы изъ біографическаго словаря Дай-Нихонъ-дзиммей-дзисю, 4-е изд.

⁴⁾ Юсимине Мунесада, поступивши въ монахи, принялъ имя Хендзіо. Умеръ 29-го дня 1-го мѣсяца 2-го года правленія Квампей (въ февралѣ 890 г. по Р. Х.), 75 лѣтъ. Писалъ эротическія стихотворенія, лучшія изъ которыхъ включены въ *Кокинсю*.

сивой женщины на картинѣ. Нарихира ¹⁾ отличается избыткомъ чувства, но языкъ у него хромаетъ; его стихотворенія похожи на цвѣтокъ, хотя и увядшій, хотя и безъ красокъ, но сохранившій еще свой запахъ. Ясухиде ²⁾ искусенъ въ употребленіи словъ, но они плохо вяжутся съ содержаніемъ, какъ если бы лавочникъ разодрался въ тонкіе шелка. Кисенъ ³⁾ глубокъ по мысли, но связь между началомъ и концомъ не ясна; его можно сравнить съ осенней луной, которая заволакивается предразсвѣтными облаками въ то время, когда мы смотримъ на нее; стихотвореній его немного, такъ что путемъ сравненія одного изъ нихъ съ другимъ немного можно выиграть въ смыслѣ пониманія ихъ. Оно-но-Комацн ⁴⁾ принадлежитъ къ школѣ Сото-ори-химе ⁵⁾ древнихъ временъ; въ ея стихотвореніяхъ есть чувство, но мало силы; она похожа на прелестную женщину, страдающую отъ нездоровья. Впрочемъ, недостатокъ силы весьма натураленъ въ стихотвореніяхъ женщины. Стихотворенія Куронуси ⁶⁾ бѣдны формой; они напоминаютъ дровосѣка, нагруженнаго связками топлива и отдыхающаго въ тѣни цвѣтовъ».

Тоса-ники.

Другое произведеніе Цураюки—это Тоса-ники, т. е. дневникъ путешествія изъ Тоса на островъ Сикоку въ Кіото. Въ немъ описано обратное путешествіе Цураюки въ Кіото по окончаніи имъ четырехлѣтняго срока службы въ должности губернатора провинціи Тоса.

Первая запись его помѣчена 21-мъ днемъ 12-го мѣсяца, и изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что это было въ 4-мъ году правле-

¹⁾ Аривара Нарихира славился своей красотой и извѣстенъ необычайно развратной жизнью. Умеръ 28-го дня 5-го мѣсяца 4-го года правленія Гвангіо (въ іюль 880 г. по Р. Х.), 56 лѣтъ. Лучшія его стихотворенія помѣщены въ Кокинсю. Онъ прославился еще какъ живописецъ.

²⁾ Фумія Ясухиде жилъ во время царствованія императоровъ Сейва-тенно (859—876 г.) и Иодзей-тенно (877—884 г.). Стихи его помѣщены въ Кокинсю.

³⁾ О жизни его ничего не извѣстно. Стихи его встрѣчаются въ Кокинсю.

⁴⁾ Оно-но-Комацн славилась своей красотой, которая вошла въ поговорку. О жизни ея ничего неизвѣстно; можно лишь сказать, что она во всякомъ случаѣ жила раньше времени составленія Кокинсю, въ который включены лучшія ея стихотворенія.

⁵⁾ Ото-химе, болѣе извѣстная подъ кличкой Сото-ори-химе, славилась своей красотой и искусствомъ стихосложенія. Она была наложницей императора Инкю-тенно (412—453 г.) и какъ поэтесса создала свой стиль, нашедшій себѣ, между прочимъ, подражательницу въ лицѣ вышеозначенной Оно-но-Комацн.

⁶⁾ Отомо Куронуси изъ деревни Отомо, въ провинціи Оми, отъ которой и получилъ свою фамилію. О жизни его ничего подробнаго неизвѣстно. Жилъ онъ во время годовъ правленія Енги (901—922 г.). Стихи его помѣщены въ антологіяхъ Кокинсю, Косенсю, изданной въ 5-мъ году правленія Тенряку (951 г.), и Сюнсю, изданной во время царствованія императора Квадзанъ-тенно (985—986 г.).

нія Сіохей, или, по европейскому лѣтосчисленію, приблизительно въ январѣ или февралѣ 935 года послѣ Р. Х.

Цураюки начинаетъ обращеніемъ къ читателямъ, что дневники пишутся вообще мужчинами, но его трудъ представляетъ попытку написать женскій дневникъ. Подъ этимъ онъ разумѣетъ то, что его дневникъ написанъ японскими письменами и на японскомъ языкѣ, а не по-китайски. Затѣмъ онъ даетъ отчетъ о своемъ отъѣздѣ изъ правительственного дома въ Тоса и прибытіи въ портъ, откуда онъ долженъ былъ отплыть. Его провожало множество народа, который пришелъ проститься съ нимъ. Многіе принесли съ собою подарки на дорогу, главнымъ образомъ, сѣстное и саке. Результатъ былъ тотъ, что, по словамъ Цураюки, «на берегу соленого моря всѣ перешлись, какъ селедки». Отправился онъ въ путь не ранѣе 27-го числа; шесть дней ушли на размѣщеніе подарковъ и на визитъ вновь назначенному губернатору, съ которымъ онъ провелъ цѣлый день и ночь въ выпивкѣ и сочиненіи стиховъ, послѣ чего уже окончательно распрощался. Преемникъ Цураюки провожалъ его до подножія лѣстницы, которая вела въ домъ, и тутъ они расстались при множествѣ сердечныхъ, но пьяныхъ взаимныхъ благопожеланій. Однако, на слѣдующій день мы находимъ Цураюки въ совсѣмъ иномъ настроеніи мыслей. Онъ рассказываетъ, что во время его пребыванія въ Тоса умерла одна дѣвушка, родомъ изъ Кіото, и что среди всѣхъ хлопотъ и суматохи при оставленіи порта ея друзья не могли думать ни о чемъ иномъ, кромѣ нея. Нѣкто, говоритъ онъ, сочинилъ по этому поводу слѣдующее стихотвореніе:

„Къ радостной мысли:
„Въ Кіото домой“
Примѣнилось горькое чувство,
Что здѣсь остается одна,
Которой уже не вернуться“.

Одинъ писатель говоритъ, что этимъ стихотвореніемъ Цураюки оплакиваетъ утерю своей собственной дочери, дѣвочки 9 лѣтъ.

Но увеселенія еще не пришли къ концу. Братъ новаго губернатора появился на одномъ выступающемъ мысу на ихъ пути къ первой станціи, и Цураюки со спутниками долженъ былъ высадиться на берегъ, чтобы провести время въ выпивкѣ и сочиненіи стиховъ. Объ этихъ стихахъ Цураюки, повидимому, не былъ особенно высокаго мнѣнія. Онъ говоритъ, что требовались соединенныя усилія двухъ людей, чтобы сочинить одно плохенькое стихотвореніе, и онъ сравниваетъ ихъ съ двумя рыбаками, еле плетущимися подъ тяжелымъ неводомъ на плечахъ.

Общее веселіе было прервано капитаномъ судна, который потребовалъ ихъ на бортъ, говоря, что какъ-разъ дуетъ попутный вѣтеръ и можно воспользоваться отливомъ. Цураюки саркастически добавляетъ къ этому отъ себя, что и вина уже больше не осталось. Итакъ они сѣли на судно и продолжали свой путь. 29-го числа Цураюки и его спутники не ушли далѣе Оминато, гавани, находящейся всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ пункта ихъ отправленія. Здѣсь они задержались десять дней, выжидая попутнаго вѣтра. Подарки, состоявшіе изъ съѣстныхъ припасовъ и питья, все еще получались, но уже въ меньшемъ количествѣ, и Цураюки съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о боченкѣ sake, который онъ привѣшилъ на крышѣ каюты, но который упалъ за бортъ, сорвавшись съ мѣста вслѣдствіе качки судна. Въ числѣ приношеній былъ и фазанъ, который, согласно старому японскому обычаю, былъ привязанъ къ цветущей вѣткѣ сливы. Нѣкоторые вмѣстѣ съ подарками приносили и стихи. Вотъ одинъ изъ такихъ стиховъ:

„Громче рева бѣлыхъ волнъ,
Шумищихъ вамъ въ пути,
Бривъ будетъ плача моего,
Что я остался позади“.

Цураюки замѣчаетъ, что если это дѣйствительно такъ, то у стихослагателя долженъ быть очень громкій голосъ.

9-го числа второго мѣсяца пути они отплыли наконецъ изъ Оминато. Когда они шли мимо Манубара, то любовались большой рощей старыхъ сосенъ, разросшейся на морскомъ берегу. Цураюки отмѣчаетъ то удовольствіе, съ которымъ онъ слѣдилъ за цаплями, летавшими между вершинами сосенъ. Онъ сложилъ по этому поводу слѣдующее стихотвореніе:

„Когда мой взглядъ упадетъ
По ту сторону моря,
Тамъ на каждой вершинѣ сосны¹⁾
Устроено цаплей жилище, —
Уже тысячу лѣтъ живутъ они вмѣстѣ“.

Стемпло, прежде чѣмъ они успѣли достигъ мѣста слѣдующей остановки, и Цураюки даетъ слѣдующее описаніе наступленія ночи:

„Нога мы шли на веслахъ впередъ, созерцая эти виды, горы и море сдѣлались темными; наступила ночь и нельзя было различить гдѣ востокъ, гдѣ западъ, такъ что мы положились только на искусство ка-

¹⁾ Сосна и цапля считаются въ Японіи эмблемами долгоденствія.

питана нашего судна. Мужчинамъ, которые еще не привыкли къ морю, и тѣмъ стало жутко на сердцѣ, нечего и говорить уже о женщинахъ, которыя положили свои головы на дно судна и только рыдали. Матросы, однако, казалось, вовсе не обращали на это вниманія и пѣли слѣдующую судовую пѣсню⁴.

Цураюки приводитъ нѣсколько строкъ пѣсни и затѣмъ продолжаетъ:

«Было гораздо болѣе этой чепухи, но я не записалъ ее. Прислушиваясь къ смѣху, сопровождавшему эту пѣсню, мы значительно успокоились, несмотря на бушевавшее море. Было уже совсѣмъ темно, когда мы наконецъ достигли мѣста ночной стоянки».

Путешествуя не спѣша, они черезъ три слишкомъ дня прибыли въ Муроцу, портъ, находящійся на западной сторонѣ восточнаго изъ двухъ выступовъ, которыми островъ Сикоку выдвигается на югъ. На слѣдующее послѣ ихъ прибытія утро небольшой, но продолжительный дождь помѣшалъ имъ отправиться въ путь, и пассажиры воспользовались этимъ случаемъ, чтобы пойти выкупаться съ берега. Въ записи этого дня Цураюки упоминаетъ объ одномъ курьезномъ суевѣрїи. Онъ говоритъ, что съ самаго перваго дня ихъ путешествія никто не надѣвалъ платья ярко-краснаго или иныхъ яркихъ цвѣтовъ, а также тонкихъ шелковъ, чтобы не навлечь этимъ гнѣва боговъ морей. На слѣдующій день дождь продолжался. Это былъ буддїйскій постный день, и Цураюки строго держалъ постъ до полудня. Такъ какъ на суднѣ нельзя было достать никакой соотвѣтствующей постной пищи, то онъ вымѣнялъ на рисъ (такъ какъ мѣдныхъ денегъ не было) рыбу тай, которую наканунѣ поймалъ одинъ изъ матросовъ. Это было началомъ торговли, завязавшейся между ними и матросами: sake и рисъ обмѣнивались на рыбу. Погода не измѣнялась до 17 числа, пятаго дня со времени прибытія ихъ въ Муроцу. Въ этотъ день они отправились очень рано утромъ, еще при лунѣ, бывшей тогда какъ разъ на ущербѣ, и сіявшей надъ спокойнымъ моремъ, которое такъ хорошо отражало небо, что, какъ выразился Цураюки, нельзя было отличить неба вверху отъ моря внизу. По этому поводу онъ сложилъ слѣдующее стихотвореніе:

„Что такое ударяется
О весло мое, когда лодка плыветъ
Надъ луною морской глубины?
Не пряди ли это волосы
Человѣка съ луны?“

Хорошая погода, однако, не долго стояла. Темныя облака, собравшіяся надъ головой, привели капитана въ безпокойство, и подъ про-

ливнымъ дождемъ они пошли обратно въ Муроцу, чувствуя себя прескверно. Три съ лишнимъ томительныхъ дня должны были они оставаться здѣсь, стараясь скоротать время писаніемъ китайскихъ и японскихъ стиховъ и считая каждое утро дни, уже проведенные въ путешествіи. 21-го числа они опять тронулись въ путь. Множество другихъ судовъ, отплывшихъ въ то же самое время, представляло собою прекрасное зрѣлище, которое привело Цураюки въ восхищеніе. «Была весна», — замѣчаетъ онъ, — «но казалось, что море усыяно осенними листьями». Теперь погода установилась хорошая, и путешественники вошли въ такъ называемый Кійскій проливъ.

Здѣсь появился новый поводъ для безпокойства. Повидимому, Цураюки въ бытность свою губернаторомъ въ Тоса обошелся довольно сурово съ пиратами этихъ мѣстъ, а потому и было нѣкоторое вѣроятіе ожидать, что теперь они попытаются отомстить ему. Одинъ изъ комментаторовъ пытается спасти репутацію храбрости Цураюки, напоминая, что дневникъ этотъ написанъ въ духѣ женщины. Весь ходъ разказа показываетъ, что боязнь эта, повидимому, имѣла свои основанія. Два дня спустя мы застаемъ путешественниковъ молящими ками и хотоке¹⁾ о спасеніи ихъ отъ пиратовъ. Въ послѣдующіе дни была постоянная тревога, а 26-го числа они услышали, что пираты дѣйствительно преслѣдуютъ ихъ, вслѣдствіе чего они около полуночи подняли якорь и пустились въ море. На пути ихъ было одно мѣсто, гдѣ обыкновенно приносили жертвы богу моря. Цураюки приказалъ капитану принести въ жертву нуса²⁾. Нуса брошены были въ воздухъ, и вѣтеръ разнесъ ихъ по морю. Такъ какъ нуса упали въ восточномъ направленіи, то въ этомъ же направленіи и взяло свой курсъ судно. Къ великой радости пассажировъ вѣтеръ сталъ теперь попутнымъ, былъ поставленъ парусъ, и они совершили за этотъ день хорошій пробѣгъ. Слѣдующіе два дня они опять были задержаны непогодой, но 29-го числа они снова продолжали путь. 30-го числа они пересѣкли входъ въ проливъ Наруто и въ ту же самую ночь, идя усиленно на веслахъ, достигли пролива Идзуми. Теперь они добрались до Гокисай, или пяти провинцій, расположенныхъ вокругъ Кіото; здѣсь можно уже было не бояться пиратовъ. Въ первый день второго мѣсяца они прошли немного, а на 2-е число мы имѣемъ слѣдующую записку: «Дождь и вѣтеръ не прекращаются; цѣлый день и цѣлую ночь молимся мы ками и хотоке».

¹⁾ Синтоистическія и буддійскія божества.

²⁾ Полоски бѣлой бумаги, которыя можно видѣть въ синтоистическихъ храмахъ; онѣ называются также — гокей.

На слѣдующій день погода была также плоха, а 4-го числа капитанъ не хотѣлъ выйти въ море, опасаясь непогоды, что впрочемъ оказалось совершенно неосновательнымъ. На берегу было много красивыхъ раковинъ, и Цураюки сложили слѣдующее стихотвореніе въ намекъ на раковину, которая по японски называется васурегаи, т. е. раковина забвенія.

„Я хотѣлъ бы сойти съ корабля моего,
Чтобы ракушекъ забвенья набрать мнѣ о той,
О которой всегда вспоминаю съ неотвязною думой тоскливой.
Принесите жъ на взморье ихъ вы,
Вы волны морского прибоя!“

Далѣе онъ говоритъ, что его настоящее желаніе было не забыть совѣтъ ту, которую онъ потерялъ, но только дать такую передышку своему горю, послѣ которой оно могло бы приобрести еще большую силу.

Вотъ часть записи 5-го числа, за день передъ тѣмъ, какъ они вошли въ Осацкую рѣку. Теперь они были напротивъ Суміюси.

«Тѣмъ временемъ поднялся неожиданно штормъ. Несмотря на всѣ наши усилія, положеніе наше становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, и мы были въ большомъ страхѣ, что пойдемъ ко дну. «Этотъ Суміюскій богъ», — сказалъ капитанъ, — «подобенъ другимъ богамъ. То, чего онъ желаетъ, не есть какой-нибудь модный предметъ повседневной жизни. Принесите ему въ жертву нуса». Совѣтъ капитана были принять и въ жертву была принесена нуса. Но такъ какъ вѣтеръ, вмѣсто того, чтобы перестать, задулъ еще съ большей силой, и опасность отъ бури и моря становилась все болѣе и болѣе угрожающей, то капитанъ опять сказалъ: «Такъ какъ священное сердце бога не тронулось нуса и корабль не движется, то принесите ему въ жертву что-нибудь, что можетъ доставить ему большее удовольствіе». Повинуясь этому совѣту, я сталъ раздумывать, что бы такое могло быть наилучшимъ въ этомъ случаѣ. «Что касается глазъ, то у меня ихъ пара, — ну, въ такомъ случаѣ я принесу богу въ жертву свое зеркало, которое у меня только одно». Зеркало было брошено въ море къ великому моему сожалѣнію; но зато, едва я успѣлъ сдѣлать это, какъ море стало такимъ же гладкимъ, какъ зеркало».

На слѣдующій день они вошли въ Осацкую рѣку. Всѣ пассажиры, мужчины, женщины и дѣти безумно радовались, что достигли этого мѣста и въ экстазѣ сжимали себѣ руками лбы.

Теперь цѣлые дни проходили въ томъ, чтобы тащить съ трудомъ судно противъ сильнаго теченія рѣки. На этомъ пути случился постный день, который Цураюки къ полному своему удовольственію имѣлъ возможность провести надлежащимъ образомъ, воздержавшись совершенно отъ рыбы *). 12-го числа они прибыли въ Ямадзакі; здѣсь было послано за каретой (особаго устройства бычачья арба, въ которой ѣздила знать), чтобы поѣхать въ Кіото и, оставивъ 16-го числа вечеромъ Ямадзакі, они направились въ столицу. Цураюки былъ въ восхищеніи, узнавая старыя знакомыя мѣста по мѣрѣ своего движенія впередъ. Онъ говоритъ, что дѣтскія игрушки и сласти въ лавкахъ выглядѣли точно такъ же, какъ въ то время, когда онъ уѣзжалъ на мѣсто службы, и что онъ желалъ бы знать, найдетъ ли онъ также мало переменъ и въ сердцахъ своихъ друзей. Онъ нарочно выѣхалъ изъ Ямадзакі вечеромъ, чтобы ночью прибыть въ свое жилище. Вотъ что говоритъ онъ о томъ, въ какомъ состояніи онъ нашелъ свой домъ:

«Когда я добрался до своего дома и вошелъ въ ворота, луна свѣтила ярко, такъ что его можно было видѣть ясно. Онъ находился въ состояніи разрушенія и запустѣнія, превосходившихъ всякое описаніе; хуже даже, чѣмъ мнѣ о томъ говорили. Сердце человѣка, на попеченіи котораго я его оставилъ, должно быть, было точно въ такомъ же состояніи. Ограда между двумя домами была поломана, такъ что оба они казались какъ-бы однимъ, и онъ, повидямому, выполнялъ свои обязанности наблюденія, заглядывая черезъ дыры. А я еще снабжалъ его при каждомъ удобномъ случаѣ средствами, чтобы поддерживать домъ въ порядкѣ. Но въ эту ночь я не позволилъ себѣ сказать ему что-нибудь въ недовольномъ тонѣ; наоборотъ, не смотря на свои внутреннія мученія, я выразилъ ему свою признательность за его заботы подаркомъ. Въ одномъ мѣстѣ было нѣчто въ родѣ пруда, образуемаго собирающеюся въ углубленіи водой; подлѣ него росла сосна. Она наполовину потеряла свои вѣтви и выглядѣла такъ, какъ будто за время моего пяти-шести-лѣтняго отсутствія прошла цѣлая тысяча лѣтъ. Около нея выросли молодыя деревья, и все это мѣсто было въ такомъ запущенномъ видѣ, что каждый сказалъ бы, что на него жалко смотрѣть. Среди другихъ печальныхъ мыслей, которыя охватили меня, было еще и воспоминаніе — ахъ, какое печальное! — о той, которая была рождена въ этомъ домѣ, но которая не вернулась въ него вмѣстѣ со мной. Мои спутники весело болтали со своими дѣтьми на ихъ рукахъ, а я тѣмъ временемъ, не въ силахъ

*) Въ Японіи изъ постнаго стола исключается и рыба, и во время поста вообще допускается одна только растительная пища.

будучи сдерживать болѣе свое горе, прочель въ сторонѣ одному изъ тѣхъ, кто зналъ мое сердце, слѣдующія строки».

Я не стану приводить здѣсь этого стихотворенія, а перейду прямо къ заключительной фразѣ дневника: «Я не въ состояннн записать все свои сожалѣннн и воспомннаннн и, къ добру ли, къ худу ли, кладу свою кисть въ сторону».

Тоса-ники является поразительнымъ примѣромъ важности слога. Въ немъ нѣтъ возбуждающе дѣйствующихъ приключеннн или романтическихъ положеннн. Онъ не даетъ никакихъ мудрыхъ правилъ, или новыхъ свѣдѣннн. Его единственная заслуга въ томъ, что онъ простымъ, но въ высшей степени изящнымъ языкомъ, съ отбѣнкомъ шутиваго юмора описываетъ заурядную жизнь путешественника въ Японнн въ то время, въ которое онъ написанъ. Но этого оказалось достаточнымъ, чтобы отвести ему весьма почетное мѣсто среди японскихъ классическихъ произведеннн и прочно поставить его въ такое положеннн, что до настоящаго времени имъ пользуются еще, какъ наилучшимъ образчикомъ для японскихъ повѣствовательныхъ сочиненнн. Тоса-ники имѣетъ массу подражаннн, но ни одно изъ нихъ не можетъ равняться съ нимъ.

Такетори-моногатари и Исе-моногатари.

Слово моногатари, которое часто будетъ встрѣчаться ниже, значить—разказъ. Этотъ терминъ прилагается главнымъ образомъ къ вымышленнымъ исторннмъ, но иногда подъ такимъ наименованннмъ попадаютъ и настоящнн исторические разказы.

Время написаннн и авторы обоихъ указанныхъ выше сочиненнн неизвестны. Можно, однако, согласиться съ мнѣннмъ выдающагося японскаго критика, Мотоори, что они написаны немного позже перннда Енги (901—922 г.). Обѣ книги суть произведеннн людей, хорошо знавшихъ литературу своего времени и близко знакомыхъ съ придворной жизнью въ Кното.

Такетори-моногатари.

Такетори-моногатари *) считается, обыкновенно, первымъ по времени. Это произведеннн представляетъ собою нѣчто въ родѣ нашихъ сказокъ. Мѣстомъ дѣйствнн служатъ окрестности Кното; все дѣйствующнн лица японцы. Языкъ также, насколько это возможно было, чисто япон-

*) Перевелъ F. V. Dickins въ Journal of the Royal Asiatic Society, январь 1887 г. Существуетъ и русскнн переводъ, отпечатанный въ „Нивѣ“.

скій, но въ немъ всетаки замѣчается много слѣдовъ чужеземнаго вліянія. Все сверхъестественное буддійскаго или даосскаго характера, и даже многія событія заимствованы изъ богатаго китайскаго сказочнаго міра.

Одинъ старикъ, который добывалъ себѣ средства къ существованію выдѣлкой бамбуковыхъ вещей *), примѣтилъ однажды въ лѣсу бамбукъ съ сіяющимъ стволомъ. Онъ расколочъ его и нашелъ въ одномъ изъ колѣнъ красивую малечькую дѣвочку ростомъ въ три вершка. Онъ взялъ ее къ себѣ въ домъ и удочерилъ, давъ ей имя Кагуя-химе, т. е. сіяющая дѣвушка. Она скоро выросла и красота ея привлекла много поклонниковъ. Каждому изъ нихъ она предъявляла какое-нибудь требованіе, обѣщая, что выдетъ за того изъ нихъ, кто успѣшно справится съ возложеннымъ на него порученіемъ. Отъ одного изъ нихъ она потребовала, чтобы онъ принесъ изъ Индіи каменную чашку Будды для сбора милостыни. Другой долженъ былъ доставить ей вѣтку отъ дерева, корни котораго изъ серебра, стволъ золотой, а плоды драгоценные камни, и которое растеть на баснословномъ райскомъ островѣ, на горѣ Хорай. Отъ третьяго она потребовала одежду, сдѣланную изъ шкурки огненной крысы, которая считалась нестерраемой. Четвертый долженъ былъ достать сверкающій многоцвѣтный камень съ головы дракона и, наконецъ, пятый раковину ласточки. Никто изъ нихъ не выполнилъ своего порученія. Затѣмъ дѣвушка была засватана за микадо, но и это было напрасно, хотя они и были въ очень дружескихъ отношеніяхъ и даже обмѣнивались сентиментальными танка. Въ концѣ концовъ она была унесена на небо на летающей колесницѣ, посланной ея родными на дунѣ, откуда она, повидимому, была изгнана на землю за какую-то провинность.

Эпизодъ, описывающій поиски потребованной ей золотой вѣтки съ горы Хорай можетъ служить образчикомъ этого произведенія.

Принцъ Курамоци, которому была поручена эта задача, добывъ сдѣланную искуснымъ мастеромъ поддѣльную вѣтку, представляетъ ее и требуетъ себѣ награды. Старикъ проситъ его рассказать, въ какомъ мѣстѣ досталъ онъ эту «чудесную, красивую, восхитительную» вѣтку. Тогда принцъ Курамоци рассказываетъ свое воображаемое путешествіе на гору Хорай, не безъ ошибокъ и повторовъ, надо замѣтить, свойственныхъ человѣку, который самъ измышляетъ свое путешествіе:

«Три года тому назадъ въ 10 день второго мѣсяца мы отплыли изъ Осака. Когда мы вышли въ море, мы совсѣмъ не знали, какого мы должны были держаться курса. Но такъ какъ я чувствовалъ, что жизнь потеря-

1) Слово такетори значитъ собиратель бамбука.

еть для меня цѣну, если я не буду въ состояніи удовлетворить желаніе своего сердца, то мы и поплыли впередъ, довѣривъ себя вѣтрамъ. Если мы погибнемъ, думали мы, то конечно, противъ этого ничего не подѣлаешь. Но доколѣ мы живы, мы будемъ плыть, пока не доберемся до этого острова, называемаго, какъ кажется, гора Хорай. Съ такими мыслями мы гребли впередъ черезъ океанъ и бросались изъ стороны въ сторону, пока не оставили далеко за собою берега родной стороны. За время нашего скитанья мы иной разъ были весьма близки къ тому, чтобы пойти на дно моря, когда бушевали его волны; иной разъ вѣтеръ уносилъ насъ къ неизвѣстной сторонѣ, гдѣ появлялись какія-то твари, въ родѣ демоновъ, и пытались убить насъ; иной разъ мы совсѣмъ затеривались въ морѣ, не зная ни пути, по которому пришли, ни курса, котораго намъ надо было держаться; иной разъ у насъ истощалась провизія, и мы употребляли въ пищу корни деревьевъ. Однажды пришли къ намъ отвратительныя, выше всякаго описанія, существа и хотѣли пожрать насъ, а другой разъ мы только тѣмъ поддержали свою жизнь, что собирали моллюсковъ.

Подъ чуждымъ небомъ, гдѣ не было никого, кто оказалъ бы намъ помощь, мы метались изъ стороны въ сторону, жертвы несчастій всякаго рода, предоставивъ судно его собственному движенію, такъ какъ мы совершенно не знали курса, котораго должны были держаться. Наконецъ, когда прошло 500 дней, приблизительно въ часу дракона *), показались неясныя очертанія горы среди моря. Всѣ на кораблѣ стали вглядываться въ нее и увидѣли, что это была громадная гора, которая плавала на поверхности моря. Видъ ея былъ величавъ и живописенъ. Мы и подумали, что это должно быть та гора, которую мы ищемъ. Не удивительно, что при видѣ ея мы исполнились страха.

Мы плавали вокругъ нея два или три дня. Въ это время изъ холмовъ вышла женщина, одѣтая, какъ обитательница небесъ, и стала черпать воду серебрянымъ сосудомъ. Когда мы увидѣли ее, мы высидились съ корабля и спросили, каково имя этой горы. Женщина отвѣчала намъ и сказала: «Эта гора Хорай». Радость наша была безпредѣльна. — «А кто такая», — спросили мы, — «она, которая говоритъ намъ это?» — «Моё имя Хоканрури», — отвѣчала женщина и вдругъ исчезла между холмами.

Казалось, не было никакого способа взобраться на эту гору, и мы стали обходить ее кругомъ, гдѣ цвѣли неизвѣстныя въ этомъ мѣрѣ деревья. Потоки золотого, серебрянаго и изумруднаго цвѣтовъ текли съ

*) Отъ 7—9 ч. утра.

нея, а через нихъ были перекинуты мосты изъ всевозможныхъ драгоценныхъ камней. Здѣсь стояли свергающія деревья. Наименѣ красивымъ изъ нихъ было то, вѣтку котораго я принесъ, но такъ какъ оно подходило подъ описаніе Кагуя-химе, то я сорвалъ вѣтку и пошелъ. Гора эта восхитительна выше всякой мѣры, и въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего, съ чѣмъ бы ее можно было сравнить. Но когда я досталъ вѣтку, мною овладѣло нетерпѣніе поскорѣе возвратиться. Мы сѣли на корабль и, такъ какъ вѣтеръ былъ попутный, прибыли въ Осака послѣ путешествія, продолжавшагося болѣе 400 дней. Побуждаемый своимъ неудержимымъ желаніемъ, я вчера же пустился въ путь въ столицу и теперь вотъ я здѣсь, не перемѣнивъ даже своей одежды, пропитанной морской водой».

Я опускаю стихотворенія, въ которыхъ старикъ выражаетъ свое сочувствіе къ бѣдствіямъ, понесеннымъ принцемъ, а также и отвѣтъ принца въ стихахъ.

Какъ разъ въ это время во дворѣ появляется компанія изъ шести человекъ. Одинъ изъ нихъ, который держалъ въ рукѣ расщепленную трость съ бумагой въ ней, сказалъ: «Я Лябе-но-Уцимаро, главный слесарь вашей мастерской, смиренно докладываю: болѣе тысячи дней я и мои товарищи работали изо всѣхъ силъ съ величайшимъ вниманіемъ, изготовляя для васъ вѣтвь изъ драгоценныхъ камней, но до сихъ поръ еще не получили отъ васъ никакого вознагражденія. Я прошу васъ позволить мнѣ получить его съ васъ, чтобы я былъ въ состояніи заплатить своимъ людямъ». Съ этими словами онъ протянулъ свою бумагу. Старый бамбукосѣкъ, склонивъ въ задумчивости голову, недоумѣвалъ, что бы могли значить слова этого мастерового, тогда какъ принцъ вѣ себя отъ ужаса чувствовалъ, что сердце у него какъ-будто таетъ. Когда Кагуя-химе услышала это, она сказала: „Дай сюда бумагу“. И она прочла въ ней слѣдующее:

«Государь мой принцъ! Когда вы заперлись съ нами, простыми мастеровыми, болѣе, чѣмъ на тысячу дней, и заставили насъ отдѣлывать удивительную вѣтвь изъ драгоценныхъ камней, вы обѣщали вознаградить насъ назначеніемъ на официальную службу. Впослѣдствіи, когда мы стали думать объ этомъ, мы вспомнили, какъ вы говорили намъ, что вѣтвь требовалась государыней Кагуя-химе, супругомъ которой должны сдѣлаться вы. А потому намъ и пришло въ голову, что въ этомъ дворцѣ мы получимъ свое вознагражденіе».

Кагуя-химе, которая по мѣрѣ захода солнца дѣлалась все печальнѣе и печальнѣе, расцвѣла улыбкой. Она подозвала къ себѣ старика и

сказала ему: «Поистинѣ, я думала, что это ничто иное, какъ подлинное дерево съ горы Хорай, но теперь, когда мы знаемъ, что это только жалкая поддѣлка, отдай ему ее сейчасъ же назадъ».

По сравненію съ позднѣйшей литературой Хейанскаго періода стиль Такегори-моногатари безыскусствененъ и необогащенъ, но его наивная простота отлично согласуется съ содержаніемъ и сама по себѣ не лишена прелести.

Исе-моногатари.

Исе-моногатари одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній старой японской литературы. Слогъ его скать и по изяществу далеко оставляетъ за собою слогъ Такегори-моногатари. Исе моногатари состоитъ изъ нѣкотораго количества небольшихъ главъ, мало чѣмъ связанныхъ другъ съ другомъ, за исключеніемъ того, что всѣ онѣ повѣствуютъ о приключеніяхъ одного знатнаго повѣсы изъ числа придворныхъ Кіотскаго двора, котораго обыкновенно отождествляютъ съ дѣйствительно существовавшей личностью, по имени Нарихира¹⁾). Нарихира жилъ за сто лѣтъ до написанія Исе-моногатари, но предполагаютъ, что онъ оставилъ дневники, на которыхъ и основано это произведеніе. Теперь трудно удостовѣрить, поскольку все это справедливо, да для насъ и не важно знать это. Длинный рядъ любовныхъ приключеній, въ которыя впутывается герой, свидѣлствуетъ болѣе о вымыслахъ, чѣмъ о дѣйствительныхъ фактахъ. Къ такому же заключенію приводитъ и наиболѣе вѣроятное толкованіе заглавія этого произведенія. Повидимому, жители провинціи Исе, подобно древнимъ критянамъ, не отличались правдивостью, такъ что авторъ, назвавъ свое произведеніе «Исескими разсказами», вѣроятно, этимъ хочетъ дать понять читателямъ, что не все въ немъ слѣдуетъ принять за правду.

По капризу автора всѣ главы начинаются словомъ — мубаси, соответствующимъ выраженію «давнымъ давно» нашихъ сказокъ. Въ каждой главѣ помѣщается одно или два маленькихъ стихотверенія посредственнаго достоинства, вложенныхъ въ уста героя и его многочисленныхъ возлюбленныхъ.

Первыя главы повѣствуютъ о нѣкоторыхъ юношескихъ любовныхъ похожденияхъ героя. Вотъ образчикъ ихъ:

Давнымъ давно въ западномъ навильонѣ, который былъ занимаемъ императрицей въ восточномъ Годзіо²⁾), жила одна женщина. Здѣсь на-

¹⁾ Указанный выше поэтъ.

²⁾ Кіото дѣлится параллельными улицами на кварталы. Годзіо — пятая дивія. Теперь это главнѣйшая торговая улица Кіото.

вѣщаль ея одинъ человекъ, который любилъ ея глубоко, хотя и подѣ секретомъ. Около 10 числа перваго мѣсяца она скрылась въ другое мѣсто. Онъ узналъ, гдѣ она скрывалась, но такъ такъ посѣтить ея въ томъ мѣстѣ было невозможно, то онъ погрузился въ меланхолю. Въ первый мѣсяцъ слѣдующаго года цвѣтущее сливовое дерево передъ его домомъ напомнило ему прошлую весну. Оно пошелъ къ западному навильону и сталъ тамъ, пристально смотря на него. Но сколько онъ ни смотрѣлъ на него, не было ничего, напоминающаго сцену прошлаго года. Наконецъ онъ залился слезами и, прилегли, предавался безутѣшнымъ мыслямъ о былыхъ временахъ, пока луна не стала закатываться. Онъ сложилъ слѣдующее стихотвореніе и загѣмъ отправился домой, такъ какъ начинало уже разсвѣтать:

„Цуки я! арану;
Хару я! мукаси но
Хару нарану;
Вага ми хитоцу ва
Мото но ми ни сите“.

Переводъ:

„Луна! Ея нѣтъ.
Весна! Не прежняя
Весна наступила:
Одинъ только я
Остаюся все тѣмъ же“.

Евронейскій поэтъ растянулъ бы это по крайней мѣрѣ въ сонетъ, но въ тѣсныхъ предѣлахъ 31-го слога, врядъ-ли можно выразить болѣе сильно чувство отчаянія, овладѣвающее при видѣ слишкомъ близко знакомой обстановки, не озаряемой болѣе присутствіемъ любимаго существа. Луна и весенніе цвѣты здѣсь передъ его глазами; но они не трогаютъ его, какъ прежде, а потому онъ смѣло отрицаетъ ихъ существованіе, выразительно противопоставляя имъ свою неизмѣнившуюся любовь, хотя его дальнѣйшія похождения, говоря откровенно, далеко не свидѣтельствуютъ о его постоянствѣ.

Послѣ разныхъ другихъ неудачныхъ любовныхъ походовъ герой находитъ свою жизнь въ Кіото невыносимой и отправляется въ восточную Японию.

Его путешествіе даетъ поводъ для того, чтобы ввести множество стихотвореній, описывающихъ замѣчательные виды на его пути, какъ напримѣръ, дымящуюся вершину горы Асама, снѣгъ на Фудзи-но-яма въ разгарѣ лѣта. Онъ и его люди переправились черезъ рѣку Сумида-гава,

гдѣ нынѣ раскинулся Токио, на паромѣ при наступленіи ночи. Унылая обстановка заставила ихъ чувствовать себя такъ, какъ будто они пришли къ краю свѣта, и ихъ мысли перенеслись обратно въ Кіото, къ ихъ домамъ, по которымъ они стали тосковать. На рѣкѣ были птицы, которыхъ мы называемъ рыболовами, по которыя извѣстны японцамъ подъ болѣе поэтичнымъ названіемъ міякодори, т. е. птицы столицы. Нарихира восклицаетъ:

„О, ты, птица столицы!)
Если имя твое таково,—
Я хотѣлъ бы спросить у тебя,
Та, кого я люблю, все еще ли жива,
Или болѣе уже нѣтъ?“

Это стихотвореніе тронуло до слезъ всѣхъ бывшихъ въ лодкѣ. Но Нарихира не всегда такъ сентименталенъ. Нѣкоторыя изъ его приключеній болѣе или менѣе комичны.

Вскорѣ послѣ этого мы застаемъ его въ одной изъ сѣверныхъ провинцій, гдѣ какая-то деревенская красавица, желавшая свести знакомство съ юнымъ франтомъ изъ столицы, посылаетъ ему пригласительное стихотвореніе (конечно въ 31 слогъ). Онъ удостоиваетъ ее своимъ посѣщеніемъ, но уходитъ отъ нея, когда еще было совсѣмъ темно. Подобно тому, какъ Жюльета при такихъ же приблизительно обстоятельствахъ негодуетъ на жаворонка, эта особа, приписывая его уходъ пѣнію пѣтуха, выражаетъ свое неудовольствіе въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое и нынѣ еще живо въ народной памяти:

„Когда наступитъ утро,
Я бы хотѣла, чтобы лиса
Растерзала пѣтуха,
Который своимъ раннимъ пѣньемъ
Супруга моего угвалъ“.

Изъ многихъ изданій этого произведенія передо мной находятся два. Одно изъ нихъ принадлежитъ выдающемуся ученому и критику Мабуци¹⁾ и содержитъ больше комментаріевъ, чѣмъ текста; другое (помѣщенное 1608 годомъ, по всей вѣроятности, способно заслужить вниманіе библіофиловъ, умственный горизонтъ которыхъ не ограниченъ только Европой. Оно состоитъ изъ двухъ томовъ, отпечатано съ дерева на разнообразно окрашенной бумагѣ и украшено многочисленными, во всю страницу,

¹⁾ Міяко (столица), означало до перенесенія резиденціи императора въ Токио, прежнее Едо,—Кіото, которое часто называли просто міяко.

²⁾ Это изданіе называется Исе-моногатари-кюи и состоитъ изъ 3-хъ томовъ.

иллюстраціями, которыя являются древнѣйшими образчиками искусства рѣзьбы по дереву въ Японіи.

Уцубо-моногатари.

Уцубо-моногатари, какъ предполагають, принадлежитъ тому же самому автору, что и Такетори-моногатари. Слогъ и содержаніе перваго изъ четырнадцати разсказовъ, изъ которыхъ состоитъ это сочиненіе, подтверждаютъ эту догадку; хотя, пожалуй, можетъ возникнуть вопросъ, принадлежитъ ли вся книга одному и тому же лицу. Объ этомъ произведеніи упоминается въ Гендзи-моногатари и Макура-но-соеси, которыя сами принадлежатъ концу 10-го или началу 11 го столѣтія, и можно думать, что оно было составлено за 50—60 лѣтъ до нихъ. Точныхъ данныхъ о времени его появленія нельзя привести никакихъ. Слогъ Уцубо-моногатари сжатъ и правиленъ, но къ несчастію сочиненіе сильно пострадало отъ рукъ переписчиковъ и издателей, а также и отъ времени, такъ что текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣется сейчасъ, находится въ очень неудовлетворительномъ состояніи.

Первый разсказъ озаглавленъ Тосикаге, по имени героя разсказа. Это наиболѣе популярный изъ всей серіи разсказовъ, и онъ издавался отдѣльно, какъ самостоятельное произведеніе. Подобно Такетори-моногатари, онъ представляетъ собою фантастическую исторію — сказку.

Герой разсказа сынъ одного изъ членовъ фамиліи Фудзивара отъ одной изъ принцессъ императорскаго дома; другими словами, въ жилахъ его текла самая аристократическая кровь во всей Японіи. Его родители преднамѣренно оставили его расти, не уча его. Но несмотря на это, онъ учится съ поразительными успѣхами, и въ возрастѣ 7 лѣтъ онъ ведетъ уже перенеску китайскими письменами съ однимъ пришлецомъ изъ Кореи, который какъ разъ въ то время находился въ Японіи. Услышавъ о его замѣчательныхъ способностяхъ, микадо устраиваетъ экзаменъ, на которомъ Тосикаге побѣждаетъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Поэтому онъ получилъ назначеніе при дворѣ, а затѣмъ въ возрастѣ 16 лѣтъ онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Китай. Изъ трехъ кораблей, на которыхъ отплыло это посольство, два погибли во время шторма въ морѣ, а корабль, на которомъ находился Тосикаге, былъ выброшенъ на берегъ въ какой-то чуждой странѣ, причемъ утонули всѣ бывшіе на немъ, за исключеніемъ одного Тосикаге. Выбравшись на берегъ, онъ возноситъ молитву буддійской богинѣ Кваннонъ²⁾ Затѣмъ появляется осѣдланная

¹⁾ Богиня милосердія.

вороная лошадь и увозить его въ одно мѣсто, гдѣ подь сандалынымъ деревомъ, на тигровыхъ шкурахъ сидѣло три человекъ и играло на кото¹⁾. Лошадь исчезаетъ, а Тосикаге остается здѣсь до слѣдующей весны, когда, услышавъ въ западномъ направленіи звукъ, какъ бы отъ рубки деревьевъ, онъ рѣшается пойти на этотъ звукъ. Простившись вѣжливо со своими тремя хозяевами, онъ отправляется на поиски. Онъ переходилъ моря и рѣки, горы и долины, и только весною слѣдующаго года прибылъ онъ въ то мѣсто, куда направлялся. Здѣсь въ одной долигѣ онъ видитъ компанію Асура (демоны индійскихъ мифовъ), занятыхъ разсѣканіемъ на части огромнаго дерева кири²⁾, которое было ими срублено. У этихъ демоновъ «волосы стояли кверху, какъ клинки мечей; ихъ лица горѣли, какъ огонь; ихъ руки и ноги походили на заступы и мотыки; ихъ глаза сверкали, какъ блюда изъ полированного металла». Тосикаге находился уже въ опасности пострадать отъ ихъ рукъ, какъ вдругъ съ неба спустился верхомъ на драконѣ среди бури, грома, молніи и дождя мальчикъ, съ золотой досточкой съ повелѣніемъ, обращеннымъ къ Асура, не препятствовать ему идти и дать ему часть срубленнаго дерева, чтобы онъ могъ понаблать изъ него кото. Тосикаге сдѣлалъ тридцать инструментовъ и пошелъ дальше, а инструменты несъ ему поднявшійся кстатн вихрь.

Послѣ другихъ, не менѣе удивительныхъ приключеній, Тосикаге возвращается въ Японию и даетъ обо всемъ отчетъ микадо. Затѣмъ онъ удаляется къ частной жизни, женится и имѣетъ дочь. Онъ и жена его умираютъ, оставивъ свою дочь въ крайней бѣдности. Она живетъ въ уединеніи, въ предмѣстьѣ Кіото, гдѣ ее однажды и посѣщаетъ юноша, сопровождающій своего отца на поклоненіе къ храму въ Камо³⁾. Когда онъ на слѣдующее только утро возвратился домой, отецъ его, разгнѣванный тѣмъ, что своимъ исчезновеніемъ онъ доставилъ столько безпокойства родителямъ, запрещаетъ ему на будущее время уходить хотя бы на минуту. Когда онъ, наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ получаетъ возможность посѣтить мѣсто, гдѣ жила его возлюбленная, домъ ея совершенно исчезъ.

Между тѣмъ дочь Тосикаге родила мальчика, который подобно большинству героевъ китайскихъ и японскихъ повѣстей является чудомъ по раннему развитію талантовъ и сыновней почтительности. Въ возрастѣ пяти лѣтъ онъ поддерживаетъ существованіе своей матери рыбой, кото-

1) Струнный инструментъ о 13 струнахъ.

2) *Paulownia imperialis*.

3) Недалеко отъ Кіото.

рую онъ самъ ловить, а позднѣе приносить ей съ горъ плоды и коренья. Находя, однако, что изъ-за этихъ отлучекъ ему приходится оставлять ее подолгу въ одиночествѣ, онъ ищетъ мѣста въ лѣсу, гдѣ бы онъ могъ помѣстить ее, и находитъ дуплистое¹⁾ дерево, которое, по его мнѣнію, могло бы годиться для этого. Это дерево служило жилищемъ семейству медвѣдей, и они уже готовы были растерзать нарушителя ихъ покоя,—но онъ пачинаетъ увѣщевать ихъ слѣдующими словами:

«Подождите немного и не лишайте жизни меня, ибо я любящій сынъ, единственная поддержка своей матери, которая живетъ одна въ развалившемся домѣ, не имѣя ни родителей, ни братьевъ, никого, кто бы могъ ей помогать. Такъ какъ а не могу ничего сдѣлать для нея въ деревнѣ, гдѣ мы живемъ, то я прихожу на эту гору собирать для нея плоды и коренья. Взбираясь на высокія вершины, спускаясь въ глубокія долины, я оставляю домъ поутру и возвращаюсь, когда уже темно. Это является источникомъ большого горя для насъ. Поэтому я и думалъ перенести свою мать сюда, въ это дуплистое дерево, не зная, что оно служитъ жилищемъ такому царю горы.. Если у меня найдется какая-нибудь часть тѣла, бесполезная въ смыслѣ поддержанія жизни моей матери, я готовъ пожертвовать ее вамъ. Но безъ ногъ, какъ могу я ходить? безъ рукъ, какъ могу я собирать для нея плоды или выкапывать коренья? безо рта, гдѣ можетъ найти проходъ дыханіе жизни? безъ груди, гдѣ можетъ найти себѣ мѣстопробываніе сердце мое?—Въ этомъ тѣлѣ нѣтъ ни одной части, которая не несла бы какой-нибудь службы, развѣ только мочки моихъ ушей, да кончикъ моего носа. Ихъ я предлагаю царю этой горы».

Эта рѣчь тронула медвѣдей, и они тотчасъ же уступили ему дуплистое дерево, а сами отправились искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ.

Мать и сынъ жили здѣсь много лѣтъ; пищей ихъ снабжали обезьяны. Въ концѣ концовъ они были найдены отцомъ, явившимся сюда на охоту. Онъ построилъ имъ въ Кіото прекрасный домъ, въ которомъ потомъ всѣ они зажили счастливо.

Хамамацу-цюнагонъ-моногатарп.

Хамамацу-цюнагонъ-моногатарп представляетъ собою рассказъ объ одномъ японскомъ аристократѣ, который отправился въ Китай и тамъ вступилъ въ любовную связь съ императрицей. Онъ привезъ съ собою въ Японию ребенка, плодъ этой любви. Авторъ этого

¹⁾ Дупло по японски — у ц у б о; отсюда и названіе всего произведенія.

произведенія неизвѣстенъ; по времени оно принадлежитъ второй половинѣ 10-го столѣтія.

Оцкубо-моногатари.

Оцкубо-моногатари также принадлежитъ второй половинѣ десятаго столѣтія. Мабуци относить это произведеніе къ періоду времени между 967 и 969 годами. Авторомъ его считается пѣккій Ми-намото-но-Ситагау, незначительный чиновникъ, но знаменитый ученый, который жилъ въ царствованія трехъ микадо—Мураками, Рейдзей и Епъ-ю¹). Слово оцкубо значитъ—подземелье. Героиня, молодая дѣвушка знатнаго рода, была заключена своей мачихой въ подземелье. Она находилась въ очень несчастномъ положеніи, пока ей при посредствѣ служанки не удалось свести знакомство съ однимъ знатымъ юношей, который помогъ ей оттуда выбраться. Потомъ, разумѣется, они поженились и зажили счастливо.

Суміюси-моногатари.

Въ Макура-но-соси упоминается сочиненіе подъ заглавіемъ Суміюси-моногатари. Литературная критика, однако, согласна въ томъ, что книга, извѣстная въ настоящее время подъ этимъ названіемъ, представляетъ собою болѣе позднюю поддѣлку. По содержанию своему, Суміюси-моногатари представляетъ собою разсказъ о злой мачихѣ (являющейся излюбленнымъ лицомъ флэкціи Дальняго Востока) и о тѣхъ событіяхъ, которыя въ концѣ концовъ привели къ заслуженному ея наказанію.

Ямато-моногатари.

Ямато-моногатари принадлежитъ неизвѣстному автору, хотя нѣкоторые и приписываютъ его Сигэхару, сыну Нарихира, героя Исе-моногатари, а другіе микадо Квадзанъ²). Это произведеніе есть подражаніе Исе-моногатари, но стоитъ много ниже послѣдняго; слогу его недостаетъ ясности и сжатости. Оно представляетъ собою собраніе разсказовъ, успащенныхъ танка, по образцу предшествовавшихъ ему такого же рода произведеній. Между отдѣльными разсказами нѣтъ никакой общей связи. Вотъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ разсказовъ изъ всей серіи:

¹) 947—967 г.; 968—969 г.; 970—984 г.

²) 985—986 г.

«Давнымъ давно въ провинціи Цу жила одна дѣвушка. За ней ухаживали два поклонника. Одинъ, по имени Мубара, жилъ въ той же самой провинціи, другой же, котораго звали Цину, былъ изъ провинціи Идзуми.

Оба эти юноши были одного возраста, а также были похожи другъ на друга лицомъ, фигурой и сложеніемъ.

Дѣвушка думала выбрать того изъ нихъ, который любитъ ее больше, но и въ этомъ отношеніи она не могла найти между ними никакой разницы. Когда наступала ночь, они приходили къ ней оба вмѣстѣ, а когда они подносили ей подарки, то и подарки оказывались одинаковыми, такъ что ни объ одномъ изъ нихъ нельзя было сказать, что онъ превзошелъ другого.

Дѣвушка стала сильно терзаться въ душѣ. Если бы ихъ привязанность къ ней была обыкновеннаго рода, то она отказала бы имъ обоимъ. Но такъ какъ они въ теченіе цѣлыхъ дней и мѣсяцевъ являлись къ ея дверямъ и выказывали свою любовь самыми разнообразными способами, то вниманіе ихъ заставляло ее страдать. Оба они продолжали упорно приходить со своими схожими подарками, несмотря на то, что они не были принимаемы. Родители дѣвушки сказали ей: «Жаль, что мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ проходятъ такимъ непривличнымъ образомъ. Утомительно выслушивать причитанія этихъ людей, ни къ чему не ведущія. Если ты выйдешь замужъ за одного изъ нихъ, то любовь другого угаснетъ» Дѣвушка отвѣчала: «Я также думала объ этомъ, но одинаковость любви этихъ людей ставитъ меня въ затруднительное положеніе. Какъ мнѣ быть?» Въ тѣ дни люди жили въ шатрахъ на берегу рѣки Икута. И вотъ родители призвали сюда обоихъ ухаживателей и сказали имъ: «Наша дочь находится въ очень затруднительномъ положеніи вслѣдствіе одинаковости любви, проявляемой вами обоими. Но мы намѣрены сегодня такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ. Одинъ изъ васъ чужеземець изъ далекаго мѣста, другой, хотя и живетъ здѣсь, но перенесъ не мало безпокойства. Поведеніе каждаго изъ васъ вызываетъ нашу горячую симпатію». Оба поклонника выслушали это съ почтительною радостью. «Теперь мы хотимъ предложить вамъ вотъ что»,—продолжали родители—«прицѣльтесь изъ вашихъ луковъ въ одну изъ водяныхъ птицъ, летающихъ надъ рѣкою. Мы отдадимъ свою дочь тому изъ васъ, кто поразитъ птицу».—«Превосходный планъ»—отвѣчали юноши. Но когда они выстрѣлили въ птицу, то оказалось, что одинъ попалъ ей въ голову, а другой около хвоста. Дѣвушка совсѣмъ пришла въ отчаяніе и воскликнула:

„Истомленная жизнью такою,
Свое тѣло я бросить хочу
Въ эти волны рѣки Икута,
Что въ провинціи Цу протекаетъ.
Икута,—для меня звукъ пустой лишь одинъ“¹⁾.

Съ этими словами она бросилась въ рѣку, которая протекала у шатровъ. Среди неистовыхъ криковъ родителей оба поклонника кинулись въ потокъ въ одно и то же время. Одинъ схватилъ ее за ногу, другою за руку, и оба они умерли вмѣстѣ съ ней. Убитые горемъ родители выловили тѣло дочери и похоронили его съ плачемъ и слезами. Родители обоихъ ухаживателей также явились и сдѣлали могилы по каждую сторону могилы дѣвушки. Но когда подошло время похоронъ, то родители юноши изъ провинціи Цу подняли споръ, говоря: «Что человекъ изъ этой же самой провинціи долженъ быть похороненъ на этомъ мѣстѣ,—это и справедливо и естественно. Но какъ можно допустить, чтобы чужеземецъ вторгнулся въ нашу землю?» Тогда родители юноши изъ Идзуми привезли на судахъ землю изъ той провинціи и похоронили наконецъ своего сына. Могила дѣвушки находится по срединѣ, а могилы поклонниковъ по обѣимъ сторонамъ ея, какъ это можно видѣть и теперь».

Авторъ настоящей книги совершилъ однажды благочестивое паломничество къ этимъ могиламъ, которыя еще существуютъ неподалеку отъ Кобе, и былъ не мало удивленъ, найдя, что могилы представляютъ собою громадные курганы, навѣрно гробницы какихъ-нибудь болѣе высокопоставленныхъ лицъ, чѣмъ герои вышесприведеннаго разсказа. Кромѣ того такъ называемыя могилы любовниковъ находятся въ разстояніи цѣлой мили по обѣ стороны могилы прекрасной дѣвушки, ради которой они умерли. На одной изъ могилъ густо разрослась кануста, посаженная какимъ-нибудь непочтительнымъ, а вѣрнѣе, незнающимъ японцемъ. Рѣка Икута, должно быть, сильно измѣнилась со временъ этой исторіи; теперь въ ней такъ мало воды, что утонуть въ ней очень трудно.

ГЛАВА IV.

Гендзи-моногатари.—Мурасаки-но-сикибу-ники.

Теперь мы подошли къ двумъ произведеніямъ, которыя, по общему мнѣнію, являются показателями высшей степени развитія, котораго до-

¹⁾ Икута значитъ „поле жизни“.

стигла классическая литература въ Японіи. Это Гендзи-моногатари¹⁾ и Макура-но-соси. Авторы обоихъ ихъ были современниками, и оба они—женщины.

Настоящее имя создательницы Гендзи-моногатари не дошло до насъ. Она извѣстна въ исторіи подъ именемъ Мурасаки-но-сикибу. Критики не согласны между собою, почему эта писательница называется Мурасаки, что значить—фіолетовый, пурпуровый; да это и не важно. Сикибу, если только это слово имѣеть въ данномъ случаѣ какое-нибудь значеніе, можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на то, что она находилась въ какихъ-то отношеніяхъ къ департаменту церемоній. Въ тѣ времена было принято, что придворныя дамы присваивали себѣ воображаемыя офіціальныя названія, которыя не имѣли, конечно, никакого практическаго примѣненія. Что касается именно этой писательницы, то это ея имя является, вѣроятно, намекомъ на то, что ея отецъ занималъ должность въ указанномъ департаментѣ.

Мурасаки-но-сикибу принадлежала къ младшей вѣтви большой фамиліи, или скорѣе, клана Фудзивара, который занималъ выдающееся положеніе въ Японіи въ теченіе многихъ столѣтій и далъ не мало микадо, государственныхъ дѣятелей, литераторовъ и поэтовъ. Ея отецъ пользовался репутаціей ученаго, и другіе члены ея фамиліи были извѣстными до нѣкоторой степени поэтами. Мурасаки-но-сикибу съ ранняго возраста обнаружила любовь къ наукѣ. Она была хорошо знакома съ японской и китайской литературой, и ея отецъ часто высказывалъ желаніе, чтобы такіе таланты и эрудиція не заглохли въ дѣвущкѣ. Выданная замужъ за одного изъ Фудзивара, она вскорѣ потеряла своего мужа, и тогда, повидимому, привязалась къ императрицѣ Акико, также изъ рода Фудзивара и большой поклонницѣ науки. Этимъ объясняется ея близкое знакомство съ церемоніями и установленіями Кіотоскаго двора. Ея произведенія носятъ на себѣ неопровержимый отпечатокъ того, что она вращалась въ наилучшемъ кругу своего времени и страны.

Предполагають, что Гендзи-моногатари закончено въ 1004 году по Р. Х., но дата эта спорная, и можетъ быть, что оно написано нѣсколькими годами ранѣе. Преданіе связываетъ созданіе этого произведенія съ храмомъ Исіяма, на южномъ концѣ озера Бива, въ томъ

¹⁾ Есть англійскій переводъ первыхъ 17 книгъ (изъ 54), сдѣланный К. Суемацу. Хотя это и почтенный трудъ, но онъ не вполне удовлетворителенъ. Переводчикъ не имѣлъ передъ собою комментаріевъ Мотоори, а изданіе Когецусіо ненадежно.

мѣстѣ, гдѣ изъ него вытекаетъ рѣка Удзи-гава. Говорятъ, что въ этомъ прелестномъ мѣстѣ жила Мурасаки-но-сикибу, удалившись отъ придворной жизни, и отдавшись на послѣдокъ дней своихъ литературѣ и религіи. Есть, однако, скептики, и въ числѣ ихъ Мотоори, которые отказываются вѣрить этому, доказывая, что это не согласуется съ установленными фактами. Съ другой стороны, въ монастырѣ показываютъ даже комнату, въ которой было написано Гендзи-моногатари, а также и кусокъ туши, которую употребляла Мурасаки-но-сикибу, и буддійскую сутру, переписанную ею рукой. Если все это и не въ состояніи убѣдить критика, то оно во всякомъ случаѣ вполне достаточно, чтобы поселить убѣжденіе въ истинности такого факта въ умахъ обыкновенныхъ посѣтителей храма.

Гендзи-моногатари—романъ. Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какая-нибудь женщина можетъ создать романъ. Но Мурасаки-но-сикибу не только просто написала удачный романъ,—она сдѣлала больше. Подобно Фильдингу въ Англіи она является создателемъ японскаго романа, прозаическаго эпоса реальной жизни, какъ иначе называютъ его. По качеству своего генія она, однако, болѣе походитъ на Ричардсона, великаго современника Фильдинга. До нея имѣлись только короткіе рассказы романтическаго характера, не имѣвшіе никакого отношенія къ дѣйствительности повседневной жизни. Гендзи-моногатари реаленъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ немъ мы видимъ мужчинъ и женщинъ, особенно женщинъ, обрисованныхъ такъ, какъ они являются въ своей повседневной жизни и окружающей ихъ обстановкѣ, съ ихъ чувствами, страстями, ошибками и слабостями. Авторъ вовсе не старается поразить или привести въ ужасъ своихъ читателей и чувствуетъ отвращеніе ко всему сенсаціонному, неестественному, чудовищному и невѣроятному. Герой въ родѣ Таметомо, котораго описываетъ романистъ 19-го столѣтія Бакинъ, и который имѣетъ по два зрачка въ каждомъ глазу и одну руку короче другой, который, упавъ однажды съ утеса, высотой въ нѣсколько тысячъ футовъ, тотчасъ же подымается и идетъ нѣсколько миль домой, какъ ни въ чемъ не бывало,—такой герой былъ бы въ ея глазахъ не менѣе смѣшнымъ, чѣмъ въ нашихъ. Въ Гендзи-моногатари имѣется немного драматическихъ положеній, и тотъ незначительный элементъ чудеснаго и сверхъестественнаго, который можно найти въ немъ, могъ вполне быть принятъ на вѣру современными читателями. Весь рассказъ течетъ свободно отъ одной до другой сцены реальной жизни и даетъ намъ такіа разнообразныя и детальныя изо-

браженія жизни и общества въ Кіото, какихъ мы не имѣемъ ни въ какой иной странѣ того же періода времени.

Герой романа—сынъ микадо и его любимой наложницы, которую другія наложницы постоянно преслѣдуютъ разными мелочами, завидуя оказываемому ей предпочтенію. Она принимаетъ это такъ близко къ сердцу, что заболѣваетъ и умираетъ. О ея смерти рассказывается съ большимъ пафосомъ. Ея сынъ, Гендзи, вырастаетъ и дѣлается красивымъ, благовоспитаннымъ юношею, очень воспримчиваго характера.

Его исторія есть главнымъ образомъ повѣствованіе о его многочисленныхъ любовныхъ похожденияхъ и о его послѣдней связи съ Мурасаки, героиней, достойной его во всѣхъ отношеніяхъ. Повѣствованіе продолжается до его смерти, въ возрастѣ 51 года. Послѣднія 10 книгъ, которыя рассказываютъ главнымъ образомъ объ одномъ изъ сыновей Гендзи, рассматриваются нѣкоторыми, какъ отдѣльное произведеніе.

Стиль Гендзи-моногатари названъ разукрашеннымъ. Писатель, который примѣнилъ этотъ эпитетъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду выраженія почтительности и вѣжливости, которыми уснащены многія мѣста. Но въ этомъ отношеніи автора можно извинить. Гендзи-моногатари представляетъ собою романъ изъ аристократической жизни. Большинство дѣйствующихъ лицъ романа суть особы высшаго круга, и при изображеніи ихъ рѣчей и дѣйствій необходимъ изысканно вѣжливый языкъ. По японски было бы шокирующимъ сказать просто: микадо завтракаетъ; вмѣсто этого надо сказать: онъ августѣйше соизволяетъ принять утрення яства, и т. д... Европейскій читатель находитъ такую манеру выражаться раздражающей и утомительной, но скоро онъ привыкаетъ къ ней. Правду сказать, такой языкъ находится въ полномъ согласіи съ установленными церемоніями, внушительными, но стѣснительными обрядностями и многими иными явленіями искусственной до извѣстной степени жизни японскаго двора того времени. Независимо отъ вышеуказаннаго стиль Гендзи-моногатари не болѣе разукрашенъ, чѣмъ, на примѣръ, стиль Робинзона Крузо, и гораздо менѣе, чѣмъ стиль многихъ японскихъ сочиненій позднѣйшаго времени. Онъ свободенъ отъ изобилія синонимически описующихъ прилагательныхъ и отъ излишества метафоръ, что мы обыкновенно соединяемъ съ понятіемъ разукрашеннаго, или цвѣтистаго стиля. Нѣкоторые дѣлали упреки, что стилю Гендзи-моногатари недостаетъ краткости. Можно согласиться, что его длинныя запутанныя предложенія очень не походятъ на точную прямую конструкцію Исе-моногатари. Но, какъ замѣчаетъ Мотоори, кратко сконструированный

стиль также может быть плохимъ, а съ другой стороны длинные, полные подробностей періоды могутъ наилучше соотвѣтствовать содержанию. Полнота стиля Гендзи-моноготари вовсе не является растянутостью. Внимательное изслѣдованіе показываетъ, что при всемъ изобиліи подробностей въ немъ нѣтъ ничего лишняго. Это своя особая манера писанія, и она очень существенна по отношенію къ тому эффекту, къ которому стремится писательница.

По существу Гендзи-моноготари не очень трудное для пониманія произведеніе, и несомнѣнно современники автора понимали его очень хорошо. Но съ тѣхъ поръ языкъ, установленія и обычаи измѣнились въ Японіи такъ сильно, что смыслъ его является темнымъ не только для европейскихъ изслѣдователей, но и для самихъ японцевъ. Къ нему накопилась масса комментаріевъ разныхъ японскихъ издателей, и ихъ толкованія зачастую такъ запутаны и петочны, что Мотоори счелъ необходимымъ посвятить ихъ разъясненію цѣлый критическій трудъ въ девяти томахъ, состоящій по большей части изъ исправленій ошибокъ его предшественниковъ.¹⁾

Громадность объема Гендзи-моноготари будетъ всегда другимъ препятствіемъ для его справедливой оцѣнки европейскими читателями. Онъ состоитъ изъ 54 книгъ, которыя въ общепринятомъ, но далеко не удовлетворительномъ изданіи Котенусіо обнимаютъ 4234 страницы. Одно только генеалогическое древо фигурирующихъ въ романѣ лицъ, обшная собою нѣсколькихъ микадо, массу принцевъ, принцессъ и императорскихъ супруговъ съ цѣлой толпою придворныхъ, занимаетъ цѣлыхъ 80 страницъ.

Японскіе критики утверждаютъ, что Гендзи-моноготари стоитъ выше всѣхъ подобныхъ произведеній китайской литературы и даже заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ образцовыми произведеніями европейской литературы этого рода. Никто, однако, за исключеніемъ ярыхъ японофиловъ (а такіе типы существуютъ) не зайдетъ такъ далеко, чтобы поставить Мурасаки-но-сикибу въ рядъ съ Фильдингомъ, Таккереемъ, Викторомъ Гюго, Дюма и Сервантесомъ, а съ другой стороны несправедливо отозваться о ней, какъ то сдѣлалъ Жоржъ Буске, къ приговору котораго присоединился и Чэмберленъ, какъ о «*cette ennuyeuse Scudéry japonaise*». Въ Гендзи-моноготари есть пафосъ, юморъ, достаточно чувства, тонкое наблюденіе людей и обычаевъ, вѣрная оцѣнка красоты природы и совершенно свободное, во всей его полнотѣ, владѣніе японскимъ языкомъ, который подъ кистью автора достигъ высшей сте-

¹⁾ Тама по огуси; трудъ этотъ остался неоконченнымъ за смертью автора.

пени превосходства. Мурасаки-но-сикибу никогда не доходит до мелодраматичности; она часто вводит множество побочных обстоятельств, но лишь рѣдко бываетъ скучна. Несмотря на всю свою ученость, она ненавидѣла педантичность и безукоризненность слога, этотъ бичъ многихъ современныхъ японскихъ романистовъ.

Намъ незачѣмъ здѣсь заниматься разсмотрѣніемъ мнѣній нѣкоторыхъ японскихъ писателей, что Гендзи-моногатори написанъ съ тѣмъ, чтобы вкоренить буддѣйскія доктрины, или замѣчаній другихъ, что онъ имѣлъ цѣлью проповѣдь конфуціанской морали. Намъ незачѣмъ заниматься предположеніемъ, что это романъ, заключающій въ себѣ извѣстную загадку, и что его дѣйствующія лица должны быть отождествлены съ какими-то дѣйствительно жившими во время его написанія людьми. Какъ справедливо замѣчаетъ Мотоори, всѣ такія предположенія указываютъ на полное непониманіе настоящей цѣли созданія романовъ, которая заключается въ томъ, чтобы вызвать въ насъ извѣстныя чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовать и доставить забаву картиннымъ изображеніемъ реальной жизни.

Другой пунктъ, на который упираютъ японскіе критики,—это моральная сторона Гендзи-моногатори. Одни осуждаютъ ее, какъ она и заслуживаетъ того, тогда какъ другіе силятся защитить то, что даже съ японской точки зрѣнія не защитимо. Правду сказать, нравственная распущенность, рисуемая этимъ романомъ, явленіе прискорбное, но въ утѣшеніе можно сказать, что она является достояніемъ того времени и той страны, въ которыхъ жила писательница, и, что, какъ признано, частная ея жизнь не запятана ничѣмъ подобнымъ. Что касается грубой скабрёзности, то ея рѣшительно нѣтъ въ Гендзи-моногатори, какъ и вообще въ литературныхъ памятникахъ этого періода. Языкъ почти неизмѣнно приличенъ и даже утонченно деликатенъ, и врядъ-ли гдѣ можно найти фразу, рассчитанную на то, чтобы вызвать краску смущенія на лицѣ молодой дѣвушки.

Трудно путемъ цитаты дать настоящее представленіе объ этомъ произведеніи. Нижеприведенный отрывокъ можетъ служить этой цѣли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и любой другой. Авторъ настоящаго труда признается, что сказавшаяся именно въ этомъ, пожалуй, больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь иномъ произведеніи японской литературы, пропасть, отдѣляющая по строю мысли, чувствамъ и языку насъ отъ Дальняго Востока, является неодолимымъ препятствіемъ, чтобы сообщить переводу несомнѣнныя прелести подлинника.

Гендзи, въ возрастѣ шестнадцати лѣтъ, разсуждаетъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей о женскомъ характерѣ.

«Быль вечеръ дождливаго періода года. Снаружи заунывно лилъ дождь, и никто не показывался даже во дворцѣ. Въ помещеніи Гендзи ощущалось необыкновенное безмолвіе. Самъ Гендзи читалъ при свѣтѣ лампадки, какъ вдругъ ему пришло въ голову достать изъ шкафа, который находился возлѣ него, нѣсколько писемъ, написанныхъ на бумагѣ разныхъ цвѣтовъ. Цюдзіо (его пріятель) хотѣлъ очень взглянуть на эти письма. «Здѣсь есть нѣкоторыя такого рода, что я могу показать ихъ вамъ» — сказала Гендзи, — «Но здѣсь есть и другія, не совсѣмъ отдѣланныя.» Эти послѣднія онъ отказался показать. «О! Но какъ разъ именно эти, писанныя безъ условной сдержанности и изложенныя трогательнымъ языкомъ, мнѣ и нравятся. Банальныя письма не интересны для меня. Я хотѣлъ бы видѣть тѣ письма, по которымъ можно сдѣлать заключеніе объ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится пишущій. Если они написаны подъ внушеніемъ стремительнаго порыва ревности, или написаны въ вечерній часъ, когда становишься жертвой страстныхъ мечтаній, тоски и тому подобнаго, — тогда они заслуживаютъ того, чтобы ихъ читать».

Было бы невѣроятнымъ, чтобы то, что требуетъ строжайшаго секрета, оставлялось лежать въ простомъ шкафу; такія письма были бы старательно припрятаны. Эти же письма, должно быть, были не особенно интимнаго характера. Поэтому Гендзи, настоятельно упрощаемый своимъ пріятелемъ, позволилъ ему прочесть изъ нихъ нѣкоторыя мѣста. «Какое разнообразіе!» — воскликнулъ Цюдзіо и началъ угадывать авторовъ. «Это отъ такой-то. Неправда ли? Это вотъ отъ такой?» — спрашивалъ онъ. Иногда онъ угадывалъ, но если даже и ошибался, его выводы и догадки всетаки очень забавляли Гендзи. Но самъ Гендзи говорилъ мало и хранилъ сдержанность, отдѣливаясь отъ своего пріятеля уклончивыми отвѣтами. «У васъ должна быть собственная коллекція» — сказала Гендзи, — «Не покажете ли вы мнѣ кое что изъ нея? Въ такомъ случаѣ мой шкафъ болѣе привѣтливо раскрылъ бы свои двери» — сказала Гендзи. «Я убѣжденъ, что ни одно изъ моихъ писемъ не заслуживаетъ того, чтобы вамъ стоило брать на себя трудъ читать ихъ» — отвѣчалъ Цюдзіо. «Я наконецъ открылъ», — продолжалъ онъ (ему было 16 лѣтъ), — «какъ трудно найти женщину, о которой можно было бы сказать: «Вотъ она единственная. Въ ней нельзя найти никакихъ недостатковъ». Есть множество такихъ, которыхъ можно считать довольно сносными, — дѣвушки съ поверхностными чувствами, но съ

бойкимъ перомъ, способныя дать умный отвѣтъ ¹⁾ при случаѣ. Но какъ трудно выбрать ту, о которой можно сказать, что она остановила на себѣ ваше вниманіе. Часто онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о какихъ-нибудь иныхъ познаніяхъ за исключеніемъ тѣхъ, которыми обладаютъ сами, и онѣ порицаютъ ихъ въ другихъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Нѣкоторыя опять набалованы своими родителями, которые рѣшительно не отпускаютъ ихъ отъ себя. Такія дѣвушки, пока онѣ остаются за рѣшеткой, которая отдѣляетъ ихъ отъ ихъ будущаго, могутъ несомнѣнно произвести впечатлѣніе на сердце мужчинъ, которые имѣли мало случаевъ узнать ихъ въ дѣйствительности. Онѣ могутъ быть юны, привлекательны, сдержанныхъ манеръ и, пока онѣ не подвергаются вѣшнымъ тревоженіямъ, онѣ естественно, путемъ постоянного подражанія другимъ, доходятъ до извѣстнаго искусства въ суетныхъ забавахъ. Ихъ друзья прикроютъ ихъ недостатки и представятъ въ лучшемъ свѣтѣ ихъ хорошія качества. Какъ можетъ кто-нибудь, не имѣя доказательствъ, осудить ихъ въ своихъ мысляхъ и сказать: «Нѣтъ, это не такъ». А между тѣмъ, если мы будемъ вѣрить всему, что говорится о нихъ, то мы навѣрно найдемъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ ними, что онѣ падаютъ въ нашѣмъ мнѣніи». Здѣсь Цюдзіо остановился, устыдившись своей горячности, съ которою онъ говорилъ это. Гендзи, думая кое о чемъ въ такомъ же родѣ, хотя и не точно о такомъ, извѣстномъ ему изъ его собственнаго опыта, улыбнулся и сказалъ: «Но всетаки всѣ онѣ имѣютъ же что-нибудь и хорошее?» — «Совершенно вѣрно», — отвѣтилъ Цюдзіо, — «если бы онѣ не имѣли ничего, то кто бы могъ прельститься ими? Изъ тѣхъ крайне жалкихъ созданій, на которыхъ не стоитъ останавливать вниманія, и изъ высшаго круга женщинъ, предъ образованіемъ которыхъ мы испытываемъ безграничное удивленіе, одинаково небольшое число. Занимающія по рожденію высокое положеніе въ обществѣ служатъ предметомъ потворства своихъ друзей и ихъ недостатки скрываются, такъ что по внѣшнему виду онѣ, конечно, превосходятъ всѣхъ. Въ среднемъ классѣ гораздо больше свободы выраженія личныхъ чувствъ, и такимъ образомъ есть средство сдѣлать различіе между ними. Что же касается самаго низшаго класса ихъ, то онѣ совершенно не заслуживаютъ нашего вниманія».

Здѣсь къ Гендзи и Цюдзіо присоединились два другихъ ихъ пріятеля. Бесѣда затянулась надолго; разсуждали о разныхъ типахъ жен-

¹⁾ Вѣроятно здѣсь разумѣются поэтическіе отвѣты въ формѣ стихотвореній въ 31 слогъ.

щины, иллюстрируя разсужденія примѣрами, взятыми изъ собственнаго опыта собесѣдниковъ.

Этотъ отрывокъ, извѣстный подъ именемъ Сина-садаме, т. е., критика женщинъ, очень плѣняетъ японцевъ. Онъ разсматривается нѣкоторыми критиками, какъ ядро всего произведенія, главная идея котораго — дать читателю картину разныхъ женскихъ типовъ.

Гендзи, который удалился въ одинъ монастырь, чтобы заговорить себя отъ лихорадки, узнаетъ, что въ сосѣднемъ монастырѣ живетъ со своей бабушкой, монахиней, одна молодая дѣвушка, которой впоследствии суждено было приковать къ себѣ его праздное вниманіе и сердце.

«Въ это время года дни были долги и время тянулось медленно. И вотъ подъ покровомъ густого вечерняго тумана Гендзи приблизился къ низкой изгороди, о которой ему говорили. Здѣсь онъ отослалъ всю свою свиту, оставивъ при себѣ только Коремицу. Взглянувъ черезъ ограду, онъ могъ видѣть прямо передъ собою западный фасадъ дома, въ которомъ была монахиня, молившаяся передъ домашнимъ изображеніемъ Будды. Она подняла висячую ширму и сдѣлала приношеніе изъ цвѣтовъ. Затѣмъ, помѣстившись у средней колонны, она положила на подставку сутру и начала читать; въ голосѣ ея слышалось много страданій. Эта монахиня казалась незаурядной личностью. Она была сорока съ небольшимъ лѣтъ на видъ, хорошо сложена и имѣла осанку знатной женщины. Она была тонка, но лицо ея было одутловато отъ болѣзни. Глядя на нее, Гендзи былъ пораженъ красотой ея волосъ, которыя, казалось, скорѣе, выиграли отъ того, что были обрѣзаны¹⁾. Ей прислуживали двѣ красивыхъ взрослыхъ женщины. Тамъ было и нѣсколько дѣтей, игравшихъ въ комнатахъ и на дворѣ. Изъ нихъ одна дѣвочка, которой, пожалуй, можно было дать лѣтъ десять, была одѣта въ несомнѣнно новое бѣлое шелковое платье съ желтой каймой. Она совершенно не походила на служанокъ и на остальныхъ дѣтей, и ея красота обѣщала ей, повидимому, будущность. Ея волосы были размѣтаны волнами, подобно распущенному вѣеру, и глаза были красны отъ плача. Монахиня взглянула на нее, когда она очутилась подлѣ, и спросила: «Въ чемъ дѣло? Ты поссорилась съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей?» Когда Гендзи посмотрѣлъ на нихъ, то ему бросилось въ глаза сходство между ними обѣими, и онъ подумалъ, что дѣвочка, вѣроятно, дочь монахини. «Инуки выпустилъ моего воробья, котораго я посадила подъ кор-

¹⁾ Въ то время монахи не брили головы, а только коротко обрѣзывали волосы.

зину», горестно отвѣчала дѣвочка. Тогда служанка воскликнула: «Онъ постоянно совершаетъ необдуманные поступки и обижаетъ бѣдную дѣвочку; а все потому, что его не бранятъ достаточно. Меня удивляетъ, куда бы могъ дѣваться воробей. Онъ сталъ дѣлаться такимъ милымъ! А теперь я боюсь, что его схватили вороны». Съ этими словами она вышла.

Волосы этой женщины были распущены и очень длинны. Она была пріятной наружности. Другіе называли ее нянькой Сіонагонъ и, повидимому, она ходила за этимъ ребенкомъ. «Подойди сюда! Будь хорошей дѣвочкой, и оставь эти пустяки»,— сказала монахиня дѣвочкѣ.— «Ты забываешь, что не сегодня-завтра я умру; а ты не можешь думать ни о чемъ иномъ, кромѣ твоего воробья. Развѣ я не говорила тебѣ часто, что это грѣхъ (держать птицъ въ клѣткѣ). Ты меня сильно огорчаешь. Подойди же сюда, дитя».

Дѣвочка подвинулась впередъ съ печальнымъ выраженіемъ, и туманъ налегъ надъ ея бровями. Очертанія ея лба, съ котораго волосы были по дѣтски зачесаны назадъ, и самые волосы были въ высшей степени прелестны.

«Какая очаровательная дѣвушка выйдетъ изъ нея, когда она вырастетъ»—подумалъ Гендзи, и его глаза съ интересомъ остановились на ней. Она чрезвычайно походила на ту, которой прежде отдано было все его сердце, и при этомъ воспоминаніи слезы хлынули изъ его глазъ.

Глядя дѣвочку по головѣ, монахиня заговорила: «Какіе прекрасные волосы! хотя ты и считаешь, что причесывать ихъ такъ утомительно. Другія дѣвочки твоего возраста совсѣмъ не похожи на тебя. Когда твоя покойная мать въ возрастѣ 12 лѣтъ выходила замужъ, у нея было необыкновенно много здраваго смысла. Но теперь, когда ты потеряешь меня, что будетъ съ тобою?» И она залилась слезами. При видѣ этого Гендзи почувствовалъ къ ней невыразимое сожалѣніе. Дѣвочка взглянула на монахиню своими дѣтскими глазами и съ печальнымъ видомъ низко склонила свою голову, такъ что ея волосы свободно упали впередъ, блеснувъ при этомъ необычайно красиво.

„Нѣтъ такого неба, что бы высушить могло
Слезъ моихъ росу, когда я покидаю
Нѣжную траву, которая не знаетъ
Гдѣ найдеть пріютъ себѣ,
Когда часъ зрѣлости настанетъ“.

Такъ говорила монахиня. «Вѣрно,»—сказала другая служанка (не нянька дѣвочки) и со слезами отвѣчала ей:

„Доколь первые ростки травы
Не будутъ знать, чего имъ ждать,
Когда часъ зрѣлости настанетъ,
Какъ можно думать, чтобъ роса
Доколь высохнуть могла!“

Этотъ очеркъ можетъ быть законченъ слѣдующимъ стихотвореніемъ, въ которомъ Мотоори, будучи уже въ немолодыхъ годахъ, выражаетъ намѣреніе вернуться, если время позволитъ, къ изученію Гендзи-моногатари:

„Я ихъ такъ горячо полюбилъ,
Что опять бы хотѣлъ я прійти посмотреть
На весенней равнинѣ фіалки,
Которыхъ собрать я не могъ,—
Однако жъ сегодня ихъ рвать мнѣ нельзя“.

Мурасаки-но-сикibu написала еще дневникъ, который называется Мурасаки-но-сикibu-ники и который дошелъ до насъ. Онъ не безъ достоинства, но его слава совершенно меркнетъ передъ славой ея большаго произведенія.

ГЛАВА V.

Макура-но-соси.

На ряду съ Гендзи-моногатари японцы ставятъ Макура-но-соси, какъ произведеніе равное ему по достоинствамъ, хотя и не похожее по своей формѣ и характеру. Въ дословномъ переводѣ Макура-но-соси значить подушечные очерки. Это произведеніе вышло изъ-подъ пера Сей-сіонагонъ, бывшей, подобно Мурасаки-но-сикibu, дамой высшаго круга. Ея отецъ, поэтъ, пользовавшійся нѣкоторой извѣстностью, вель свое происхожденіе отъ того принца, который составилъ Нихонги. Благодаря своей учености и талантамъ Сей-сіонагонъ была назначена статсъ-дамой къ императрицѣ. Послѣ смерти императрицы въ 1000 году, она удалилась отъ свѣтской жизни; нѣкоторые говорятъ, что она уединилась въ монастырь и до конца своей жизни пользовалась милостями микадо Ициго; другіе же, наоборотъ, говорятъ, что положеніе ея было бѣдственное и жалкое.

Названіе сочиненія, Макура-но-соси, по объясненію нѣкоторыхъ означаетъ то, что она хранила рукопись подъ подушкой и записывала свои мысли и наблюденія вечеромъ передъ отходомъ ко сну и утромъ,

когда вставала съ постели. Но гораздо вѣроятнѣе, что въ этомъ заглавіи кроется намекъ на то, что она сама рассказываетъ въ своемъ послѣсловіи: «Становится слишкомъ темно для того, чтобы писать, и моя кисть истерлась. Я хочу довести эти очерки до конца. Они являются рассказомъ о томъ, что я видѣла своими глазами и почувствовала въ своей душѣ, написаннымъ не для того, чтобы другіе могли читать ихъ, но составленнымъ для того, чтобы служить мнѣ утѣшеніемъ при моей уединенной домашней жизни. Когда я подумаю о томъ, какъ я старалась держать ихъ въ секретѣ, сознавая пошлость и преувеличенность вырвавшихся у меня нѣкоторыхъ замѣтокъ, у меня невольно льются слезы.

Однажды, когда я находилась у императрицы, она показала мнѣ запасъ бумаги, который принесъ ей министръ двора. «Что бы такое написать на ней?» — спросила ея величество, — «Микадо повелѣлъ написать на своей бумагѣ то, что они называютъ исторіей». — «Она отлично пригодна для подушекъ» — отвѣчала я. — «Въ такомъ случаѣ возьмите ее» — сказала императрица. И вотъ я постаралась использовать этотъ громадный запасъ, записывая странныя дѣла всякаго рода безъ всякой между ними связи или послѣдовательности».

Макура-но-соси является первымъ образчикомъ того стиля, который впоследствии приобрѣлъ въ Японіи популярность, подъ именемъ дзуйхицу, что значитъ буквально: слѣдованіе за кистью. Въ этомъ стилѣ нѣтъ никакой системы; подъ вліяніемъ минуты авторъ заноситъ на бумагу все, что приходитъ ему въ голову. Рассказы, описательныя перечисленія ужасныхъ, несообразныхъ, отвратительныхъ и скучныхъ явленій и предметовъ, перечни цвѣтовъ, горъ, рѣкъ, очерки изъ общественной и частной жизни, мысли, навѣяныя созерцаніемъ природы и многое другое, — все это составляетъ *farrago libelli* автора.

Въ противоположность Мурасаки-но-сикибу, уходящей въ тѣ лица, которыя она описываетъ, личность Сей-синагонъ рѣзко выступаетъ во всемъ, что ею написано. Всегда она выступаетъ передъ читателемъ въ обликѣ умной, нѣсколько циничной, свѣтской женщины. Ея вкусы и пристрастія выставляются съ значительной подробностью, но она не стѣсняется отмѣчать въ своихъ очеркахъ всякую подходящую цитату или острый отвѣтъ, который она могла бы сдѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ. Позднѣйшіе писатели не стараются выгородить ее отъ личнаго участія въ любовныхъ интригахъ, которыя были такимъ выдающимся явленіемъ въ жизни высшихъ классовъ въ Кіото того времени. Изъ ея

сочиненій не трудно сдѣлать тотъ выводъ, что ей, какъ говорить Cowley, не чужды были

„The politic arts
To take and keep men's hearts;
The letters, embassies and spies,
The frowns, and smiles, and flatteries,
The quarrels, tears and perjuries,
Numberless, nameless mysteries“.

Нижеприведенные отрывки могутъ дать нѣкоторое представленіе о характерѣ всего произведенія. Четыре времени года являются темой его вступительной главы.

Четыре времени года.

«Весной я люблю наблюдать, какъ постепенно увеличивается повсюду разсвѣтъ, пока слабый розовый цвѣтъ не покроетъ гребни горъ, между тѣмъ какъ вверху расплываются нѣжныя очертанія пурпуроваго облака.

Лѣтомъ я люблю ночь, не только тогда, когда сіяетъ луна, но и въ глубокую тьму, когда свѣтляки перекрещиваютъ другъ съ другомъ свои пути въ полетѣ, а также, когда идетъ дождь.

Осенью глубже всего трогаетъ меня красота вечера, когда я наблюдаю воронъ, отыскивающихъ свои насѣсты, по двѣ, по три и по четыре, между тѣмъ, какъ заходящее солнце пышно посылаетъ свои лучи, приближаясь къ кольцу горъ. Еще пріятнѣе смотрѣть на пролетающія вереницы дикихъ гусей, которые издали кажутся необыкновенно маленькими. А когда солнце совсѣмъ уже зайдетъ, какъ трогательно для сердца стрекотанье насѣкомыхъ и вздохи вѣтра.

Зимою —какая невыразимая красота снѣга! Но я люблю также ослѣпительную бѣлизну утренняго инея и сильный холодъ даже и въ другое время. Тогда очень кстати принести поскорѣе углей и развести огонь; и пусть не убѣждаетъ насъ пріятная теплота полудня позволить горячимъ углямъ въ жаровнѣ обратиться въ бѣлую кучу холоднаго пепла».

Заклинатель.

«Какая жалость сдѣлать жрецомъ ребенка, котораго любишь! Жрецы должны ложиться спать послѣ жалкой постной пицци, и ихъ порицають, если они въ молодости позволять себѣ такъ много, какъ бросить робкій взглядъ въ мѣста, гдѣ есть плѣнительныя дѣвы.

Особенно же трудна жизнь жреца-заклинателя. Сколько ужасных испытаній долженъ онъ перенести при своихъ паломничествахъ въ Митаке, Кумано и другіе святыя монастыри! Даже, когда онъ приобрѣтетъ славу изливающего благодать и за нимъ посылають во всѣхъ случаяхъ, эта самая слава служить ему помѣхой для отдыха. Какъ тяжело долженъ быть трудъ изгнанія злого духа изъ больного человѣка, который находится на излеченіи у заклинателя! Если только онъ чуточку вздремнетъ отъ полнаго истощенія, ему тотчасъ же дѣлають выговоръ и говорятъ, что онъ только и дѣлаеть, что спить!»

Заклинатели, вообще, пользуются большимъ сочувствіемъ писательницы; въ другомъ мѣстѣ она говоритъ:

«Когда отъ заклинателя требуютъ, чтобы онъ изгналъ злого духа, онъ принимаетъ тогда соотвѣтствующій видъ и распредѣляетъ свои жезлы и колокольчики между тѣми, кто присутствуетъ при заклинаніяхъ. Затѣмъ онъ начинаетъ гудѣть свои молитвословія, расиѣвая ихъ такимъ тономъ, какъ поють цикады. Но предположимъ, что на демона это не дѣйствуетъ, и что заклинанія не приводятъ ни къ чему. Всѣ домочадцы, которые принимали участіе въ моленіи, начинаютъ удивляться. Еще и еще продолжаетъ онъ часъ за часомъ, пока окончательно не выбьется изъ силъ. Наконецъ онъ видитъ, что это бесполезно. Тогда онъ позволяетъ имъ прекратить моленія и отбираетъ назадъ жезлы и колокольчики, сознаваясь въ своемъ безсиліи. Какъ теребитъ онъ свои волосы и чешетъ въ затылкѣ, когда, зѣвая ложится спать!»

Визитъ императрицы придворному.

«Когда императрица дѣлала визитъ министру Наримаса, ея карета прослѣдовала черезъ широкія восточныя ворота въ четыре колонны. Ея статсъ-дамы предпочли, однако, направить свои кареты черезъ сѣверныя ворота, гдѣ не было стражи. Нѣкоторыя изъ дамъ, не сдѣлавшія себѣ прически, думали про себя съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ: «Мы подъѣдемъ къ самой двери, такъ что намъ нечего быть особенно щепетильными». Но крытыя пальмовыми листьями кареты крѣпко завязли въ узкихъ воротахъ, и не было никакой возможности въѣхать. Тогда были проложены обычныя дорожки изъ цыновокъ, и намъ было предложено выйти къ немалой нашей досадѣ и негодованію. Но не было другого исхода. Было возмутительно видѣть придворныхъ и слугъ, собравшихся въ кордегардіи и глазѣвшихъ на насъ, когда мы проходили мимо нихъ. Когда мы явились къ ея величеству и рассказали, что съ нами случи-

лось, она посмѣялась надъ нами и сказала: «Теперь развѣ на васъ никто не смотритъ? Какъ вы можете быть такими неряшливыми!» — «Да», — отвѣчала я, — «но здѣсь всѣ привыкли къ намъ и были бы очень удивлены, если бы мы стали заботиться особенно о своей внѣшности. Развѣ возможно подумать только, что такой большой домъ имѣетъ настолько узкія ворота, что карета не можетъ проѣхать! Я хорошенько посмѣюсь надъ министромъ, когда увижу его.»

Какъ разъ, вскорѣ послѣ этого Наримаса пришелъ, принося императрицѣ плитку для туши и письменныя принадлежности. «Это очень нехорошо,» — сказала я. — «Какъ можете вы жить въ домѣ съ такими узкими воротами?» На это онъ съ улыбкой отвѣчалъ, что его домъ какъ-разъ соотвѣтствуетъ его положенію. «Однако,» — сказала я, — «я слышала объ одномъ человѣкѣ, который заставилъ свои ворота сдѣлать слишкомъ широкими для своихъ личныхъ надобностей.» «Конечно, — сказалъ министръ съ удивленіемъ, — «вашъ намекъ относится къ У Тейкоку¹⁾. Кто бы подумалъ, что кромѣ почтеннаго магистра наукъ еще кто-нибудь могъ знать объ этомъ? Я самъ иногда блуждалъ по дорожкамъ ученія и вполне понимаю вашъ намекъ». — «Но ваши дорожки не особенно искусны: это была премилая суматоха, когда мы были выпущены бродить по вашимъ цыновочнымъ дорожкамъ». — «Я боюсь, что это причинило вамъ непріятность» — возразилъ онъ. «А къ тому же еще шелъ дождь. Но мнѣ надо къ императрицѣ». Съ этими словами онъ ушелъ.

«Чѣмъ это такъ былъ сконфуженъ Наримаса?» — спросила меня потомъ императрица. «О, пустяки!» — отвѣчала я, — «я только рассказала ему о нашемъ непріятномъ приключеніи въ его воротахъ».

Домашняя сцена во дворцѣ микадо.

«На выдвинутой двери сѣвернаго фасада частныхъ апартаментовъ микадо нарисованы страшныя картины существъ, живущихъ въ бурномъ океанѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ длинныя руки, другія же длинныя ноги. Когда дверь передней открыта, мы всегда можемъ ихъ видѣть.

¹⁾ У Тейкоку — китайскій сановникъ, упоминаемый въ одной китайской исторіи. У отца его разрушились ворота, и когда ихъ вновь выстроили, онъ приказалъ выстроить ихъ пошире, говоря, что, хотя ему, какъ мелкому чиновнику, и не подобаютъ такія большія ворота, но такъ какъ онъ добродѣтельный человѣкъ, то среди его потомковъ навѣрно окажется достаточно знатный человѣкъ, чтобы имѣть карету, требующую широкихъ воротъ. (Японскій словарь Оціаи: Котоба по идзуми). — Дѣлая этотъ злостный намекъ, Сей-сіонагонъ поражаетъ Наримаса своей ученостью и начитанностью въ китайской литературѣ.

Однажды, около полудня, когда мы смѣялись и толковали о нихъ, говоря о томъ, какъ они отвратительны, и въ то же время были заняты установкой внизу у веранды большихъ цвѣточныхъ вазъ изъ зеленого фарфора, наполняя ихъ въ изобиліи самыми прекрасными вишневыми вѣтвями, длиною въ пять футовъ, такъ что цвѣты ихъ доходили до самаго верхняго края баллюстрады, подошелъ его высочество Дайнагонъ ¹⁾ (братъ императрицы). На немъ была вишневаго цвѣта накидка, нѣсколько поношенная, такъ что она потеряла уже свою жесткость, и темнопурпуровые шаровары. Его бѣлая нижняя одежда, выставясь на шеѣ, обнаруживала веселый узоръ густо-краснаго цвѣта. Такъ какъ микадо былъ тогда у императрицы, то онъ сѣлъ на узкой площадкѣ передъ дверью и сталъ дѣлать какой-то докладъ объ официальныхъ дѣлахъ. Горничныя въ своихъ безрукавкахъ, сидѣвшихъ на нихъ совершенно свободно, одѣтыя въ пурпуровое, другія въ желтое, вообще въ разные пріятные цвѣта, показывались изъ-за ширмъ маленькой двери. Въ императорскихъ покояхъ какъ-разъ накрывали къ столу. Мы могли слышать топотъ ногъ служителей и окрикъ одного изъ дворецкихъ: «Потше!» Ясная погода была въ высшей степени пріятна. Когда были установлены послѣднія блюда, явился дворецкій и возвѣстилъ объ обѣдѣ. Микадо ушелъ черезъ среднюю дверь въ сопровожденіи его высочества Дайнагонъ'а, который затѣмъ вернулся на свое прежнее мѣсто, подлѣ цвѣтовъ. Тогда императрица, поднявъ занавѣси, подошла до самаго порога. Дайнагонъ сдѣлалъ замѣчаніе о красотѣ окружающей обстановки и благопрістойномъ видѣ слугъ и закончилъ слѣдующей цитатой изъ одного стихотворенія:

И солнце и луна, смѣняя другъ друга, чередуются,
Но императорскій дворець, подобно великой горѣ, пребываетъ въ вѣч-
номъ постоянствѣ.

Это произвело на меня глубокое впечатлѣніе, и въ глубинѣ души я пожелала, чтобы это дѣйствительно продолжалось тысячу лѣтъ».

Нападеніе собаки Окнамаро на кошку Міобу-но-омото.

«Августѣйшая статсъ-кошка микадо была прелестнѣйшее животное; его величество очень любилъ ее, возвелъ ее въ особы пятаго класса и пожаловалъ ей титулъ Міобу-но-омото, т. е. почетной статсъ-юнгферы. Однажды, когда она вышла на мостикъ между двумя дворцовыми зданіями, ея нянька, которой былъ поручень за ней уходъ, позвала ее:

¹⁾ Первый изъ трехъ министровъ. 2-й назывался цонагонъ, а третій синаго нъ.

«Какъ неприлично! ступай сейчасъ же сюда». Но кошка не обратила на зовъ никакого вниманія и продолжала, полудремля, грѣться на солнцѣ. Тогда нянька, желая напугать ее, крикнула: «Гдѣ Окинамаро? Окинамаро! искусай Миобу-но-омото». Глупая собака, думая, что нянька говоритъ серьезно, бросилась на кошку, которая въ смятеніи и страхѣ нашла себѣ спасеніе за ширмой обѣденной комоды, въ которой какъ-разъ находился микадо. Микадо былъ въ высшей степени взволнованъ и возмущенъ. Онъ взялъ кошку на свою августѣйшую грудь, за пазуху, и, потребовавъ къ себѣ камердинера Тадатака, отдать приказаніе побить Окинамаро хорошенько палками и сейчасъ же послѣ этого сослать его на Собачій островъ. Прислуга, поднявъ суматоху, кинулась ловить Окинамаро. Скоро онъ былъ пойманъ и сосланъ, какъ приказано.

Увы, бѣдный песъ! Онъ такъ привыкъ быть здѣсь хозяиномъ. Когда въ третій день третьяго мѣсяца вели его съ ивовымъ вѣнкомъ на головѣ, украшеннаго персиковыми и вишневыми цвѣтами, могъ ли онъ думать, что когда-нибудь дойдетъ до этого? Онъ привыкъ присутствовать всегда во время ѣды, и теперь, когда прошло безъ него три или четыре дня, мы почувствовали, что намъ его недостаетъ.

Однажды въ полдень поднялся страшный шумъ отъ визга какой-то собаки; всѣ другія собаки въ безпокойствѣ кинулись къ тому мѣсту, откуда шель визгъ, чтобы узнать, что заставляетъ ее такъ визжать. Въ то же время къ намъ влетѣла служанка, на обязанности которой лежала уборка мусора во дворцѣ. «Ахъ! Какъ страшно!» — закричала она, — «два камердинера бьютъ собаку до смерти. Они говорятъ, что наказываютъ ее за то, что она опять пришла сюда, послѣ того, какъ была сослана». Мое сердце подсказало мнѣ, что это Окинамаро, котораго бьютъ Тадатака и Санефуса. Я послала имъ сказать, чтобы они остановились, но какъ-разъ въ это время вой прекратился. Потомъ мнѣ сказали, что собака умерла, и тѣло ея выброшено за ворота. При закатѣ солнца, когда мы всѣ сожалѣли о постигшей ее участи, къ намъ вошла жалкаго вида, вся дрожа, какая-то собака; тѣло ея страшно и отвратительно распухло. «Развѣ это Окинамаро?» — стали мы говорить, — «никакой такой собаки не видно было здѣсь за послѣднее время». Мы стали звать ее по имени, но собака не обращала никакого вниманія. Однѣ говорили, что это Окинамаро, другія говорили — нѣтъ. Тогда императрица послала за одной дамой, которая хорошо знала Окинамаро. «Это Окинамаро?» — спросила она, указывая на собаку. — «Она похожа на него», — отвѣчала дама, — «но она слишкомъ отвратительна для того, чтобы быть нашей собакой. Кромѣ

того, когда кто-нибудь зоветь Окинамаро по имени, то онъ съ радостью бѣжить, а это животное не подходитъ. Это не можетъ быть Окинамаро. Наконецъ, Окинамаро убить, и тѣло его выброшено вошь. Невозможно, чтобы онъ остался живъ послѣ такихъ побоевъ, какіе онъ получилъ отъ лакеевъ». Когда стемнѣло, собакѣ предложили поѣсть, но она отказалась отъ пищи, и мы рѣшили, что, значить, она не можетъ быть нашимъ другомъ.

На слѣдующее утро, когда я отправилась помогать императрицѣ при ея туалетѣ и приготавливала ей умывальный тазъ и зеркало, собака подошла къ подножію одной изъ колоннъ. «Увы!» — воскликнула императрица, — «какъ, должно быть, страшно били Окинамаро вчера вечеромъ. Я очень опечалена тѣмъ, что онъ умеръ. Я думаю, что теперь онъ выглядитъ такъ же, какъ и это животное. Онъ, должно быть, ужасно страдалъ». Въ этотъ моментъ собака, лежавшая у колонны, задрожала, и, къ нашему безграничному удивленію, изъ глазъ ея хлынули слезы.

Всетаки это былъ Окинамаро, и его отказъ подойти къ намъ наказаніемъ, когда мы звали его, былъ вызванъ боязнью выдать себя. Императрица была необыкновенно тронута и восхищена. Она отложила зеркало и окликнула его: «Окинамаро!» Собака легла пластомъ на землю и громко завизжала, что доставило императрицѣ большое удовольствіе. Всѣ собрались вокругъ собаки и было много разговоровъ и смѣха. Самъ микадо, услыхавъ объ этомъ, пришелъ и съ улыбкой выразилъ свое удивленіе находчивости собаки».

Читатель будетъ радъ узнать, что приговоръ объ изгнаніи Окинамаро былъ отмѣненъ. Съ нимъ стали обходиться хорошо, и въ короткое время онъ сталъ опять такимъ же, какимъ былъ.

Но авторъ очерковъ не всегда такъ сострадательнъ по отношенію къ собакамъ. Въ своемъ перечисленіи омерзительныхъ вещей она говоритъ:

«Собака, которая, узнавъ вашего любовника, лаетъ на него, когда онъ приходитъ къ вамъ съ тайнымъ визитомъ, — такая собака должна быть убита».

Вотъ нѣкоторыя изъ афоризмовъ Сей-сіонагонъ:

Печальныя вещи.

Дѣтская, гдѣ умеръ ребенокъ.

Жаровня съ угасшимъ огнемъ.

Кучеръ, ненавидимый своимъ быкомъ.

Рожденіе исключительно дѣвочекъ въ домѣ ученаго.

Письмо изъ дома, въ которомъ нѣтъ никакихъ новостей.

Омерзительныя вещи.

Изъ длиннаго перечня такихъ вещей здѣсь приводятся только нѣкоторыя:

Посѣтитель, который рассказываетъ длинную исторію въ то время, когда вамъ некогда. Если это лицо, съ которымъ вы близки, то вы можете отдѣлаться отъ него, сказавъ, что выслушаете его въ другой разъ. Но тѣ, съ которыми вамъ нельзя обойтись такимъ образомъ, поистинѣ омерзительны.

Заклинатель, который, если вы посылаете за нимъ въ случаѣ внезапной болѣзни, читаетъ свои заклинанія такъ, какъ еслибы онъ наполовину уснулъ.

Младенцы, которые кричатъ, и собаки, которыя лаютъ, когда вамъ надо слушать.

Храпѣніе человѣка, котораго вы стараетесь спрятать, и который отправился спать туда, гдѣ ему совсѣмъ не мѣсто.

Люди, которые разбѣзжаютъ въ скрипящей каретѣ. Такіе люди, должно быть, глухи, и они въ высшей степени омерзительны. Когда вы сами сидите въ такой каретѣ, тогда собственникъ (пославшій ее вамъ) омерзителенъ.

Люди, которые прерываютъ вашъ рассказъ, чтобы выказать свое собственное умѣнье. Всѣ прерыватели, какъ молодые, такъ и старые, очень омерзительны.

Люди, которые прерываютъ вашъ рассказъ словами: О, это я знаю! — и даютъ совсѣмъ иную версію его, чѣмъ вы.

Дома ли, или во дворцѣ быть разбуженнымъ для приѣма нежелательнаго посѣтителя, избѣгая котораго, вы именно и притворялись спящимъ.

Будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ мужчиной, слышать, какъ онъ расточаетъ похвалы женщинѣ, которую онъ зналъ раньше. Это омерзительно даже, если прошло уже нѣкоторое время, и это гораздо болѣе омерзительно, если онъ все еще знакомъ съ нею.

Люди, которые бормочутъ молитву, когда чихаютъ.

Громкое чиханіе не допускается за исключеніемъ того случая, когда чихаетъ господинъ дома.

Мухи очень омерзительны, особенно, когда залѣзаютъ къ вамъ подъ одежду и ползаютъ тамъ.

Вещи, которыя приводятъ въ дрожь.

Видѣть воробьевъ, кормящихъ своихъ птенцовъ.

Проходить тамъ, гдѣ играютъ дѣти.

Найти, что ваше китайское зеркало начинаетъ тускнѣть.

Быть спрошенной о дорогѣ красивымъ мужчиной, который нарочно для этого останавливаетъ свою повозку.

Вещи, вызывающія сожалѣніе о прошломъ.

Увядшая мальва (напоминаетъ о празднествѣ въ Камо, въ Кіото, на которомъ она примѣнялась).

Перечитываніе въ дождливый день писемъ когда-то любимаго нами человѣка.

Прошлогодніе вѣера (безъ сомнѣнія, съ написанными на нихъ сентиментальными ташка).

Свѣтлыя лунныя ночи.

Радостныя вещи.

Возвращаясь изъ поѣздки съ переполненными телѣгами, имѣть множество слугъ, которые заставляютъ быковъ и телѣги двигаться скорѣе.

Рѣчная лодка, плывущая внизъ по теченію.

Красиво вычерненные зубы.

Слушать голосистаго чернокижника, читающаго свое очистительное заклинаніе на отмели рѣки.

Глотокъ воды при пробужденіи ночью.

Будучи въ скучающемъ настроеніи духа, принимать посѣтителя, не настолько близкаго, чтобы онъ былъ неинтереснымъ, и не настолько чужого, чтобы ему быть сдержаннымъ, который поразскажалъ бы, что творится на бѣломъ свѣтѣ, — вещи пріятныя, и ненавистныя, и страшныя, то касаясь того, то касаясь другого, дѣль частныхъ и общественныхъ, и все это съ достаточными подробностями, чтобы не быть скучнымъ. Это въ высшей степени пріятное дѣло.

Далѣе идутъ пункты: бычачьи повозки, лошади, кучера (которые должны быть плотными людьми грубой наружности и соответствующаго этому поведенія), скороходы, пажи, кошки и проповѣдники. О послѣднихъ говорится нѣсколько пространнѣе:

«Проповѣдникъ долженъ имѣть пріятную наружность. Тогда легче держать ваши глаза устремленными на его лицо, безъ чего невозможно извлечь пользу изъ рѣчи. Въ противномъ случаѣ глаза блуждаютъ, и вы забываете слушать. Безобразные проповѣдники несутъ поэтому на себѣ тяжкую отвѣтственность. Но довольно!» Тѣмъ не менѣе она добавляетъ: «Если бы проповѣдники были въ болѣе подходящемъ возрастѣ, то я съ удовольствіемъ бы произнесла болѣе благопріятный приговоръ. Но, какъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности, грѣхи ихъ слишкомъ страшны, чтобы думать о нихъ».

Если по поводу этихъ длинныхъ извлеченій необходимо какое-нибудь оправданіе, то въ защиту можно сказать, что они представляютъ собою то, что есть наилучшаго въ японской литературѣ, и что въ то же время наиболѣе цитируется. Они взяты почти исключительно изъ первыхъ двухъ изъ числа 12 томовъ (646 страницъ), заключающихъ въ себѣ эти занимательные отрывки. Трудно повѣрить, что это написано въ Японіи 900 лѣтъ тому назадъ. Если эти очерки сравнить съ какимъ-нибудь литературнымъ памятникомъ, который произвела Европа въ соответствующій періодъ времени, то придется согласиться, что они являются дѣйствительно замѣчательнымъ произведеніемъ литературы. Сколько открылось бы новаго, если бы придворная жизнь временъ Альфреда или Канута была обрисована точно такимъ же образомъ!

Оба произведенія — и Гендзи-моногатари и Макура-но-соси — лишь съ трудомъ понимаются даже образованными японцами, и въ настоящее время ихъ читаютъ мало. Объ этомъ надо пожалѣть, ибо со-

временные писатели могли бы извлечь много пользы изъ этихъ образцовыхъ произведеній, если бы принялись за ихъ изученіе и поставили ихъ себѣ образцами.

ГЛАВА VI.

Сагоромо-моноготари.—Сарасина-ники.—Торикаебая-моноготари.—Удзи-моноготари.—Прочіе менѣе значительные моноготари.

Сагоромо-моноготари.

Сагоромо-моноготари принадлежитъ перу придворной дамы по имени Дайпи-но-Самми, дочери Мурасаки-но-сиккибу. Это произведеніе представляетъ собою довольно длинную любовную повѣсть и является прямымъ подражаніемъ Гендзи-моноготари, но стоитъ много ниже послѣдняго, какъ по стилю, такъ и по содержанию. Считаютъ, что оно написано около 1040 года послѣ Р. X.

Сарасина-ники.

Сарасина-ники написано дочерью Сугавара-но-Такасуге, потомка въ шестомъ поколѣніи знаменитаго государственнаго дѣятеля Сугавара-но-Мицудзана. Написано оно въ царствованіе императора Го-Рейдзей (1046—1068 г.) Это произведеніе представляетъ собою отчетъ о путешествіи изъ Симоса въ Кіото по Токайдо въ 1021 году и о второмъ путешествіи, нѣсколькими годами позже, изъ Кіото въ Сарасина, въ провинціи Синано. Оно написано въ меланхолическомъ тонѣ и уснащено грустными танка.

Торикаебая-моноготари.

Торикаебая-моноготари, какъ предполагаютъ, написано вслѣдъ за Сагоромо-моноготари, слѣдовательно должно быть отнесено къ половинѣ или концу 11-го вѣка, но точныхъ данныхъ о времени его написанія и личности автора нѣтъ никакихъ. Это произведеніе есть повѣствованіе о затрудненіяхъ, которыя испытываетъ одинъ знатный человекъ при воспитаніи двоихъ своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочки. Мальчикъ пристрастенъ къ женскимъ занятіямъ и забавамъ, тогда какъ дѣвочка, наоборотъ, сильно досаждастъ отцу, который часто восклицаетъ: «Тори-каеба-я!», что буквально значить: «О, если бы мнѣ перемѣнить ихъ другъ на друга!» Все, что остается ему сдѣлать, это одѣть маль-

чика въ женское платье и обращаться съ нимъ, какъ съ дѣвочкой, а дѣвочку воспитывать по мужски. Но результаты этого являются неудовлетворительными съ моральной точки зрѣнія.

Удзи-моногатари.

Удзи-моногатари¹⁾ представляет собою собраніе рассказовъ, авторомъ которыхъ является одинъ придворный по имени Минамото-но-Такакуни, болѣе извѣстный подъ именемъ Удзи-дайнагонъ, по мѣсту жительства (въ Удзи) и по положенію при дворѣ (должность дайнагонъ). Онъ умеръ въ 1077 году въ преклонномъ возрастѣ. Будучи тучнымъ человѣкомъ и не вынося жары, онъ уѣзжалъ обыкновенно на лѣто въ Удзи, деревню недалеко отъ Кіото, расположенную на берегу рѣки, которая вытекаетъ изъ озера Бива. Здѣсь онъ построилъ у дороги неподалеку отъ своей дачи чайный домикъ, въ которомъ предлагался чай всѣмъ прохожимъ; затѣмъ ихъ просили рассказать какую-нибудь исторію, а дайнагонъ, сидя тутъ же за ширмой, записывалъ ее прямо со словъ рассказчика. Большинство собранныхъ такимъ образомъ рассказовъ очевидные вымыслы. Но правдивы ли эти рассказы, или они не болѣе, какъ выдумки, они все таки заслуживаютъ особаго интереса, такъ какъ они представляютъ собою картину жизни и міросозерцанія средняго и низшаго классовъ населенія, болѣе полную и живую, чѣмъ въ большинствѣ произведеній этого періода.

Какъ и можно ожидать, принявъ во вниманіе способъ составленія этого произведенія, Удзи-моногатари содержитъ въ себѣ много народныхъ повѣрій и легендъ. Слогъ его простъ и скромнъ. Изъ 60 небольшихъ томиковъ, изъ которыхъ состоитъ все произведеніе, тридцать заключаютъ въ себѣ національные японскіе рассказы, въ остальныхъ же тридцати помѣщены сказанія китайскаго и индійскаго происхожденія. Вѣроятно, не всѣ эти рассказы собраны вышеуказаннымъ способомъ, и значительная часть ихъ, какъ предполагаютъ, прибавлена позднѣйшими издателями.

Вотъ фабулы нѣкоторыхъ изъ этихъ рассказовъ, по которымъ себѣ можно составить приблизительное сужденіе о характерѣ всего сборника.

«У нѣкоего художника, по имени Каванари, былъ близкій пріятель Хида-но-Такуми, по профессіи инженеръ и архитекторъ. Этотъ послѣдній выстроилъ маленькій навильонъ и пригласилъ своего друга войти

¹⁾ Полное названіе: Удзи-сюи-моногатари.

туда. Художникъ направился было черезъ южную дверь, но дѣйствиюмъ какого-то хитро придуманнаго механизма она захлопнулась передъ самымъ его носомъ. Когда онъ попробоваль войти черезъ западную дверь, она точно также закрылась, а вмѣсто нея открылась сѣверная дверь . . . и такъ со всѣми дверьми. Въ отместку за шутку, которую разыграль надъ нимъ пріятель, Канавари нарисоваль на одной изъ ширмъ такой омерзительный и отталкивающаго вида трупъ, что когда Хида-но-Такуми заставили неожиданно подойти къ нему, онъ въ ужасѣ отступиль и убѣжалъ въ садъ.»

«Одинъ буддѣйскій монахъ, знаменитый игрокъ въ шашки (го), былъ приглашенъ къ нѣкоторой таинственной дамѣ. Будучи отдѣлены другъ отъ друга ширмой, они сыграли партію, которая окончилась полнымъ пораженіемъ монаха. Съ тѣхъ поръ объ этой дамѣ больше уже не слышали, и предполагають, что она была какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ».

«Одинъ профессоръ магіи какой-то ошибкой въ своихъ обрядахъ возбуждаеть ярость адскихъ демоновъ, и они преслѣдують его. Онъ сходитъ со своей лошади и пускаеть ее идти домой одну, а самъ прячется между снопами на рисовомъ полѣ у дороги. Демоны идутъ по слѣдамъ лошади, и изъ ихъ разговора, когда они проходили мимо его убѣжища, колдунъ узнаеть, какъ провести ихъ, если они возобновять свое нападеніе на него».

«Нѣкій магикъ отправляется совершить обрядъ очищенія отъ навожденія злого духа. Его маленькій мальчикъ-слуга, который его сопровождаетъ, обладаетъ внутреннимъ даромъ видѣть множество демоновъ, невидимыхъ обыкновенному глазу, уносящихъ принесенную имъ въ жертву пищу. Впослѣдствіи онъ дѣлается знаменитымъ чародемъ».

«У микадо исчезаетъ таинственнымъ образомъ драгоцѣнный кото ¹⁾, доставшійся ему по наслѣдству. Одинъ изъ придворныхъ, великій музыкантъ, выслѣживаеть его по его звукамъ и открываеть, что онъ похищенъ демономъ. Когда демону объясняють, что этотъ инструментъ составляетъ для микадо въ высшей степени цѣнный предметъ, то онъ тотчасъ же возвращаеть его».

«Одна молодая женщина, которую родители принуждають вторично выйти замужъ, подкрѣпляетъ свой отказъ сдѣлать это примѣромъ

¹⁾ Струнный инструментъ о 13 струнахъ.

ласточки, которая потеряла своего самца. Она улетает осенью, и, когда возвращается весной, она все еще въ одиночествѣ».

Прочіе моногатари.

Изъ числа другихъ моногатари, дошедшихъ до насъ отъ этого періода и представляющихъ собою рассказы вымышленно-фантастическаго характера, заслуживаютъ еще упоминанія: Идзуми-сикибу-моногатари, Има-моногатари, Цудуми-цюнагонъ-моногатари, Акііо-но-Нага-моногатари и Мацухо-моногатари. Всѣ эти произведенія полезны, конечно, для изученія состоянія современнаго имъ общества, но особаго литературнаго интереса они не представляютъ. Что касается многихъ другихъ произведеній, то до насъ дошли только ихъ названія.

ГЛАВА VII.

Историческія сочиненія: Ейгва-моногатари и О-кагами.—Сочиненія на китайскомъ языкѣ: Сіо-дзыроку, Енги-сики и Ваміосіо.

Ейгва-моногатари.

Само собою разумѣется, что японскій языкъ, достигшій высшей степени своего совершенства, какъ орудіе для выраженія мысли, долженъ былъ рано или поздно найти себѣ приложеніе къ чему-нибудь болѣе серьезному, чѣмъ писаніе стихотвореній, рассказовъ, дневниковъ и другихъ произведеній легкой литературы. Ейгва-моногатари заслуживаетъ вниманія, какъ первый образчикъ историческаго труда. Авторъ этого произведенія неизвѣстенъ. Преданіе, которому нельзя особенно довѣрять, приписываетъ его знаменитой поэтессѣ этого періода Акадзоме Емонъ, но судя по тому, что въ немъ упоминаются событія, имѣвшія мѣсто послѣ ея смерти, оно не можетъ принадлежать ей во всемъ своемъ объемѣ. Она, конечно, могла оставить матеріалы, которые потомъ были обработаны въ цѣльное произведеніе какимъ-нибудь изъ послѣдовавшихъ писателей. Время написанія этого сочиненія также неизвѣстно; приблизительно его можно отнести къ концу 11-го столѣтія.

Ейгва-моногатари состоитъ изъ 40 книгъ, которыя обнимаютъ періодъ японской исторіи, оканчивающійся въ 1088 г. послѣ Р. X. и захватывающій приблизительно два столѣтія. Но это не столько общая

исторія страны за это время, сколько исторія славнаго правленія (Ейгва-моногатарі значитъ сказаніе о славѣ) Фудзивара-но-Мидинага, который былъ главнымъ министромъ въ теченіе царствованія трехъ императоровъ Ицидзю, Сандзю и Го-Ицидзю, и который умеръ въ 1027 г. послѣ Р. Х. Послѣдняя часть произведенія является исторіей двухъ его сыновей Юримиди и Норимиди, которые унаслѣдовали его власть.

Стиль и методъ автора находятся подъ большимъ вліяніемъ произведеній, взятыхъ за образцы, — именно, наиболѣе вымышленныхъ моногатарі. Онъ (или она) обнаруживаетъ предпочтеніе къ романтическимъ эпизодамъ и проявляетъ склонность судить о событіяхъ болѣе или менѣе со стороны поэзіи и воображенія, оживляя свой разсказъ анекдотами и уснащая, не задумываясь, его страницы неизбѣжными танка.

Съ этого произведенія пошелъ впервые обычай, котораго держатся отчасти и нынѣшніе романисты, давать каждой главѣ фантастическое заглавіе.

Нижеприведенный отрывокъ служитъ прекрасной иллюстраціей того сильнаго вліянія, которое имѣлъ на японскую націю въ это время буддизмъ. Этому отрывку слѣдуетъ предпослать, что въ 985 году возшелъ на тронъ въ возрастѣ 17 лѣтъ микадо Квадзанъ. Онъ получилъ въ жены три красивыхъ знатныхъ женщины, изъ которыхъ онъ полюбилъ одну такъ страстно, что когда она вскорѣ умерла, это оказалось слишкомъ непосильнымъ ударомъ для него, въ мозгу котораго послѣдственно тайлись уже сѣмена сумасшествія.

«Съ начала 2-го года правленія Кванва (986 г.) въ умахъ народа чувствовалось нѣчто тяжелое и дѣлались разныя странныя предсказанія. Во дворцѣ также часто обращались къ благочестію. Помимо этого (неизвѣстно, когда это началось) народъ въ высокой степени сталъ высказывать приверженность къ религіи; только и слышно было повсюду, что такой-то сдѣлался монахомъ, а такой-то пошелъ въ жрецы. Когда микадо узналъ объ этомъ, онъ началъ оплакивать несчастія этого переходящаго міра. Онъ, очевидно, думалъ про себя: «Увы! какъ велики, должно быть, были грѣхи Кокиденъ (его любимая жена). Ея вина (въ одномъ изъ прежнихъ перерожденій) навѣрно была тяжка (иначе она не умерла бы въ такомъ юномъ возрастѣ). О, если бы я могъ найти какой-нибудь способъ искупить ее!» Такъ какъ его сердце часто было смущаемо такими странными и унылыми мыслями, то это и видно было на его перво-возбужденномъ поведеніи. Первый министръ замѣчалъ все это съ печалью въ душѣ, а цюнагонъ, дядя микадо, втайнѣ просто

приходилъ въ отчаяніе. Часто призывали Гонкю, жреца изъ монастыря Квадзанъ, чтобы толковать священное писаніе, и божественное сердце микадо обратилось къ религіи въ безграничной мѣрѣ. Его замѣчанія о женѣ и ребенкѣ и безцѣнномъ сокровищѣ монаршей власти наполняли душу сацубенъ¹⁾ Коренари невыразимой печалью, а его приверженность къ религіи приводила въ тревогу и его и цюнагона. «Оставить міръ и постричься въ монахи—это дѣло обыкновенное»—говорили они,—«но какъ быть въ этомъ случаѣ?» Нѣкоторыя выраженія чувствъ, которыя онъ проявлялъ время отъ времени, обязаны были ничему иному, какъ злomu вліянію Рейдзей-инъ²⁾ (его отца и предшественника на тронѣ, сошедшаго съ ума). Тѣмъ временемъ они стали замѣчать странное, необычное и бессознательное поведеніе микадо и старались не спускать съ него глазъ. Но ночью въ 22-й день шестого мѣсяца настоящаго года онъ внезапно исчезъ. Поднялась тревога, и всѣ безъ исключенія, отъ свитскихъ аристократовъ и до сторожей и слугъ низшаго званія, взяли факелы и начали его повсюду искать. Но слѣдовъ микадо не оказывалось нигдѣ. Собрались первый министръ и другіе министры, и вся знать. Были обысканы всѣ комнаты, но его нигдѣ нельзя было найти, и ночь прошла въ невыразимомъ смятеніи и тревогѣ.

Цюнагонъ, распростершись предъ алтаремъ (синтоистическихъ) боговъ, покровителей дворца, съ плачемъ и рыданіемъ молилъ ихъ указать мѣсто, гдѣ скрывается его дорогой господинъ. Затѣмъ было послано много отрядовъ на поиски его по всѣмъ буддѣйскимъ храмамъ, но все было напрасно. Жены его рыдали, думая о томъ, какое страшное дѣло случилось. Длинная лѣтняя ночь наконецъ пришла къ концу, а поиски все еще не увѣнчались успѣхомъ.

Цюнагонъ и сацубенъ Коренари отправились наконецъ въ Квадзанъ, и тамъ они нашли его одѣтаго смиреннымъ жрецомъ. Они пали ницъ предъ нимъ съ восклицаніями печали и участія, и оба они, слѣдуя его примѣру, пошли въ жрецы.»

О-кагами.

О-кагами, т. е. великое зеркало, является другимъ историческимъ трудомъ. Это произведеніе содержитъ въ себѣ исторію 14 цар-

¹⁾ Сацубенъ—лѣвый (т. е. старшій) дѣлопроизводитель средняго класса въ древнемъ Великомъ Правительствующемъ Совѣтѣ—Дайдзіокванъ.

²⁾ Инъ—приставка къ имени отрекшагося отъ престола императора. Императоръ Рейдзей (968—969 г.) вступилъ на престолъ 17 лѣтъ и, отрекшись отъ него въ слѣдующемъ году, прожилъ еще 44 года.

ствованій, начиная съ императора Мондоку, который взшелъ на престоль въ 851 году послѣ Р. Х., и кончая царствованіемъ императора Го-Ицидзю, умершаго въ 1036 г. послѣ Р. Х. Авторомъ его былъ нѣкій Таменари, членъ великой фамиліи Фудзивара, занимавшій придворную должность при микадо Сутоку (1124—1141 г.). Нѣкоторое время онъ занималъ должность управляющаго дворцомъ императрицы, но потомъ постригся въ монахи и сдѣлался отшельникомъ на горѣ Охара, близъ Кіото. Здѣсь къ нему присоединились два его брата, которые послѣдовали его примѣру и оставили міръ для отшельнической жизни. Его предисловіе къ О-кагами показываетъ, что онъ былъ набожнымъ буддистомъ.

Какъ со стороны стilia, такъ и со стороны содержанія О-кагами не представляетъ собою важнаго вклада въ литературу. Произведеніе это состоитъ изъ 8 томовъ. Первый томъ, состоящій изъ 64 страницъ, заключаетъ въ себѣ безжизненные коротенькіе очерки жизни 14 микадо. Годъ, мѣсяцъ и день рожденія, назначенія наслѣднымъ прицемъ, совершенія обряда причесыванія волосъ, указывающаго на возмужалость, восшествія на престоль и смерти каждаго императора, — все это сухо изложено на одной, двухъ страницахъ. Затѣмъ идутъ нѣсколько сентиментальныхъ или юмористическихъ анекдотовъ, уснащенныхъ по обыкновенію танка. Въ слѣдующихъ 6 томахъ содержатся біографіи главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей за тотъ же самый періодъ времени. Эта часть труда является въ нѣкоторой степени болѣе существенной, но въ ней все еще замѣтна склонность въ анекдотизму и романтизму по отношенію къ событіямъ. Послѣдній томъ представляетъ собою изслѣдованіе происхожденія нѣкоторыхъ празднествъ въ храмахъ въ Камо и въ честь бога Хациманъ¹⁾.

О-кагами проливаетъ мало свѣта на то время, исторію котораго оно хочетъ дать, но оно можетъ служить дополненіемъ къ еще болѣе сухимъ официальнымъ исторіямъ на китайскомъ языкѣ. О-кагами вмѣстѣ съ Масу-кагами и Мидзу-кагами (о которыхъ рѣчь будетъ ниже) извѣстны подъ именемъ Мицу-кагами, т. е. три зеркала. Слово зеркало представляетъ собою метафору для понятія — исторія, общепринятую не только въ Японіи, но и въ Китаѣ и Корей.

Прежде чѣмъ закончить эту главу необходимо еще упомянуть о нѣкоторыхъ произведеніяхъ на китайскомъ языкѣ.

¹⁾ Богъ войны.

Сіо-дзироку.

Сіо-дзироку представляет собою нечто въ родѣ дворянской родословной. Этотъ трудъ вышелъ въ 815 году послѣ Р. Х. и содержитъ въ себѣ генеалогію 1182 дворянскихъ фамилій Японіи. Въ литературномъ смыслѣ онъ не имѣетъ никакой цѣнности, но въ историческомъ отношеніи онъ можетъ быть полезенъ, какъ справочная книга; въ немъ есть одна любопытная черта: изъ него видно, что въ этотъ періодъ около одной трети японскаго дворянства предъявляло притязанія на происхожденіе отъ китайскихъ и корейскихъ предковъ.

Енги-сикки.

Енги-сикки ¹⁾ или уложеніе періода правленія Енги (901-923 г.) было окончено въ 927 году. Первые двѣ книги его содержатъ подробныя указанія чина служенія и обрядностей синтоизма, со включеніемъ норито, т. е. молитвословіи, примѣнявшихся въ такихъ случаяхъ, и которыя, насколько намъ извѣстно, являются здѣсь записанными впервые, несмотря на то, что они существовали уже цѣлыя столѣтія до этого. Остальныя 40 книгъ представляютъ описаніе организаціи разныхъ отдѣловъ управленія, обязанностей разныхъ чиновниковъ и т. п.; такъ что въ этомъ отношеніи Енги-сикки является очень цѣннымъ справочнымъ трудомъ.

Ваміосіо.

Ваміосіо представляет собою китайско-японскій словарь. Слова въ немъ расположены по категоріямъ понятій, какъ то: небо, земля и т. д. Словарь этотъ имѣетъ цѣнность только для филологовъ. Авторомъ его былъ нѣкій Минамото-но-Ситагау (911-983 г.).

¹⁾ См. выше.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Камакурскій періодъ (1186—1332 г.). (Упадокъ учености).

ГЛАВА I.

Введеніе.—Установленіе сіюгуната.—Неблагопріятныя условія для развитія литературы.—Процвѣтаніе буддизма и его вліяніе на литературу.

Въ исторіи Японіи, какъ и въ исторіи многихъ другихъ странъ, можно наблюдать послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга періоды усиленія и ослабленія центральной власти, и это выражалось тѣмъ рѣзче, что островное положеніе страны служило защитой такому естественному колебанію отъ всякаго посторонняго, иностраннаго вмѣшательства. Время отъ времени появлялись обладавшіе способностями и рѣшительнымъ характеромъ правители, которые расширяли сферу вліянія верховной государственной власти и обуздывали честолюбіе мѣстныхъ владѣтелей. Но потомъ, рано или поздно, центральная власть опять ослаблялась и каждая провинція учреждала нѣчто въ родѣ своего собственнаго правительства, пока опять этотъ соціальный маятникъ не приходилъ въ первоначальное положеніе, а бразды правленія захватывались въ крѣпкія руки единодержавной власти.

Установленіе сіюгуномъ Горитомо, послѣ жестокой борьбы, господства военнаго сословія въ Камакурѣ около конца 12-го столѣтія отмѣчаетъ собою начало одного изъ этихъ періодовъ сильной централизціи. Хотя за микадо и было оставлено внѣшнее подобіе власти, но вся фактическая власть, какъ гражданская, такъ и военная, ушла отъ нихъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, и мѣстная аристократія была оттѣснена отъ власти назначавшимися сіюгуномъ чиновниками, отъ которыхъ она вполне зависѣла.

Горитомо наслѣдовали два его сына, которые вмѣстѣ со своимъ отцомъ извѣстны въ исторіи подъ именемъ трехъ сіюгуновъ. Послѣ нихъ заняла мѣсто въ качествѣ правителей Японіи фамилія Ходзіо, дав-

шая династію сиккеновъ ¹⁾, которые были тѣми же сіюгунами, но подѣльнымъ именемъ. Они пользовались властью до 1335 г. по Р. Х.

Владычество класса, которому ради самаго существованія своего крайне важны были практическое знаніе военнаго дѣла и военное образованіе, и который по необходимости пренебрегалъ умственнымъ развитіемъ, если только даже не презиралъ его, не способствовало созданію важныхъ литературныхъ произведеній. Но неблагоприятнымъ для этого было не одно только указанное условіе. Сношенія съ Китаемъ и Кореей сдѣлались очень затруднительными. Берега этихъ странъ наводнялись японскими пиратами, въ наказаніе за нападенія которыхъ Хубилайханъ и отправилъ свою знаменитую, но безуспѣшную экспедицію противъ Японіи. Китайская наука постепенно приходила къ застою, но зато сильно процвѣталъ буддизмъ, и колоссальная статуя Будды въ Камакурѣ (воздвигнутая въ 1252 г. по Р. Х.) свидѣтельствуетъ объ этомъ до настоящихъ дней. Большинство микадо послѣ нѣсколькихъ годовъ царствованія обращались къ монашеству, а за ними слѣдовали многіе изъ высшихъ лицъ ихъ двора, хотя, надо правду сказать, въ этомъ случаѣ сильно подтверждалось изреченіе: «*sicullus non facit monachum*».

Три тысячи монастырей, усѣявшіе въ это время склоны Хіейсанъ (гора на сѣверо-востокѣ отъ Кіото), служили матеріальными выразителями процвѣтанія буддизма. Обитатели ихъ, не довольствуясь однимъ только духовнымъ оружіемъ, всегда готовы были при малѣйшемъ къ тому поводѣ надѣть поверхъ своего монашескаго одѣянія бранные доспѣхи и маршировать въ улицы Кіото, чтобы бросить свои мечи на одну изъ чашекъ политическихъ вѣсовъ, на ту, которая казалась для нихъ болѣе подходящей въ каждый данный моментъ. Они были ужасомъ для микадо, и говорятъ, что одинъ изъ послѣднихъ выразился даже: «Есть три вещи, надъ которыми я не имѣю власти,—это воды рѣки Камо-гава (которая часто опустошала Кіото своими наводненіями), паденіе игральныхъ костей и буддійскіе монахи».

Тѣмъ не менѣе ученость въ этомъ періодѣ поддерживалась, глав-

¹⁾ Сиккень—назывались при Камакурскомъ сіюгунатѣ ближайшіе помощники сіюгуна. Фамилія Ходзіо, члены которой занимали должность сиккеновъ, забравши власть въ свои руки, не присвоила себѣ, однако, сіюгунскаго титула. Номинальная власть оставалась въ рукахъ сіюгуновъ, назначавшихся изъ малолѣтнихъ, которыхъ еще до достиженія болѣе зрѣлаго возраста свергали. Такимъ образомъ фамилія Ходзіо совершила двойную узурпацію фактической верховной власти: она узурпировала ее у сіюгуновъ, которые въ свою очередь узурпировали ее у императоровъ. Въ Кіото жилъ номинально царствовавшій микадо, въ Камакурѣ—номинально правившій сіюгунъ, а фамилія Ходзіо держала въ своихъ рукахъ какъ того, такъ и другого.

нымъ образомъ, буддѣйскими монахами. Нѣкоторые изъ писателей были духовными лицами, но даже, если они и принадлежали къ кругу свѣтскихъ лицъ, то всетаки творенія ихъ глубоко проникнуты духомъ буддѣйскаго ученія и буддѣйскаго міросозерцанія. Тщета богатства и власти, непрочность человѣческихъ дѣлъ—вотъ постоянный припѣвъ ихъ нравоучительныхъ разсужденій.

Участіе женщинъ въ литературѣ этого періода незначительно по сравненію съ Хейанскимъ періодомъ; въ ней замѣтенъ болѣе мужескій, хотя и менѣе утонченный, характеръ. Врядъ ли можно найти въ ней тѣ изящныя повѣсти, которыя услаждали часы досуга Кіотоской аристократіи въ предшествовавшемъ періодѣ. Новѣйшая литература съ ея разсказами о бояхъ и сраженіяхъ отражаетъ болѣе воинственный характеръ, присущій тому періоду, произведеніемъ котораго она является. Какъ замѣтилъ одинъ японскій писатель,—«Хейанская литература подобна цвѣтамъ дерева кайдо¹⁾, увядающимъ послѣ дождя, тогда какъ литература Камакурскаго періода походитъ на цвѣты сливы, испускающіе благоуханіе въ снѣгу и морозѣ».

Надо отмѣтить, что важнѣйшія литературныя произведенія этого періода принадлежатъ его болѣе ранней части.

Г Л А В А II.

Историческіе труды: Гемпей-сейсуйки.—Хейке-моногатари.—Мидзу-кагамі.—Хогенъ-моногатари и Хейдзи-моногатари.

Гемпей-сейсуйки.

Гемпей-сейсуйки приписывается, но съ неувѣренностью, нѣкому Хамуро Токинага, о которомъ намъ извѣстно мало, или даже ничего. Предполагаютъ, что имъ также написаны Хейдзи-моногатари и Хогенъ-моногатари, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ никакихъ. Когда именно написано первое изъ названныхъ сочиненій точно неизвѣстно; оно должно принадлежать по времени первой части Камакурскаго періода.

Гемпей-сейсуйки, какъ указываетъ само названіе, есть исторія возвышенія и паденія фамилій Генъ и Хей, двухъ большихъ аристократическихъ родовъ, борьба которыхъ изъ-за первенства волновала Японию въ теченіе послѣдней половины 12-го вѣка. Эта исторія состоитъ изъ 48 книгъ и охватываетъ періодъ времени съ 1161 по 1185

¹⁾ *Pyrus spectabilis*.

годъ послѣ Р. X. Внушенная несомнѣнно сама китайскими янь-ги, т. е. пересказами изъ исторіи, изъ которыхъ наиболѣе извѣстнымъ является Сань-го-чжи (исторія трехъ царствъ), Гемпей-сейсуйки есть первый въ Японіи образчикъ того обширнаго класса quasi-историческихъ трудовъ, которымъ нѣтъ ничего точно соотвѣтствующаго въ нашей литературѣ, хотя нѣкоторое сравненіе ея съ историческими драмами Шекспира можетъ дать приблизительное представленіе о взаимномъ отношеніи фактовъ и вымысловъ, содержащихся въ ней. Такія quasi-исторіи не имѣютъ никакой оригинальной завязки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ и мало вводятъ, или даже совсѣмъ не вводятъ вымышленныхъ лицъ. Авторы довольствуются тѣмъ, что слѣдуютъ общему ходу фактической исторіи, но въ то же время вводятъ такія прикрасы, которыя подсказываются послѣдней. Но слово прикраса пожалуй не вполне подходитъ къ данному случаю. Это не суть только риторическія украшенія и сентенціозныя размышленія, приводимыя авторами. Они отъ самихъ себя создаютъ рѣчи для государственныхъ дѣятелей и солдатъ, военныя стратагеми для военачальниковъ, молитвы для набожныхъ людей, пріурочиваютъ предзнаменованія, сны, заклинанія и разнообразныя чудесныя событія, сблизая все это съ массой мелочныхъ подробностей, касающихся одежды, пышныхъ процессій, удивительныхъ избавленій отъ опасности, единоборствъ, и тому подобнаго. Танка, оригинальныя или заимствованныя, прибавлены повсюду, гдѣ представляется тому случай.

Гемпей-сейсуйки имѣетъ значительныя литературныя достоинства; его особенный стиль уступаетъ только стилю Тайхейки. Языкъ его значительно приближается къ новѣйшему японскому языку. Въ то время, какъ произведенія Хейанскаго періода не вполне доступны пониманію обыкновеннаго образованнаго японца, Гемпей-сейсуйки представляетъ мало затрудненій въ этомъ отношеніи. Оно уже обходится безъ многихъ частицъ и окончаній, присущихъ болѣе древнему грамматическому строю языка; что же касается его лексикона, то онъ указываетъ на значительное приращеніе китайскихъ словъ, добрая часть которыхъ обязана своимъ введеніемъ вліянію буддизма.

Нижеприведенный отрывокъ представляетъ часть разсказа о морскомъ сраженіи при Данъ-но-ура¹⁾, которое имѣло рѣшающее значеніе для японской исторіи. Этимъ сраженіемъ приведена была на время къ концу борьба между партіями Хей (или Таира) и Генъ (или Минамото),

¹⁾ Въ 1185 году. Данъ-но-ура—не далеко отъ нынѣшняго города Симоносэки.

послѣ чего Іоритомо (изъ дома Минамото) получилъ возможность распро-
странить свою власть на всю Японію.

«Взятіе Ясима изгнало фамилію Хей съ о. Кюсю. Не имѣя возмож-
ности укрыться въ какой-нибудь гавани, они поплыли къ Данъ-но-ура
въ Нагато, Акама (Симоносеки), Модзи и Хикусима. Здѣсь пребывали
они, качаясь на волнахъ, проводя свое время на борту своихъ кора-
блей. Флотъ партіи Генъ прибылъ въ бухту Кацура въ провинціи Ава.
Они были побѣдителями въ сраженіяхъ, завязывавшихся въ разныхъ
мѣстахъ, и взяли дворецъ въ Ясима. Теперь они слѣдовали движенію
Хейскихъ кораблей, слѣдя за ними съ суши, какъ соколъ выслѣживаетъ
фазановъ, когда пустоши выжжены и не остается никакого покрова.
Генскій флотъ достигъ мѣста, называемаго Ойцухейцу, въ двадцати
или болѣе цю (около двухъ англ. миль) отъ того мѣста, гдѣ остано-
вились приверженцы дома Хей.

Въ 24-день третьяго мѣсяца того же самаго года (1185 г.) Іоси-
цуне (Генскій военачальникъ, братъ Іоритомо) со своей арміей, на
семистахъ корабляхъ или болѣе, на разсвѣтѣ напалъ на врага. Партія
Хей не была неприготовлена. Съ пятьюстами военными судами или
болѣе выступили они на встрѣчу ему, и начался обмѣнъ стрѣлъ (спо-
собъ формальнаго вызова къ бою). Войска Генъ и Хей исчислялись
вмѣстѣ болѣе чѣмъ въ 100,000 человекъ. Шумъ военнаго клича, под-
нявшагося съ обѣихъ сторонъ, вмѣстѣ съ пѣніемъ рѣпо-головыхъ стрѣлъ¹⁾,
когда онѣ скрещивались на пути своемъ, ошеломлялъ уши, и можно
было подумать, что онѣ слышенъ на самомъ лазурномъ небѣ вверху и
отдается въ глубинахъ моря внизу.

Норііорн (съ другими Генскими военачальниками) прибылъ съ
тридцатью тысячами кавалеріи на о. Кюсю и отрѣзалъ путь отступленія въ
этомъ направленіи. Приверженцы Хей были подобны запертой въ клѣт-
кѣ птицѣ, которая не можетъ ускользнуть, или похожи на рыбу въ
сѣтяхъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода. На морѣ, тамъ плавали корабли;
на сушѣ, тутъ были стройные ряды всадниковъ. Востокъ и западъ, сѣ-
веръ и югъ были заперты, и выходъ невозможенъ былъ ни съ какой
стороны.

Томомори (Хейскій военачальникъ) выступилъ на носъ своего
корабля и такъ говорилъ:

«Будемъ думать, что это нашъ послѣдній день и отгонимъ всякую
мысль объ отступленіи. Въ древнія и въ новыя времена были примѣры,
что даже славные военачальники и храбрые воины, когда ихъ арміи

¹⁾ Особого устройства стрѣла, издававшая звукъ подобно большому волчку.

бывали разбиты и счастье оставляло ихъ, бывали захватываемы путешественникомъ и забираемы въ плѣнъ путникомъ. Все это происходило изъ-за старанія избѣжать смерти, которая была неизбежна. Отдадимъ всѣ мы теперь жизнь нашу на погибель, и не будемъ думать ни о чемъ иномъ, какъ только о томъ, чтобы оставить имя свое грядущимъ вѣкамъ. Не выкажемъ слабости предъ этими пришельцами изъ восточной страны. Что мы сдѣлали такого, чтобъ намъ нужно было жалѣть свои жизни? Соединимся на одномъ рѣшеніи захватить Іосицуне и бросить его въ море. Это должно быть главной цѣлью сегодняшняго боя».

Первая атака была удачна для партіи Хей. Тогда «Іосицуне, видя, что его войска выказываютъ признаки колебанія, выполоскалъ ротъ соленой морской водой и съ закрытыми глазами, со сложенными ладонями сталъ молиться богу Хациманъ-дайбосацу¹⁾, прося его объ оказаніи помощи. Вслѣдъ за этимъ прилетѣла пара бѣлыхъ голубей (голуби посвящены богу Хациманъ) и усѣлась на значекъ Іосицуне. Пока Генъ и Хей говорили: «смотри сюда, смотри сюда», съ востока налетѣла куча черныхъ облаковъ и нависла надъ полемъ битвы. Изъ середины этихъ облаковъ спустился бѣлый значекъ, тогда какъ значекъ Іосицуне, раскачиваясь туда и сюда, улетѣлъ прочь вмѣстѣ съ облаками. Генцы соединили свои руки въ молитвѣ, а у Хейцевъ поднялись волосы, и сердца ихъ ощутили слабость въ себѣ.

Генскіе воины, ободренные такимъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ, издавали громкіе крики воодушевленія. Одни изъ нихъ сѣли въ лодки и гребли все впередъ и впередъ, сражаясь на своемъ пути. Другіе, идя по сушѣ и торопливо выпуская изъ своихъ луковъ стрѣлу за стрѣлою, завязали лучный бой».

Стиль этого описанія напоминаетъ сраженія Иліады, такъ подробно описываются дѣйствія и слова отдѣльныхъ героевъ.

«Генцевъ было много, и они, ободренные успѣхомъ, кидались въ атаку; Хейцевъ было меньше, но они дрались такъ, какъ будто это былъ для нихъ послѣдній день. Могло ли сраженіе Индра съ Асура быть страшнѣе этого?»

Хейскіе корабли были построены по два и по три въ глубину. Корабль китайской постройки былъ наполненъ воинами такъ, что это

¹⁾ Исторія этого божества любопытна. Сначала это былъ микадо О д з и н ѣ, относительно котораго существовало повѣрье, что онъ завоевалъ Корею, еще будучи во чревѣ матери. Затѣмъ онъ сдѣлался синтоистическимъ богомъ войны и наконецъ былъ причисленъ къ буддійскому пантеону, причемъ къ его имени было прибавлено буддійское слово, выражающее степень святости, дайбосацу, т. е. великій бодисатва.

показывало, что на немъ находится самъ главный военачальникъ. На другихъ (обыкновенныхъ) боевыхъ корабляхъ находились министр и другіе соотвѣтствующіе начальники меньшаго ранга. Планъ Хей былъ таковъ, чтобы окружить своими боевыми кораблями корабли непріятеля, когда Генъ нападуть на китайскій корабль и, окруживъ ихъ такимъ образомъ, перебить Генцевъ, всѣхъ до единого.

Затѣмъ Сигеіоси, вѣрный до сего времени Хейскому дѣлу, внезапно перемѣнилъ свое сердце и съ тремя стами или болѣе кораблями, наполненными войсками съ о. Сикоку, отплылъ въ сторону и оставался равнодушнымъ зрителемъ битвы, готовый, если Хей окажутся сильнѣе, направить свои стрѣлы въ Генцевъ, а если будетъ вѣроятіе, что побѣду одержать Генъ, то направить ихъ въ Хейцевъ. Какъ справедливо то, что можно положиться на небо, можно положиться на землю; одна только вещь, на которую нельзя полагаться,—это сердце человѣка».

Въ концѣ концовъ Сигеіоси выдалъ Юсицуне планъ сраженія Хей, и результатомъ этого было полное истребленіе этой послѣдней партіи.

Хейке-моногатари.

Авторъ и точное время написанія Хейке-моногатари неизвѣстны. Вѣроятно это произведеніе составлено вскорѣ послѣ Гемпей-сейсуйки, по отношенію къ которому оно является немного болѣе, чѣмъ простымъ перекладомъ, такъ какъ страница въ страницу списано съ этого послѣдняго произведенія. Но какъ будто его образчикъ и источникъ не отдалился уже самъ по себѣ въ достаточной мѣрѣ отъ фактовъ подлинной исторіи, Хейке-моногатари, трактующее о томъ же самомъ предметѣ и повѣствующее о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, прибавляетъ еще достаточное количество своихъ собственныхъ выдумокъ, вдохновленныхъ патріотическими или благочестивыми побужденіями, или внушенныхъ цѣлью произвести поэтическій или драматическій эффектъ. Говорятъ, что главной цѣлью автора было создать рассказъ, который могъ бы быть распѣваемъ подъ аккомпаниментъ бива, особаго четырехъ-струннаго инструмента. Что онъ дѣйствительно былъ распѣваемъ людьми съ бритыми головами, называвшимися бива-бодзу (бивскіе бонзы), это фактъ, о которомъ часто упоминается позднѣйшими писателями. Въ такой формѣ произведеніе это сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ, и даже въ настоящее время оно извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ Гемпей-сейсуйки, стоящее много выше его по своимъ достоинствамъ.

Мотоори, исходя изъ того умозаключенія, что все то, что можетъ быть пѣто, есть произведеніе поэтическое, отводитъ сообразно съ этимъ мѣсто и для Хейке-моноготари. Онъ говоритъ, что если даже дѣйствительный счетъ слоговъ и не даетъ правильности, то при пѣніи они могутъ быть такъ произносимы, что дадутъ размѣръ. Исходя изъ этого, читатель, пожалуй, рассчитываетъ найти въ Хейке-моноготари образчикъ поэтической прозы, нѣчто въ родѣ Оссіана, но въ дѣйствительности врядъ-ли есть въ немъ что-нибудь, что могло бы оправдать мнѣніе Мотоори. Стилъ Хейке-моноготари, хотя мѣстами болѣе или менѣе и цвѣтистый, на самомъ дѣлѣ не болѣе поэтиченъ, чѣмъ стилъ многихъ другихъ книгъ, къ которымъ не предъявляются такія притязанія. Относительно этого, однако, надо отмѣтить одно исключеніе. Въ очень немногихъ пассажахъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ лишь незначительную часть книги, есть нѣчто въ родѣ чередованія фразъ въ пять и семь слоговъ, что замѣняетъ въ Японіи размѣръ; а также дикція и мысль носятъ слѣды попытки описать предметъ поэтическимъ образомъ.

Вотъ образчикъ этого:

Мѣстный чиновникъ Мороцуне, имѣвъ споръ съ монахами изъ-за нѣкаго храма, сжегъ его. Послѣдніе собрали монаховъ своего главнаго монастыря въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ и подступили къ резиденціи чиновника.

„Къ закату склонилось денницы свѣтило.
Бой кровавый рѣшивши заутра начать,
Въ ночи подошли они близко, но были воздержны.
Дыханье росой напоеннаго осени вѣтра
Концы рукавовъ, не покрытые броней, слегка шевелило,
А зарница, вверху облака освѣщая,
Заставляла шеломовъ ихъ звѣзды сверкать.
Мороцуне, смекнувъ, что бороться напрасно бы было,
Среди ночи глубокой въ Кіото бѣжалъ.
Въ часъ зайца ¹⁾ заутра они устремились,
Поднявши внезапно свой кличъ боевой.
Но въ замкѣ не слышно ни звука.
И посланъ впередъ былъ развѣдчикъ узнать,—
Онъ далъ вѣсть, что они всѣ бѣжали“.

Даже въ этомъ короткомъ пассажѣ правильность размѣра и дикція выдержаны далеко не хорошо.

Не было бы надобности останавливаться долго на этой чертѣ Хейке-моноготари, но это сдѣлано ради того обстоятельства, что въ немъ мы имѣемъ начало того рода произведеній, которыя впоследствии

¹⁾ Около восхода солнца.

стали очень популярными в Японіи. Тайхейки ¹⁾ развило до нѣкоторой степени еще больше это «проникновеніе поэзіей», и новѣйшіе драматурги и романисты нагоняютъ на насъ не мало скуки такими своими описаніями.

Послѣ сраженія при Дань-но-ура кормилица микадо Антоку, видя, что все погибло, взяла его на руки (этотъ микадо былъ мальчикомъ 8 лѣтъ) и погрузилась вмѣстѣ съ нимъ въ море. Они оба утонули. Вотъ какъ рассказываетъ Хейке-моноготари объ этомъ событіи:

«Нии-доно давно уже была приготовлена къ этому (пораженію партіи Хей или Таира). Забросивъ на голову свое двойное одѣяніе темнаго цвѣта и подобравъ высоко края своихъ шелковыхъ шароваръ соломеннаго цвѣта, она взяла въ руку священную печать и препоясала чресла свои священнымъ мечемъ; затѣмъ, взявъ государя къ себѣ на грудь, она сказала: «Хотя я и женщина, но я не хочу допустить врага наложить руки на меня. Я хочу сопровождать своего государя. Всѣ вы, которые видите его намѣреніе, спѣшите и слѣдуйте». Сказавъ это, она спокойно поставила ногу на бортъ корабля. Государь достигъ въ этомъ году возраста восьми лѣтъ, но выглядѣлъ много старше. Его священная наружность была такъ красива, что отбрасывала блескъ вокругъ. Его черные волосы свѣшивались свободно ниже его спины. Съ выраженіемъ удивленія онъ спросилъ: «Куда предполагаешь теперь ты взять меня, амадзе²⁾?» Нии-доно обратила лицо къ своему государю-ребенку и, обливаясь слезами, отвѣчала: «Развѣ ты не знаешь, мой государь,» — сказала она, — «что, хотя въ силу исполненія тобою десяти заповѣдей въ твоемъ прежнемъ существованіи, ты и былъ рожденъ въ этотъ міръ, какъ повелитель десяти тысячъ колесницъ, злая участь постигла тебя и счастье твое теперь пришло къ концу? Обернись теперь сперва къ востоку и простиись съ храмомъ великаго бога въ Исе. Обернись затѣмъ къ западу и призови имя Будды, торжественно препоручая себя заботамъ тѣхъ, которыя встрѣтитъ тебя прійдутъ изъ рая западной страны. Этотъ міръ страна горя, дальшее мѣсто, незначительное, какъ зерно проса. Но подъ волнами, — тамъ есть прекрасный городъ, называемый чистой страной совершеннаго счастья. Туда хочу я взять тебя». Такими словами утѣшала она его. Ребенокъ завязалъ бантъ на своей императорской одеждѣ цвѣта горнаго голубя и, заливаясь слезами, сложилъ вмѣ-

¹⁾ Историческое сочиненіе, обнимающее періодъ 1181—1368 г. Написано около 1382 г. Авторомъ считается монахъ Кодзима. Подробно рѣчь о немъ будетъ ниже.

²⁾ Почетный титулъ для женщинъ, принявшихъ буддійскіе обѣты.

стѣ свои милыя маленькія рученки. Сперва онъ обернулся къ востоку и простился съ храмомъ великаго бога въ Исе и съ храмомъ бога Хациманъ. Затѣмъ онъ обернулся къ западу и призвалъ имя Будды. Когда онъ сдѣлалъ это, Ни-доно смѣло взяла его на свои руки и, утѣшая его словами: «Есть городъ далеко подъ волнами», погрузилась на дно, на глубину тысячи сажений. Ахъ, какая жалость!—измѣнчивые весенніе вѣтры быстро разсѣяли цвѣтуція священныя формы. Ахъ, какая скорбь!—жестокія волны разлученія погребли сокровище—человѣка. Дворецъ его былъ названъ Ціосей, чтобы обозначить, что онъ построенъ, какъ долгая резиденція; на воротахъ было написано фуру, что значитъ—ворота, чрезъ которыя не входитъ старость. Но прежде, чѣмъ прошло десять лѣтъ, онъ былъ поглощенъ глубинами моря. Относительно такого добродѣтельнаго монарха было бы совершенно напрасно говорить о возмездіи и отплатѣ. Это драконъ, нисшедшій съ вышнихъ странъ надъ облаками и обратившійся въ рыбу».

Сравненіе вышеприведеннаго отрывка съ соответствующимъ мѣстомъ Гемпей-сейсуйки ясно указываетъ на разницу въ характерахъ этихъ двухъ произведеній. Въ Гемпей-сейсуйки нѣтъ ничего по части моленій синтоистическимъ божествамъ или Буддѣ, или разговора о будущемъ раѣ. Когда юный монархъ спрашиваетъ, куда хочетъ взять его кормилица, то вмѣсто набожныхъ чувствъ, приписываемыхъ ей Хейке-моногатарі, Гемпей-сейсуйки говоритъ, что она отвѣтила: «Воины пускаютъ стрѣлы въ священный корабль, и я имѣю честь сопровождать Ваше Величество на другой».

Выраженія почтительности, характеризующія японскій языкъ, дѣйствуютъ довольно странно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пассажей. Такъ, напримѣръ, въ вышеприведенномъ: воины почтительно покрыли микадо; непріятельскіе воины почтительно направляли свои стрѣлы на священный корабль, и т. д. Передавать всѣ эти особенности въ переводѣ было бы утомительно-скучно.

Мидзу-кагами.

Настоящій авторъ историческаго труда, называемаго Мидзу-кагами, т. е. зеркало воды, неизвѣстенъ. Его приписывали Накаяма Тадацика, родившемуся въ 1131 году и умершему въ 1195 г. Опускаемая мифы такъ называемаго вѣка боговъ, писатель начинаетъ свою исторію легендами о Дзимму-тенпо, первомъ микадо, и проводитъ ее

чрезъ 54 царствованія до смерти императора Нимміо въ 850 г. Конечно, невозможно дать въ трехъ томахъ небольшой толщины что-нибудь иное, кромѣ бѣднаго очерка исторіи за этотъ длинный періодъ. Цѣнность этого произведенія невелика. Въ первой части своей оно представляетъ почти одно только извлеченіе изъ Нихонги. Исторія рассказывается просто, безыскусственнымъ образомъ, безъ риторическихъ украшеній, безъ философскихъ размышленій и безъ малѣйшей попытки вывести причины и связь событій. Кто бы ни былъ авторъ, но онъ былъ набожный буддистъ, и безъ сомнѣнія этому обстоятельству надо приписать извѣстный элементъ чудесности въ послѣдней части его исторіи.

Мидзу-кагами есть прямое подражаніе О-кагами. Языкъ его сравнительно свободенъ отъ китайской подмѣси, и съ точки зрѣнія стиля произведеніе это можетъ быть помѣщено среди литературныхъ памятниковъ Хейанскаго періода.

Хогенъ-моногатари и Хейдзи-моногатари.

Авторомъ Хогенъ-моногатари и Хейдзи-моногатари считается Хамуро Токинага, жившій въ концѣ 12-го столѣтія. Первое изъ этихъ произведеній представляетъ собою рассказъ о междоусобіяхъ въ Кіото въ 1157 году, поднявшихся изъ-за спора о престолонаслѣдіи; второе изъ нихъ рассказываетъ о возобновленіи этой же борьбы въ 1159 году. Результатомъ борьбы была временная потеря могущества великой фамиліей Минамото (или Генъ) и установленіе власти фамиліи Таира (или Хей).

ГЛАВА III.

Ходзіоки и прочія сочиненія Камо-но-Ціомей.—Идзаіои-ники и прочія сочиненія Абуцу-ни.—Бенъ-но-найси-ники.—Поэзія.—Хякуинивъ-иссю.—Книги на китайскомъ языкѣ.—Адзума-кагами.

Ходзіоки.

Камо-но-Ціомей, авторъ Ходзіоки, былъ блюстителемъ синтоистическаго храма въ Камо близъ Кіото. Приобрѣтя нѣкоторую извѣстность, какъ музыкантъ и поэтъ, онъ былъ назначенъ отрекшимся отъ престола микадо Го-Тоба на должность въ пѣсенной части при дворѣ. Впослѣдствіи онъ просилъ о томъ, чтобы ему было разрѣшено наслѣдовать его отцу въ званіи главнаго блюстителя храмовъ въ Камо, но

просьба его не была уважена. Онъ былъ такъ обиженъ этимъ, что, обривъ голову, удалился въ отшельничество на Охара-яма, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кіото. Ходзіоки, написанное въ 1212 году, есть запись автора о лично имъ испытанномъ и видѣнномъ. Это произведеніе цѣнится высоко за свой превосходный стиль, который не является слишкомъ близкимъ подражаніемъ старой манерѣ писанія, и который вмѣстѣ съ тѣмъ не переполненъ китайскими выраженіями.

Давъ описаніе большого пожара въ Кіото въ 1177 году, голода 1181 года и землетрясенія 1185 года, авторъ этихъ мемуаровъ рассказываетъ далѣе о горѣ отшельничества, на которую онъ ушелъ, чтобы спастись отъ міра, столь изобилующаго ужасными несчастіями. Его хижина и образъ его жизни описаны подробно; вмѣстѣ съ тѣмъ приведено много впечатлѣній, по которымъ можно не только судить о личныхъ вкусахъ и характерѣ автора, но которыя раскрываютъ, кромѣ того еще, кое-что изъ сокровенныхъ основъ буддійской религіи. Эта тоненькая книжечка, заслужившая такую высокую репутацію, содержитъ только около 30 страницъ, почему и является возможнымъ выписать всѣ наиболѣе интересныя мѣста въ ней. Кстати замѣтить, что Ходзіо значитъ сто квадратныхъ футовъ¹⁾; подъ этимъ разумѣются размѣры отшельнической кельи, въ данномъ случаѣ размѣры хижины Ціомей. Ки значитъ запись.

«Струи бѣгущаго потока текутъ непрестанно, но вода не одна и та же; пѣна, плавающая на лужѣ, гдѣ она долго пребываетъ, то исчезаетъ, то образуется вновь, но не остается вѣчной. Таковъ родъ человѣческой и его обиталища. Въ блестящей столицѣ, гдѣ жилища высшихъ и низшихъ соединяютъ свои кровельные брусья и прикасаются другъ къ другу своей черепицей, можетъ казаться, что они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ перерыва. Но если мы сдѣлаемъ изслѣдованіе, то найдемъ, что въ дѣйствительности древнихъ изъ нихъ немного. Одни изъ нихъ были уничтожены прошлый годъ и должны быть вновь выстроены въ этомъ году; другіе, бывшіе большими домами, разрушены и замѣнены маленькими. То же самое справедливо и по отношенію къ ихъ обитателямъ. Если мы жили долго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ у насъ есть значительное число знакомыхъ, то мы найдемъ, что изъ двадцати или тридцати тѣхъ, кого мы знали прежде, остались только одинъ или два. Утромъ умираютъ одни, вечеромъ рождаются

1) Выраженіе ходзіо часто, какъ между прочимъ и у Астона, переводится неправильно: десять квадратныхъ футовъ. Дзіо имѣетъ значеніе 10 футовъ, а 10 футовъ въ квадратѣ (ходзіо) составляетъ, конечно, 100 квадратныхъ футовъ.

другіе. Такова жизнь. Ее можно сравнить съ пѣной на водѣ. Рождаются ли они, умираютъ ли, — мы не знаемъ, ни откуда они приходятъ, ни куда они уходятъ. Не знаемъ мы также въ этомъ временномъ мѣстопребываніи, кто будетъ извлекать пользу изъ хлопотъ, которыя мы налагаемъ на себя, или чѣмъ дать наслажденіе глазамъ. Я не знаю, что болѣе подвержено измѣненію, домъ ли, или его хозяинъ. Ихъ обоихъ можно сравнить съ росой на вьюнкахъ. Роса сойдетъ, а цвѣтокъ останется; но и цвѣтокъ блекнетъ съ утреннимъ солнцемъ. Опять же, цвѣтокъ можетъ увянуть, пока роса остается еще; но и она не можетъ оставаться до вечера.

Въ теченіе сорока веснъ и лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, какъ я впервые узналъ смыслъ вещей, происходили многія чрезвычайныя событія. Въ третьемъ году правленія Ангень (1177 г.), въ 28-й день четвертаго мѣсяца, ночью, которая была непокойна по причинѣ жестокаго вѣтра, вспыхнулъ приблизительно въ 8-мъ часу, въ юго-восточной части столицы пожаръ, который распространился въ сѣверо-западномъ направленіи, захвативъ южныя ворота дворца, павильонъ аудіенціи, зданія университета и министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ ту же ночь все было обращено въ пепель. Говорили, что пожаръ начался во временной постройкѣ, занятой подъ госпиталь. Гонимый порывами крутящагося вѣтра, онъ пошелъ по этому пути, пока не распространился подобно распущенному вѣеру. Отдаленные дома были окутаны дымомъ, тогда какъ ближайшая мѣстность была совершенно покрыта наносимыми на нее искрами. Пепель, гонимый высоко къ небу и освѣщаемый пламенемъ, образовалъ красноватый фонъ, на которомъ можно было видѣть искры, подхватываемыя безпрестанными порывами вѣтра и перелетавшія, какъ то было на самомъ дѣлѣ, черезъ пространство въ нѣсколько сотъ аршинъ въ другіе кварталы. Вообразите отчаянное положеніе жителей! Иные погибали, задыхаясь въ дыму; другіе, попавъ въ пламя, находили себѣ тамъ неожиданную смерть; иные, опять, едва могли спасти свою жизнь, но не имѣли возможности спасти имущество. Ихъ семь рѣдкихъ вещей и ихъ десять тысячъ сокровищъ сдѣлались простымъ пепломъ ¹⁾. Какъ велики были потери! Было истреблено шестнадцать домовъ знатныхъ лицъ, а другимъ и числа нѣтъ. Третья часть Кіото была опустошена. Нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ лишились жизни, и погибло огромное количество

1) Подъ семью рѣдкими вещами разумѣются: золото, серебро, изумрудъ, адулярій, агатъ, янтарь и коралль. Выраженіе „десять тысячъ сокровищъ“ означаетъ вообще множество драгоценныхъ вещей. (Буддійское сочиненіе Ханьякію).

скота. Всѣ пути жизни человѣка полны тщеты, но особенно тщетнымъ можно считать постройку для себя жилищъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, какъ столица, причемъ мы рискуемъ лишиться имущества и доставляемъ сами себѣ много тревогъ.

Далѣе, въ 29-й день четвертаго мѣсяца въ четвертомъ году правленія Дзисіо (1180 г.) въ кварталѣ Кіогоку поднялся большой смерчъ и пронесся съ большой силой до самаго Рокудзіо. Три или четыре городскихъ квартала испытали на себѣ всю его силу. Въ этихъ кварталахъ не было ни одного дома большого или маленькаго, которые не были бы разрушены его крутящимися порывами. Нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ положены на землю пластомъ, въ другихъ уцѣлѣли только столбы, да поперечныя балки. Навѣсы воротъ были сорваны прочь и отброшены на разстояніе нѣсколькихъ улицъ. Ограды были сметены долой, и такимъ образомъ было уничтожено различіе между землями и собственностью сосѣдей. Врядъ ли надо говорить о томъ, что все заключавшееся въ домахъ поднялось къ небу, а кора и гонть кровель были далеко разсѣяны, подобно осеннимъ листьямъ при вѣтрѣ. Пыль поднялась подобно дыму, такъ что ничего нельзя было видѣть, а шумъ былъ такъ ужасенъ, что нельзя было слышать, что говоритъ сосѣдь. Вихрь буддійскаго ада, о которомъ мы слышали, долженъ бы быть чѣмъ-то въ родѣ этого. И не только были разрушены дома, но безчисленное множество людей получило поврежденія и сдѣлалось калѣками (по неимѣнію крова), пока поправлялись ихъ дома. Вихрь прошелъ въ юго-западномъ направленіи и былъ причиною плача для многихъ. Смерчъ есть обыкновенное явленіе, но этотъ смерчъ не былъ простымъ естественнымъ явленіемъ; я очень подозрѣваю, что онъ былъ посланъ, какъ предостереженіе».

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о несчастіяхъ, сопутствовавшихъ перенесенію столицы въ Сетцу, въ томъ же самомъ 1180 году.

«Это было такъ давно, что я точно не помню, но думаю, что это было въ годы правленія Гова (1181—1182 г.), то бѣдственное положеніе дѣль, которое было причинено голодомъ и которое продолжалось два года. Бѣдствія слѣдовали одно за другимъ. То были засухи, весной и лѣтомъ, то опять бури и наводненія осенью и зимою,—такъ что не созрѣло ни одного зерна. Весенняя запашка была понапрасну, и лѣтній трудъ разсадки (молодого риса) не привелъ ни къ чему. Не было суеты жатвенныхъ работъ осенью и собиранія жатвы зимою. Во

всѣхъ провинціяхъ народъ оставлялъ свои земли и, ища другихъ мѣстъ, или забросивъ свои дома, уходилъ жить въ горы. Начались всѣхъ родовъ моленія и даже ожили неупогребительныя въ обычное время религіозныя служенія, но все это не вело ни къ чему. Столица, зависимая во всемъ, конечно, отъ страны, не могла оставаться безпечной, когда ничего не родилось. Жители, при этомъ несчастіи, предлагали пожертвовать своими драгоценностями разнаго рода, одинъ за другимъ, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Если даже и являлись покупатели, то они придали менѣе значенія золоту, а болѣе зерну. Нищія кишѣли толпами по сторонамъ дорогъ, и уши наши полны были звуками ихъ причитаній. Среди такого бѣдствія мы съ трудомъ дотянули до конца перваго года. Съ новымъ годомъ ожили надежды людей. Но чтобы ничто не могло уже остаться для довершенія нашихъ несчастій, появилась и свирѣпствовала, не переставая, моровая язва. Всѣ умирали отъ голода и, по мѣрѣ того, какъ время шло впередъ, положеніе наше дѣлалось такимъ же безнадежнымъ, какъ положеніе рыбы въ маленькой лужѣ. Въ концѣ концовъ можно было видѣть несчастно собирающимися отъ двери къ двери, прося милостыню даже почтенныхъ на видъ людей въ шляпахъ и съ покрытыми ногами. Иногда, пока вы удивлялись, какъ могутъ еще ходить такія невыразимо жалкія созданія, они падали на вашихъ глазахъ. Подъ стѣнами садовъ и по обочинамъ дорогъ умирало отъ голода безчисленное количество людей, а такъ какъ тѣла ихъ не убирались, то повсюду было зловоніе. Когда они разлагались, то было много такихъ видовъ, которыхъ глазъ не могъ выдержать. Еще хуже было на берегахъ рѣки, гдѣ не было даже настолько пространства, чтобы лошади и телѣги могли пройти взадъ и впередъ. Носильщики и собиратели топлива ослабѣли, и топлива становилось все меньше и меньше; люди, которые не имѣли средствъ, растаскивали свои дома и продавали матеріалы на рынкѣ. Говорили, что охапки, которую могъ снести одинъ человѣкъ, недостаточно было, чтобы дать ему прокормъ на одинъ только день. Странно было видѣть между этимъ топливомъ куски, украшенные мѣстами киноварью, или серебромъ, или золотыми лепестками. По разслѣдованіи оказалось, что люди, дошедшіе до крайности, проникли въ старинные храмы, выкрали изображенія Будды и растащили предметы, употреблявшіеся при служеніи, обломками чего и были эти куски. Мнѣ, рожденному въ этомъ развращенномъ и зломъ мірѣ, выпало на долю быть свидѣтелемъ такихъ печальныхъ зрѣлищъ.

Другимъ весьма прискорбнымъ явленіемъ было то, что если были

мужчина и женщина, сильно привязанные другъ къ другу, то тотъ изъ нихъ, чья любовь была больше и чья преданность была глубже, умиралъ первымъ. Причина этому была та, что они ставили себя на послѣдній планъ и, мужчина ли, женщина ли, отказывались въ пользу нѣжно любимаго существа отъ того, что имъ удалось вымолить въ подаяніе. Само собою разумѣется, родители умирали прежде своихъ дѣтей; и опять же можно было видѣть младенцевъ, припавшихъ къ груди своей матери, не зная, что она уже мертва. Жрецъ храма Дзисонъинъ, скорбя въ тайникахъ души о множествѣ такимъ образомъ погибавшихъ людей, посовѣтовался со многими святыми людьми, и по его совѣту, они, увидѣвъ какого-нибудь мертвеца, начертали на его лбу первый китайскій іероглифъ слова Амида (будда) и присоединяли его этимъ (къ буддизму). Одно только число тѣхъ, которые умерли въ теченіе четвертаго и пятаго мѣсяцевъ въ самомъ Кіото, простиралось до 42,300 человекъ. Къ этому надо прибавить еще много умершихъ раньше и послѣ. А если мы сочтемъ также и тѣхъ, которые погибли въ разныхъ предмѣстьяхъ, то число будетъ безгранично. А затѣмъ провинціи! Я слышалъ, что не такъ давно былъ голодъ въ царствованіе императора Сутоку въ годы правленія Цюдзіо (1132—1135 г.), но о немъ я не имѣю обстоятельныхъ свѣдѣній. Описанное мною есть одно изъ плачевнѣйшихъ положеній дѣлъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ я самъ».

Затѣмъ Ціомей описываетъ великое землетрясеніе въ Кіото въ 1185 году, когда при наиболѣе его жестокихъ проявленіяхъ бывало въ одинъ день по двадцати и тридцати такихъ толчковъ, которые въ обыкновенное время можно бы назвать очень сильными. По прошествіи десяти или двадцати дней ударовъ стало ежедневно отъ двухъ до пяти, затѣмъ по одному въ каждые два или три дня, но окончательно пришла земля въ состояніе покоя не ранѣе, какъ на третій мѣсяць. Исторія этихъ бѣдствій служитъ введеніемъ къ разсказу о его собственной жизни, и приведена она для того, чтобы объяснить его рѣшеніе покинуть городъ и жить жизнью затворника. Тридцать лѣтъ прожилъ онъ въ удаленной отъ Кіото маленькой кельѣ, находя, тѣмъ не менѣе, что даже и такое затворничество не достаточно полно покоя.

«Нѣсколько веснъ и нѣсколько осеней» — говоритъ онъ, — «приходили ко мнѣ и уходили отъ меня, приготовлявшаго себѣ ложе между облаками горы Охара-яма¹⁾. Теперь на шестидесятомъ году, когда роса

¹⁾ Въ провинціи Ямасиро.

уже не такъ легко испаряется ¹⁾), я построилъ себѣ на остаткѣ дней своихъ послѣднее жилище, нѣчто въ родѣ того прикрытія, которое путникъ строить себѣ для остановки на одну ночь, или кокона, спряденнаго для себя престарѣлымъ шелковичнымъ червемъ. Оно и въ сотой долѣ не такъ удобно, какъ жилище средняго періода моей жизни. Какъ склоняется мой возрастъ съ каждымъ годомъ, такъ съ каждымъ перемѣщеніемъ мое жилище дѣлается тѣснѣе. Это послѣднее не есть уже обыкновенный домъ. Оно имѣетъ только десять футовъ въ квадратъ и всего семь футовъ въ высоту. Такъ какъ оно не предназначается для постоянного пребыванія на одномъ мѣстѣ, то земля вокругъ него плотно утоптана и оставлена невоздѣланной. Стѣны его изъ глины, а покрытъ онъ камышемъ. Въ видахъ большаго удобства перенесенія его куда-нибудь въ другое мѣсто, если бы возникъ поводъ для недовольства этимъ, связи его скрѣплены кольцами и скобами. Какъ мало потребовалось бы хлопотъ, чтобы возстановить его въ другомъ мѣстѣ! Онъ потребовалъ бы только двѣ позозки и не было бы никакихъ другихъ расходовъ, кромѣ платы за провозъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я скрылъ свои слѣды въ уединеніи горы Хино-яма, я пристроилъ навѣсъ шириною приблизительно въ три фута на восточной сторонѣ, какъ мѣсто для ломанія и сжиганія валежника. На южной сторонѣ я повѣсилъ для защиты отъ солнца бамбуковую цыновку. На западѣ помѣщается домашній алтарь. Внутри на сѣверной сторонѣ, по ту сторону бумажной ширмы, я помѣстилъ рисованное изображеніе Амиды, а около него повѣсилъ изображеніе Фугена ²⁾). Передъ ними я положилъ экземпляръ Хоккекіо ³⁾). У самой восточной стѣны я настлалъ нѣкоторое количество папоротника, который служить мнѣ постелью. На юго-западѣ устроена висячая бамбуковая полка, на которой помѣщается три или четыре черныхъ кожаныхъ шкапулки, содержащихъ въ себѣ произведенія японской поэзіи и музыки, буддійскія благочестивыя книги и тому подобныя рукописи. Кромѣ того имѣются еще кото и бива изъ того рода, что извѣстны подъ названіемъ оригото ⁴⁾ и цугибива ⁵⁾).

Таково мое временное жилище. Теперь описать окружающую его обстановку. На югѣ водячой желобъ, который ведетъ къ резервуа-

¹⁾ Другими словами „печальныя мысли не могутъ быть легко стряхнуты“.

²⁾ Фугенъ (по-санскритски Samantabhadra)—патронъ лицъ, предающихся особаго рода изступленному созерцанію (хокке-дзаммай). Изображенія его помѣщаются по большей части справа отъ изображенія Сакьямуни.

³⁾ Буддійское священное писаніе.

⁴⁾ Складное кото.

⁵⁾ Сладкая лютня о четырехъ струнахъ.

ру, устроенному изъ нагроможденныхъ другъ на друга большихъ камней. Близъ лежащій лѣсъ доставляетъ въ изобиліи прутья для топлива. Низкорослое масаки¹⁾ скрываетъ все, что находится за нимъ. Долина густо покрыта зарослями, но она открыта по направленію къ западу²⁾, что не неблагопріятно для созерцанія.

Весною здѣсь можно видѣть волнующіеся цвѣты фудзи, которые, похожіе на фіолетовыя облака, испускаютъ благоуханіе по направленію къ западу³⁾. Лѣтомъ можно слышать кукушку, которая своимъ повторнымъ крикомъ приглашаетъ сойтись съ ней на той суровой тропинкѣ, которая ведетъ въ подземное царство. Осенью наполняетъ уши пѣніе цикады, звучащее подобно плачу о тщетѣ этого земного существованія. Зимой снѣгъ возбуждаетъ во мнѣ пріятное душевное ощущеніе. Онъ, который становится все глубже и глубже, а затѣмъ постепенно становится, является подходящимъ символомъ грѣховности.

Когда я слишкомъ мраченъ для того, чтобы молиться, или не въ состояніи сосредоточить свой умъ на страницахъ священнаго писанія, то нѣтъ никого, кто бы могъ мѣшать мнѣ отдыхать и бездѣльничать, какъ мнѣ нравится, и нѣтъ здѣсь ни одного пріятеля, въ присутствіи котораго я чувствовалъ бы себя пристыженнымъ. Хотя я и не усвоилъ себѣ молчанія специально, принявъ это за правило, но при моей одинокой жизни возможность говорить естественно пріостановлена. Хотя я не принялъ окончательнаго рѣшенія соблюдать заповѣди, но обстановка моей жизни такова, что нѣтъ искушенія нарушить ихъ.

Когда поутру я приближаюсь къ бѣлымъ волнамъ озера, я чувствую такъ, какъ если бы укралъ чувствованія отшельника Мансей⁴⁾, когда онъ смотрѣлъ на челны, проходившіе въ Оканоя и обратно (сравнивая жизнь человѣческую съ зыбью, оставшейся слѣдомъ за ними); когда вечеромъ вѣтеръ шуршитъ листьями кассин, я думаю о лиманѣ Дзиньо и подражаю въ игрѣ своей стилю Генъ-тотоку⁵⁾. Когда я болѣе веселъ, чѣмъ обыкновенно, я прославляю музыку осенняго вѣтра подь аккомпаниментъ его пѣнія между соснами, или присоединяю

1) *Euonymus japonicus*.

2) На западѣ лежитъ Индія, родина Будды.

3) Т. е. по направленію къ странѣ захода солнца и смерти.

4) Его стихотворенія имѣются въ Манъсю.

5) Имѣется въ виду командующій войсками (тотоку) Минамото-но-Цуненобу. Генъ есть китайское чтеніе іероглифа, которымъ пишется японская фамилія Минамото. Цуненобу умеръ въ 1-мъ году правленія Дзіотоку (1097 г.) въ возрастѣ 82 лѣтъ. Онъ славился своими японскими и китайскими стихотвореніями и музыкальнымъ искусствомъ, въ особености игрой на бива. (Японскій біографическій словарь: Дай-Нихонъ-дзиммей-дзисіо).

къ журчанію воды свои прославленія музыки бѣгущаго потока. Я не претендую на что-нибудь особенное въ музыкѣ, и все, что я пою или играю, это только для утѣшенія собственнаго моего сердца, а не для забавы другихъ.

У подножія горы находится другая хижина, построенная изъ хвоста; въ ней живетъ лѣсникъ. У него есть сынъ, который иногда навѣщаетъ меня. Когда мнѣ скучно, я беру его на прогулку, и оба мы, не смотря на большую разницу въ лѣтахъ: ему шестнадцать лѣтъ, а мнѣ шестьдесятъ, наслаждаемся однимъ и тѣмъ же. Мы срываемъ большіе тростниковые цвѣты, или собираемъ бруснику. Мы наполняемъ наши корзинки горнымъ картофелемъ или набираемъ петрушки. Иногда мы спускаемся на рисовыя поля на земляхъ, опоясывающихъ подножіе горы, и подбираемъ упавшія зерна. Въ ясную погоду мы взбираемся на вершину горы и смотримъ издали на небо моей родины. Отсюда мы можемъ видѣть гору Кобата-яма, деревню Фусими-носато, Тоба и Хацукаси¹⁾. Прекрасный пейзажъ не есть частная собственность, и ничто не мѣшаетъ мнѣ наслаждаться имъ. Не нуждаюсь въ утомительной прогулкѣ пѣшкомъ, умъ мой уходитъ далеко, пробѣгая вдоль ряда горныхъ пиковъ. Я перебираюсь черезъ гору Суми-яма, я прохожу за Касатори²⁾, я совершаю паломничество къ Ивама³⁾, я совершаю поклоненіе въ Иси-яма⁴⁾, или же я совершаю свой путь по степи Авадзу⁵⁾ и отдаю дань своего почтенія останкамъ старца Семимару⁶⁾, или переправляюсь черезъ рѣку Тагами-гава⁷⁾ и навѣщаю могилу Сарумару-даю.⁸⁾

На обратномъ пути, домой, мы наламываемъ вишневыхъ вѣтокъ, или собираемъ красивую осеннюю листву; мы срываемъ молодые побѣги папоротника или набираемъ орѣховъ, смотря по времени. Часть этого идетъ въ приношеніе Буддѣ, а другая часть берется въ качествѣ презента (семейству моего компаньона).

1) Всѣ четыре въ провинціи Ямасиро. Послѣднія два названія обозначаютъ мѣстности.

2) Названіе мѣстности недалеко отъ Фусими-носато.

3) Ивама въ пров. Оми; тамъ находится буддійскій храмъ.

4) Въ пров. Оми; въ Иси-яма имѣется знаменитый буддійскій храмъ, и вся мѣстность славится своими великолѣпными видами.

5) Въ пров. Оми.

6) Слѣпой музыкантъ и поэтъ. Игралъ особенно искусно на бива. О судьбѣ его стихотвореній достовѣрнаго ничего не извѣстно. Вѣроятно жилъ во время императора Уда-генно (889—897 г.).

7) Въ пров. Оми.

8) Древній поэтъ, стихотворенія котораго не сохранились. Жилъ въ провинціи Оми. Къ какому времени относится его жизнь, — неизвѣстно.

Когда въ тихую ночь луна свѣтитъ въ мое окно, я съ грустью думаю о людяхъ старины, а при крикѣ обезьянъ рукавъ мой становится мокрымъ отъ слезъ. Летающіе свѣтляки въ заросляхъ травы представляютъ для меня маячные огни рыбаковъ на островѣ Магино-сима; дождь на разсвѣтѣ звучитъ для меня подобно листьямъ, когда они волнуются бурнымъ порывомъ вѣтра. Когда я слышу мѣднаго фазана¹⁾ и его плачь: «хоро, хоро», я задумываюсь: не голосъ ли это отца или матери²⁾. Когда съ вершины горы приближается ко мнѣ безбоязненно олень, я реально ощущаю, какъ далеко отдѣленъ я отъ міра.

* * *

Когда я впервые начиналъ свое житіе здѣсь, я думалъ, что это будетъ только на нѣкоторый небольшой промежутокъ времени. Но прошло пять лѣтъ, и моя временная хижина сдѣлалась старой. Подъ краями крыши лежитъ толстый слой увядшихъ листьевъ, и мохъ скопился на земляномъ полу. Когда я случайно получаю новости изъ столицы, то слышу о смерти многихъ людей высокаго положенія, а смерти людей низшаго сословія нѣтъ и возможности сосчитать. Я слышу также о томъ, что много домовъ уничтожается частыми пожарами. Но эта моя временная хижинка все стоитъ въ безопасности и безъ поврежденій. Она мала, но на ночь у меня есть постель, чтобы лечь, а днемъ циновка, на которой я сижу. Въ ней есть все, что потребно для житія одного человѣка.

* * *

Будда училъ человѣчество не допускать свои сердца быть порабощенными внѣшними предметами. И даже моя любовь къ этой крытой камышемъ хижинѣ должна быть сочтена за грѣхъ; даже мое лежаніе въ мирномъ отдыхѣ можетъ быть помѣхой благочестію. Какъ можетъ кто-нибудь тратить это драгоценное время въ постоянномъ удовлетвореніи суетнымъ удовольствіямъ? Однажды въ тихое утро я долго ду-

¹⁾ Phasianus scintillans.

²⁾ Это намекъ на старинное стихотвореніе:

„Когда я слышу
Плачь мѣднаго фазана,
Плачь „хоро—хоро“,—
Не гласъ отца ли это?
Не голосъ матери ли?“

Въ предлагаемомъ переводѣ удержанъ счетъ слоговъ танка. Стихотвореніе это рисуетъ грусть, пробуждающуюся въ душѣ одинокаго человѣка, круглаго сироты, отъ дѣнія птицъ.

малъ о смыслѣ этого и задать себѣ въ душѣ вопросъ: «Оставленіе міра и удаленіе въ эти холмы и лѣса дѣлается для того, чтобы дать успокоеніе уму и сдѣлать насъ способными отдаться религіи. Но хотя внѣшній видъ вашъ и есть видъ святого человѣка, но сердце ваше погружено въ несчастіе. Ваше жилище есть недостойное подражаніе жилищу Дзіоміо¹⁾, а въ соблюденіи монашескихъ обѣтовъ вы стоите ниже даже Сюри и Бандоку. Есть ли это естественное несчастіе, неразлучное съ обыкновенными условіями существованія или же оно обязано развратнымъ страстямъ нечестиваго сердца?» Сердце мое не дало на это никакого отвѣта. Нѣсколько произвольныхъ призываній имени Будды сорвалось съ моихъ губъ, а затѣмъ — молчаніе.

Написано въ моей хижинѣ на горѣ То-яма во второмъ году правленія Кенряку (1212 г. послѣ Р. X.), въ послѣдній день третьяго мѣсяца мною, монахомъ Ренъ-инъ²⁾».

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ прибавляется еще слѣдующее благочестивое стихотвореніе:

..Луна покинула уже
Угрюмый горный пикъ,
Гдѣ только-что сіяла.
О! Если бы моей душѣ
Непогрѣшимый данъ былъ свѣтъ.»

Ціомей является также авторомъ собранія короткихъ эскизовъ названныхъ Муміосію, т. е. анонимный сборникъ, касающихся большей частью поэзіи, и произведенія, извѣстнаго подъ именемъ Сики-моногатари (сики значитъ — четыре времени года); оно описываетъ проявленія придворной жизни въ теченіе годичнаго періода.

Идзаіои-ники.

Отъ Камакурскаго періода до насъ дошло нѣсколько дневниковъ и путевыхъ журналовъ. Наиболѣе извѣстенъ изъ нихъ Идзаіои-ники³⁾. Онъ написанъ одной дамой, извѣстной подъ именемъ Абуцу-ни⁴⁾, указывающемъ, что она приняла на себя буддійскіе обѣты. Она происходила отъ одного изъ микадо и осталась вдовою по смерти своего мужа,

¹⁾ Монахъ-отшельникъ.

²⁾ Монашеское имя Ціомей.

³⁾ Или: Идзаіои-но-ники, т. е. дневникъ 16-го числа, въ каковой день 10-го мѣсяца 1277 года послѣ восшествія на престолъ императора Дзимму-тэнно (1277 по Р. X.) Абуцу-ни отправилась въ свое описанное въ этомъ дневникѣ путешествіе въ Кіото въ Камакура.

⁴⁾ Монахиня Абуцу. Ни — значитъ монахиня.

сына того Фудзивара-но-Садаие, который издалъ Хякунинъ-иссю¹⁾. Этотъ дневникъ написанъ во время путешествія, которое она предприняла въ Камакуру въ 1277 году, чтобы добиться судебного рѣшенія въ пользу своего сына Тамесуке противъ его старшаго брата отъ сводной матери, захватившаго одно изъ фамильныхъ имѣній.

Идзаюн-ники очень сентиментальный дневникъ, переполненный танка. Нижеслѣдующій короткій отрывокъ можетъ служить образчикомъ его:

«26-й день. Мы переправились черезъ рѣку, которая, какъ я думаю, называется Варасина-гава, и отправились къ морскому берегу у Окицу²⁾. Мнѣ вспомнилось стихотвореніе, въ которомъ говорится: «Сіяніе луны позади меня, когда со слезами пускаюсь я въ путь». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы сдѣлали полуденный приваль, было причудливое маленькое изголовье изъ дерева цуге³⁾. Совершенно истомленная я прилегла и, найдя тушницу, написала, пока лежала, слѣдующее на бумагѣ, положенной у моего изголовья:

Наодзари ни
Мпру ме бакари во!
Кари-макура,
Мусуби-окицу то
Хито ни катару-на⁴⁾.

1) Упоминается ниже.

2) Окицу, въ провинціи Суруга, славится своими видами.

3) Vixus japonica.

4) Полный смыслъ этого стихотворенія не поддается передачѣ на русскій языкъ. Непосредственная, ближайшая передача его содержанія можетъ быть облечена въ слѣдующую форму: „Ахъ, глаза мои только мимолетно видѣли здѣсь сонъ, и ты, случайная подушка, не говори людямъ, что здѣсь я спала“.

Для уразумѣнія же полнаго смысла мы должны помнить, что Абуцу-ни остановилась въ мѣстности Окицу: на что имѣется намекъ въ сложномъ глаголь: мусуби-окицу (спать), вторая часть котораго—„окицу“—совпадаетъ съ названіемъ мѣстности Окицу. Второй намекъ имѣется въ двухъ словахъ „мпру ме“ (глаза, которые видятъ), которые по звуку совпадаютъ со словомъ мпруме (родъ морской травы, *Sodium tomentosum*), которую жнутъ серпами, на что указываетъ первая часть (кари-жать) въ сложномъ словѣ кари-макура; то же самое кари въ словѣ кари-макура означаетъ—заимствованный, случайный, такъ что кари-макура значитъ: случайная подушка. Затѣмъ слово мусуби по отношенію къ травѣ значитъ „связать“, по отношенію же къ подушкѣ „спать“.

Какъ видно, смысла въ этомъ стихотвореніи очень мало, и оно представляетъ собою ничто иное, какъ нелѣпую на европейскій вкусъ игру словъ.

Астонъ переводитъ это стихотвореніе, черезчуръ удаляясь отъ основного смысла и не выставляя никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего перевода, слѣдующими довольно туманными словами:

«Когда наступили сумерки, мы прошли заставу Кііоми-га-секи. Волны, разбивавшіяся о скалы, представляли картину, какъ будто онѣ одѣвали ихъ въ бѣлыя одежды, — очень красивый видъ!

„Вы, древнія скалы
На брегѣ Кііоми,
Позвольте спросить мнѣ у васъ,
Какъ много смѣнъ надѣваете вы
Одѣяній волнъ мокрыхъ¹⁾?“

Теперь наступила темнота, и мы остановились на ночлегъ въ одной сосѣдней деревушкѣ, которая лежала у самого моря. Откуда-то по близости шель дымъ отъ горѣнія; запахъ этотъ былъ въ высшей степени отвратителенъ. Онъ происходилъ безъ сомнѣнія отъ чего-то, что дѣлали рыбаки. Я припоминаю слова: «Прокисшій запахъ моего ночного пребыванія».

Вѣтеръ свирѣпствовалъ всю ночь, и волны, казалось, разбивались съ шумомъ надъ моимъ изголовьемъ».

Слѣдующій далѣе пассажъ описываетъ гору Фудзи. Изъ него явствуется, что во время жизни автора дымовыя изверженія этой горы были перемежающимися. Съ тѣхъ поръ дымъ давно уже пересталъ подыматься.

Стиль Идзаіои-ники совершенно отличенъ отъ стиля Гемпейсейсуйки и Хейке-моногатари. Онъ сравнительно свободенъ отъ китайскихъ элементовъ и походить болѣе на стиль произведеній Хейанскаго періода; очевидно за образецъ взято Тоса-ники.

’Twas an experience
Scarce worth remembering,
Tell it not to the world,
O thou chance pillow!
Nor say that I have bound myself.

Переводъ:

„Это былъ опытъ одинъ
Недостойный, чтобъ помнить его.
Не рассказывай міру о немъ,
Ты, изголовье случайное! *
Не говори также, что я здѣсь спала..“

Для объясненія Астонъ прибавляетъ, что „слова мусуби-окицу, означающія „ложиться спать“, въ то же время заключаетъ въ себѣ названіе мѣста, гдѣ остановилась путешественница. Стихотвореніе, очевидно, сложено просто такъ ради этой игры словъ и не заключаетъ въ себѣ никакого указанія на какое-нибудь дѣйствительно бывшее, личное испытаніе“.

¹⁾ „Мокрая одѣянія“ обозначаютъ метафорически незаслуженное порицаніе или наказаніе.

Абуцу-ни издала также одинъ томъ критическихъ очерковъ поэзіи подъ названіемъ Го-но-цуру, т. е. ночная папля, и кой-какія другія, менѣе значительныя произведенія.

Бенъ-но-найси-ники есть также дневникъ, написанный женщиной. Онъ говоритъ о событіяхъ, случившихся въ періодъ 1246—1252 годовъ.

Поэзія.

Производство танка при дворѣ въ Кіото продолжалось въ этотъ періодъ. Результатомъ этого было нѣсколько сборниковъ стихотвореній, изданныхъ при содѣйствіи правительства; но такъ какъ въ нихъ мало чего характернаго, то и нѣтъ надобности останавливаться на нихъ. Поэзія этого времени заслуживаетъ упоминанія главнымъ образомъ какъ указаніе на то, что образованіе не было совсѣмъ заброшено въ теченіе этого невѣжественнаго въ общемъ періода.

Въ это время вошло въ обычай составлять антологіи, состоявшія каждая изъ 100 стихотвореній, принадлежавшихъ 100 различнымъ авторамъ. Такія антологіи назывались Хякунинъ-иссю. Первоначальный сборникъ такого рода¹⁾, содержащій въ себѣ танка отъ 7-го до 13-го столѣтій, имѣется въ настоящее время у каждой японской школьницы. Онъ былъ составленъ въ 1235 году однимъ придворнымъ по имени Садаіе изъ великаго клана Фудзивара, который въ это время почти монополизировалъ японскую поэзію.

Въ это время появился новый размѣръ, замѣнившій старыя нагаута. Онъ названъ има-ію, т. е. современная манера, и состоитъ изъ чередованія фразъ въ семь и пять слоговъ. Этому размѣра болѣе или менѣе близко придерживались въ поэтическихъ пассажахъ, которые съ этого времени начинали появляться въ прозаическихъ произведеніяхъ.

Книги на китайскомъ языкѣ.

Написанныя въ Камакурскомъ періодѣ на китайскомъ языкѣ книги свидѣтельствуютъ объ общемъ упадкѣ образованія. Онѣ написаны на плохомъ китайскомъ языкѣ, который съ удобствомъ можно сравнить съ варварской средневѣковой латынью въ Европѣ.

Наиболѣе выдающееся изъ этихъ произведеній это Адзума-кагами, т. е. зеркало востока, представляющее собою исторію Японіи съ

¹⁾ Имѣется англійскій переводъ Ф. В. Диккинса и нѣмецкій П. Эмана. Последній интересенъ тѣмъ, что въ немъ удержанъ стихотворный размѣръ оригинала.

1180 по 1266 годъ. Неоцѣнимое въ смыслѣ источника историческихъ данныхъ, оно малоцѣнно въ литературномъ отношеніи. Оно представляетъ собою одну изъ тѣхъ сухихъ лѣтописей, въ которыхъ событія записываются съ мѣсяца на мѣсяць, со дня на день, безо всякой попытки показать связь между ними.

КНИГА ПЯТАЯ

Пероды Намбон-цзо (1332—1392) и Муромли (1392—1603 г.)

(Темные вѣка)

Въ этотъ периодъ Японія пережила одну изъ своихъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ. Страна была раздроблена на множество мелкихъ княжествъ, которые воевали другъ противъ друга. Внутреннее раздробленіе привело къ упадку культуры и хозяйства. Страна была захвачена монголами, которые совершили два нашествия (1274 и 1281). Несмотря на то, что японцы сумели отстоять свою независимость, нашествіе монголовъ имѣло огромное политическое и культурное значеніе. Оно привело къ усиленію централизованной власти и къ появленію новой государственной идеологии — синтоизма. В этотъ периодъ Японія пережила также и одну изъ своихъ самыхъ кровавыхъ эпохъ — эпоху сэнгю (1467—1568), когда страна была раздроблена на множество мелкихъ княжествъ, которые воевали другъ противъ друга. Внутреннее раздробленіе привело къ упадку культуры и хозяйства. Страна была захвачена монголами, которые совершили два нашествия (1274 и 1281). Несмотря на то, что японцы сумели отстоять свою независимость, нашествіе монголовъ имѣло огромное политическое и культурное значеніе. Оно привело къ усиленію централизованной власти и къ появленію новой государственной идеологии — синтоизма.

КНИГА ПЯТАЯ.

Періоды Намбоку-ціо (1332—1392 г.) и Муромаци (1392—1603 г.) (Темные вѣка).

ГЛАВА I.

Введеніе. — Дзинно-сіотоки. — Генгенсю. — Тайхейки.

Къ концу Камакурскаго періода дурное управление Ходзіо, которые по отношенію къ сіюгунамъ были тѣмъ же самымъ, чѣмъ были сіюгуны по отношенію къ микадо, породило всеобщее недовольство; и если бы на тронъ возшелъ микадо съ рѣшительнымъ характеромъ, то положеніе дѣль, казалось, было благопріятнымъ для того, чтобы свергнуть господство военнаго сословія. При дворѣ въ Кіото всегда были сильныя тайныя интриги, направленныя противъ власти сіюгуновъ, а также противъ власти регентовъ, правившихъ именемъ сіюгуновъ. Микадо Го-Дайго (1319—1338 г.) первый считалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы предпринять болѣе рѣшительныя мѣры. После отчаянной борьбы и многихъ превратностей судьбы онъ отчасти успѣлъ въ своемъ предпріятіи, результатомъ чего было установленіе власти двухъ микадо, царствовавшихъ одновременно. Одинъ изъ нихъ, креатура сіюгуновъ, имѣлъ свою резиденцію въ старой столицѣ Кіото; другой жилъ въ Іосино и другихъ мѣстахъ провинціи Ямато, пользуясь независимостью довольно сомнительнаго характера. Эта система двоецарствія, извѣстная въ японской исторіи подъ именемъ Намбоку-ціо, т. е. южный и сѣверный дворы, была приведена къ концу воссоединеніемъ обѣихъ верховныхъ властей въ лицѣ императора Го-Комацу, въ 1392 году, послѣ длиннаго ряда междоусобныхъ войнъ. Тѣмъ временемъ въ Муромаци, въ Кіото, обосновалась новая династія сіюгуновъ изъ рода Асикага; именемъ этого мѣста (Муромаци) и названъ слѣдующій за Намбоку-ціо періодъ японской исторіи. Родъ Асикага пользовался властью до 1603 года, когда сіюгунатъ, перейдя

опять въ другія руки, во второй разъ былъ перенесенъ на востокъ Японіи.

Двѣсти семьдесятъ лѣтъ, обнимаемые этими двумя періодами, были особенно непроизводительны въ смыслѣ созданія значительныхъ литературныхъ памятниковъ. Одно, два quasi-историческихъ сочиненія, прелестный томъ эскизовъ, нѣсколько сотъ коротенькихъ драматическихъ очерковъ, — вотъ все, что заслуживаетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ бѣглой замѣтки.

Дзинно-сіотоки.

Авторомъ Дзинно-сіотоки былъ государственный дѣятель и воинъ по имени Китабатаке Цикафуса, игравшій важную роль въ гражданскихъ войнахъ, которыя волновали Японію въ первой половинѣ 14-го вѣка.

Цикафуса вель свое происхожденіе отъ одного принца императорской фамиліи. Онъ родился въ 1293 году и исполнялъ разнообразныя служебныя обязанности при началѣ царствованія Го-Дайго, но затѣмъ по смерти принца, къ которому онъ былъ привязанъ, онъ обрилъ голову и удалился отъ свѣтской жизни. Въ 1333 году, когда микадо Го-Дайго возвратился съ острова Оки, куда онъ былъ сосланъ Камакурскимъ правительствомъ, Цикафуса сдался на убѣжденія опять вступить въ службу и очень отличился въ слѣдовавшихъ затѣмъ войнахъ. Выдающіяся заслуги, которыя онъ оказалъ дѣлу южнаго двора своимъ мечемъ, перомъ и совѣтомъ, были вознаграждены въ 1351 году высшими почестями, какія только могъ оказать его повелитель. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

Дзинно-сіотоки есть главнѣйшее произведеніе Цикафуса. Содержаніе и характеръ этого сочиненія указываются самымъ его названіемъ, которое значитъ: Исторія истиннаго преемства божественныхъ царей. Оно было написано съ цѣлью доказать, что микадо южнаго двора суть законные повелители Японіи. Этимъ объясняется то особенное вниманіе, съ которымъ онъ относится къ предметамъ и явленіямъ, подтверждающимъ законность притязаній микадо на тронъ, каковы напримѣръ, исторія регалій, генеалогіи, вопросы спорнаго престолонаслѣдія, и тому подобное.

Это сочиненіе написано въ царствованіе Го-Мураками (1339—1345 г.). Первый изъ шести томовъ, изъ которыхъ состоитъ сочиненіе, мифиченъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ начинается буквально

аb ovo, съ яйцевидной хаотической массы, изъ которой создались небо и земля. Затѣмъ онъ повѣствуетъ о сотвореніи Японіи мужскимъ и женскимъ божествами Идзанаги и Идзанами; это взято отчасти изъ Нихонги, но перепутано удивительнымъ образомъ съ китайской философіей и индійской мифической космогоніей. Происхождение микадо отъ богини солнца, которая въ Японіи является дочерью божественной четы, сотворившей эту страну, проведено далѣе съ должнымъ вниманіемъ черезъ ряды божествъ вплоть до Дзимму-тенно, который считается первымъ изъ человѣческихъ властителей Японіи.

Слѣдующіе четыре тома представляютъ собою неизбѣжно краткое и убогое рѣзюме японской исторіи отъ времени Дзимму-тенно (вступившаго на тронъ въ 660 году до Р. Х., по обычнымъ показаніямъ японскихъ источниковъ) и до восшествія на престолъ микадо Фусими въ 1288 году послѣ Р. Хр.

Шестой томъ содержитъ въ себѣ исторію времени, въ которое жилъ самъ Цикафуса. Эта послѣдняя часть рѣшительно не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія возможно было бы возложить на нее. Хотя самъ авторъ и его сыновья играли выдающуюся роль въ сраженіяхъ и политическихъ событіяхъ своего времени, но Цикафуса не считалъ необходимымъ дать что-нибудь иное, кромѣ короткаго и плохого отчета о событіяхъ, въ которыхъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Большая часть этого тома наполнена разсужденіями о принципахъ управленія, необходимыми для пониманія мотивовъ дѣятельности и круга идей японскихъ государственныхъ дѣятелей при старомъ режимѣ.

Своими собственными соотечественниками Цикафуса былъ сильно восхваляемъ, какъ представитель политической философіи китайскаго направленія, и даже новѣйшіе критики расточаютъ ему похвалы, которыхъ онъ, какъ намъ кажется, врядъ ли заслуживаетъ. Безъ сомнѣнія, его сочиненія свидѣтельствуютъ о его дарованіяхъ, какъ государственнаго дѣятеля; сюда относится, на примѣръ, его осужденіе пожалованія синекуръ и неотчуждаемыхъ земельныхъ владѣній духовнымъ учрежденіямъ; и если въ нихъ есть и многое такое, что мы склонны считать общезнаемыми истинами, то справедливо будетъ вспомнить, что Цикафуса былъ первымъ изъ японскихъ писателей, пытавшимся примѣнить философскіе принципы къ дѣйствовавшей въ то время политикѣ; и то, что кажется намъ тривиальнымъ, могло казаться новымъ и поразительнымъ современнымъ ему читателямъ.

Стиль Дзинно-сіотоки простъ и безъ притязаній на что-нибудь особенное. Литературная цѣнность этого произведенія мала сравнительно

но съ тѣмъ политическимъ вліяніемъ, которое оно оказало. Выходъ его въ свѣтъ способствовалъ существенно не только тому дѣлу, преданнымъ поборникомъ котораго являлся авторъ его, но оно заявляло о себѣ и въ позднѣйшія времена. Патріотическія чувства Цикафуса и его вѣрность законному властелину своей страны оказали большую услугу непосредственно, а также и косвенно, черезъ посредство сочиненій, вдохновлявшихся имъ писателей, въ которыхъ они передавались потомству, дѣлу образованія общественнаго чувства и мнѣнія, поведшихъ къ восстановленію власти микадо, совершившемуся въ наше время.

Цикафуса является однимъ изъ немногихъ писателей того класса, которые не упражняются въ танка.

Нижеприведенные отрывки могутъ служить образчиками политическихъ разсужденій Цикафуса.

«Великая Ямато¹⁾—божественная страна. Это только одна наша страна, основаніе которой положено сперва божественнымъ предкомъ. Она единственная только, которая передана была богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего нѣтъ подобнаго въ чужеземныхъ странахъ. Поэтому она и называется божественной страной.

Это только одна наша страна, что сохранила, съ того времени, какъ впервые проявились небо и земля (изъ хаоса), наследованіе трона неизмѣннымъ въ одномъ и томъ же роду. Если даже оно переходило, какъ это иногда естественно происходитъ, въ боковыя линіи, то оно всегда было согласно съ истинными принципами. Это показываетъ, что священная клятва боговъ (сохранять престолонаслѣдіе) постоянно возобновляется такъ, что это и отличаетъ Японію отъ другихъ странъ».

* * *

«На пути боговъ (въ синтоистической религіи) есть такія явленія, которыя трудно истолковать. Тѣмъ не менѣе, если мы не знаемъ происхожденія вещей, то результатомъ этого неминуемо бываетъ путаница. Какъ лекарство противъ этого зла, я и написалъ нѣкоторыя замѣчанія, объясняющія, какъ преемство отъ вѣка боговъ было руководимо истиной, а вовсе не прилагаю своихъ усилій къ тому, чтобы написать обыкновенную исторію. Этотъ трудъ поэтому можетъ быть озаглавленъ: «Исторія истиннаго преемства божественныхъ царей».

¹⁾ Японія.

* * *

«Мужчина посвящает себя хлѣбопашеству, доставляя пищу себѣ и другимъ и такимъ образомъ предохраняя отъ голода; женщина занимается пряжей, путемъ чего она одѣваетъ себя и другимъ доставляетъ тепло. Это можетъ показаться простыми дѣлами, но на нихъ покоится весь строй человѣческаго общества. Они находятся въ соотвѣтствіи съ временами неба и зависимы отъ даровъ, извлекаемыхъ изъ земли.

Иные искусны въ извлеченіи выгодъ изъ торговли, тогда какъ иные опять предпочитаютъ работать въ механическомъ искусствѣ или же имѣютъ честолюбіе сдѣлаться чиновниками. Это и есть то, что называется: «четыре класса народа».

Чиновниковъ имѣется два класса—гражданскій и военный. Дѣло гражданского чиновника оставаться дома и разсуждать о справедливыхъ путяхъ, причемъ, если онъ достигнетъ ясности, онъ можетъ возвыситься до того, чтобы быть государственнымъ министромъ. Дѣло война, съ другой стороны, состоитъ въ томъ, чтобы исполнять службу въ военныхъ походахъ, причемъ, если онъ добьется славы, онъ можетъ сдѣлаться военачальникомъ. Поэтому обѣ эти профессіи не должны быть пренебрегаемы ни на одинъ моментъ. Было сказано такъ: «Во время гражданскихъ беспорядковъ оружіе берется въ правую руку, а бумаги въ лѣвую; во время мира бумаги находятся въ правой рукѣ, а оружіе въ лѣвой».

* * *

«Обязанность каждаго человѣка, рожденнаго на императорской землѣ,—это воспитать въ себѣ полную преданность своему повелителю, до того даже, чтобы пожертвовать собственной своей жизнью. Пусть никто ни на моментъ не думаетъ, что есть какая-нибудь особая слава, обязанная тому, что онъ такъ дѣлаетъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы поощрить усердіе тѣхъ, которые идутъ послѣ, и чтобы выказать трогательное воспоминаніе объ умершихъ, на обязанности правителя лежитъ пожаловать въ такихъ случаяхъ награды (дѣтямъ). Тѣ, которые находятся въ низшемъ положеніи, не должны вступить въ соперничество съ ними. Еще болѣе должны воздерживаться отъ чрезмѣрнаго честолюбія тѣ, которые не оказали никакихъ особенно достойныхъ награжденія заслугъ. Это поистинѣ благословенное небомъ правило—держаться колеи телѣги, которая прошла, съ какимъ бы рискомъ ни было это сопряжено для нашего личнаго благополучія. (Это значить, что консервативная политика должна быть поддерживаема во всѣхъ случаяхъ)».

* * *

«Въ разныхъ мѣстахъ касался я уже принциповъ государственной дѣятельности. Они основаны на справедливости и милости, въ расточеніи которыхъ нужно крѣпкое веденіе дѣлъ. Такова ясная инструкція, пожалованная намъ Тенсіо-дайзинъ (богиней солнца). Твердое веденіе дѣлъ проявляется разнообразными способами. Во первыхъ, въ выборѣ людей для официальныхъ должностей. Японія и Китай, оба согласны въ томъ, что основаніе хорошаго управленія заключается въ томъ, что повелитель находитъ настоящаго человѣка и оказываетъ ему свое благорасположеніе. Во вторыхъ, — въ удаленіи частныхъ побужденій при назначеніи на должности въ провинціяхъ и округахъ. Это должно быть сдѣлано на основаніяхъ только одной справедливости. Въ третьихъ, — твердое веденіе дѣлъ проявляется въ награжденіи заслуги и наказаніи преступленія. Этимъ путемъ дается поощреніе добродѣтели и подавляется зло. Если одно изъ этихъ трехъ положеній пренебрегается, то получается то, что называется дурнымъ управленіемъ».

* * *

«Синекуры и злоупотребленія въ дѣлѣ официальныхъ повышеній суть шаги впередъ къ паденію государства и гибельны для стойкости императорской службы».

Генгенсю.

Другое произведеніе Цикафуса — это Генгенсю, въ восьми томахъ. Оно заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе мифовъ, составляющихъ основу синтоистическихъ вѣрованій.

Тайхейки.

Подобно Дзинно-сіотоки, другое знаменитое произведеніе, называемое Тайхейки, есть также исторія попытокъ микадо Го-Дайго стряхнуть господство «восточныхъ варваровъ», какъ прозваны были Камакурскіе сіюгуны и ихъ приспѣшники, и поднявшихся изъ-за этихъ попытокъ гражданскихъ войнъ, которыя терзали Японію болѣе, чѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ.

Изданіе, именуемое Тайхейки-сомоку, имѣетъ введеніе, задавшееся цѣлью указать, на основаніи «преданія», источники котораго намъ неизвѣстны, тѣ обстоятельства, при которыхъ это сочиненіе написано. Начатое, какъ говорятъ, по настоянію микадо Го-Дайго однимъ жре-

цомъ по имени Генъ-е, оно было продолжаемо другими жрецами въ разное время, пока не было закончено въ 1382 году. Эти писатели, какъ говорятъ, основывали свои повѣствованія на свѣдѣнїяхъ, полученныхъ ими прямо отъ сїюгуна Такаудзи, Нитта Юсисада, Кусуноки Масасиге и другихъ главныхъ участниковъ въ политическихъ событіяхъ того времени. Недавнее изслѣдованіе, однако, кажется, устанавливаетъ тотъ фактъ, что авторомъ его дѣйствительно былъ монахъ Кодзима, принадлежавшій, вѣроятно, къ одному изъ трехъ тысячъ монастырей горы Хіей-дзанъ и умершій въ 1374 году; больше о немъ ничего неизвѣстно. Если это вѣрно, то или приведенный выше рассказъ одна изъ выдумокъ, какихъ не мало въ японской литературѣ, или же Кодзима, быть можетъ, пользовался матеріалами, собранными вышеуказаннымъ способомъ. Доказательства, которыя можно извлечь изъ самаго сочиненія, говорятъ въ пользу того, что Тайхейки есть произведеніе одного лица, которое писало вскорѣ послѣ событій, имъ передаваемыхъ, и которое болѣе обязано было своему собственному воображенію, чѣмъ непосредственному полученію свѣдѣній отъ героевъ этой исторіи.

Тайхейки начинается очеркомъ исторіи сїюгуната съ самаго его основанія Юритомо въ 1181 году, а затѣмъ переходитъ къ описанію политическаго состоянія Японіи при вступленіи на престолъ Го-Дайго въ 1319 году. Событія этого царствованія, которое окончилось въ 1339 году, переданы съ значительными подробностями, и сочиненіе доведено до конца царствованія Го-Мураками въ 1368 году.

Тайхейки въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько главъ, которыя мало, или даже нисколько не вяжутся съ общимъ планомъ сочиненія и очень походятъ на вставки, сдѣланныя какимъ-нибудь позднѣйшимъ писателемъ. Таковы главы: о возстанїяхъ въ Японіи, о завоеваніи Ямато императоромъ Дзимму-тенно, о корейскомъ походѣ императрицы Дзинго и о монгольскомъ нашествіи въ Японію Хубилай-хана. Прибавленія изданія Сомоку, конечно, отсутствуютъ въ оригиналѣ.

Тайхейки, что значитъ—запись о великомъ мирѣ, является конечно страннымъ названіемъ для исторіи одного изъ самыхъ безпокойныхъ періодовъ, какіе только были въ Японіи. Она представляетъ собою послѣдовательный рядъ интригъ, измѣнъ, тайныхъ заговоровъ и открытой борьбы съ массовыми смертными приговорами о ссылкѣ. Однако, первоначальное названіе произведенія было не таково. Сначала оно называлось Анки-юрайки, т. е. запись о причинахъ мира и опасности; другое его названіе было Кокка-циранки, т. е. запись о

мирѣ и безпорядкахъ въ государствѣ. Эти послѣднія наименованія скорѣе наводятъ на мысль о философской исторіи, но само сочиненіе является опроверженіемъ этого. Очевидно, это произведеніе принадлежит не государственному дѣятелю или философу, а беллетристу, задавшемуся цѣлью создать разукрашенную, романтическаго характера, историческую повѣсть. Разъ только онъ достигаетъ этого, то въ способѣ достиженія, и факты дѣйствительные, и вымыслы для него совершенно безразличны. Трудно сказать, что именно — факты или вымыслы — преобладаютъ въ его повѣствованіи. Онъ завѣдомо не точенъ въ такихъ данныхъ, какъ числа, даты и генеалогіи. Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ узорно вышиваетъ свои рассказы объ осадахъ и бояхъ съ такими подробностями, которыя никоимъ образомъ не могли быть переданы самыми очевидцами, и по сравненію со снами, предзнаменованіями, чудесными случайностями, которыми изобилуетъ его исторія. Не мало также рѣчей, приписанныхъ имъ очевидно къ лицу говорящаго и къ случаю, но которыя, тѣмъ не менѣе, подобно рѣчамъ въ исторіи Фукидида, имѣютъ нѣкоторую историческую цѣнность. Серіозный взглядъ, котораго держатся комментаторы Тайхейки по отношенію къ его частымъ экскурсіямъ въ область романтизма, имѣетъ въ себѣ много забавнаго.

О стилѣ Кодзима (если только онъ авторъ) японскіе критики составили приговоръ, какъ о напыщенномъ и педантичномъ; и надо согласиться, что въ ихъ обвиненіяхъ не мало правды. Тайхейки даетъ много доказательствъ его учености и умѣнья пользоваться всѣми ресурсами китайской и японской риторики. Страницы этого сочиненія мѣстами обременены въ высшей степени китайскими словами и выраженіями и сильно испещрены китайскими историческими намеками и цитатами. По такой его манерѣ писанія «бамбуковая роща», на примѣръ, обозначаетъ фамилію принцевъ, «перечный дворецъ» употребляется въ значеніи императорскаго гарема, «облачные гости» — это придворные; о каретѣ микадо говорится «колесница феникса», о лицѣ микадо — «наружность дракона»; о красивой дамѣ говорится, что она заставляетъ краснѣть Мао-цянъ и Си-ши, двухъ знаменитыхъ красавицъ китайской древности; гражданская война — это время, «когда волчи испаренія затемняютъ небо и китовыя волны потрясаютъ землю». Кодзима не задумывается даже надъ тѣмъ, чтобы прилести сюда изъ китайской и индійской исторіи длинныя эпизоды, представляющіе собою нѣкоторое подобіе тѣхъ событій, которыя онъ описываетъ, особенно если изъ нихъ можно создать что-нибудь романическое.

Еще болѣе противной, чѣмъ его хвастливое выставленіе на показъ своей китайской эрудиціи, является для обыкновеннаго европейскаго читателя буддѣйская теологія, съ которой Кодзима былъ очень хорошо ознакомленъ, и которой введено въ Тайхейки болѣе, чѣмъ достаточно. Исслѣдователи исторіи и религіи найдутъ, однако, эту особенность его сочиненія заслуживающей интереса. Кодзима является типичнымъ выразителемъ, иллюстраціей національной склонности къ компромису и сдѣлкѣ въ дѣлахъ вѣры. Тайхейки дѣлаетъ попытку согласовать три существенно отличающіяся другъ отъ друга системы: китайскую фило-софію, синтоистическую мифологію и буддизмъ, включая въ послѣдній и древніе индѣйскіе мифы, проникшіе въ Японію попутно съ нимъ. Такъ напримѣръ, въ концѣ 16-й книги своего сочиненія онъ описываетъ Янь и Инъ (мужская и женская стихійныя первосилы, или положительное и отрицательное первоначала по китайскому міровоззрѣнію), какъ начало и первоисточникъ всѣхъ вещей. Отъ взаимнаго сплетенія этихъ двухъ элементовъ произошли Идзанаги и Идзанами, божества-первосоздатели синтоистическаго пантеона. Ихъ дочь Тенсію-дайджинъ (богиня солнца), доказываетъ онъ, есть воплощеніе Будды, однимъ изъ служеній котораго по отношенію къ человѣчеству было укротить въ какой-то отдаленный періодъ времени «злыхъ царей шести небесъ» индѣйскаго мифа и заставить ихъ отказаться отъ противодѣйствія распространенію истиннаго ученія (буддизма) въ Японіи.

Однако, Кодзима не всегда черпаетъ свое вдохновеніе изъ китайскихъ источниковъ или теологіи. Подобно тому, какъ въ Хейке-монагатахъ, въ Тайхейки есть значительное количество высокопоэтичныхъ пассажей, не обязанныхъ никакимъ постороннимъ образцамъ и идеямъ. Размѣръ ихъ походить на размѣръ нага-ута, за исключеніемъ того, что чередованіе пяти и семи-словыхъ фразъ перевернуто наоборотъ. Слова китайскаго происхожденія въ нихъ не совсѣмъ исключены. Одинъ изъ такихъ пассажей описываетъ принудительное путешествіе Тосимото, приспѣшника микадо Го-Дайго, въ Камакуру, гдѣ онъ былъ казненъ за измѣну сіюгунату, а другой — путешествіе самого микадо Го-Дайго, въ изгнаніе на островъ Оки. Названія мѣстъ, встрѣчавшихся по пути, введены въ рассказъ такимъ образомъ, чтобы навести на приличествующія обстоятельствамы размышленія.

Эта своеобразная черта Тайхейки имѣла огромное вліяніе на труды драматурговъ и романистовъ Едоскаго періода, какъ это указывается многочисленными прямыми подражаніями указаннымъ пассажамъ, извѣстнымъ подъ именемъ мици-юки, т. е. путешествія, и

ритмически колеблющимся чередованіемъ семи и пяти-слоговыхъ фразъ по примѣру Тайхейки, что и получило затѣмъ большое распространеніе въ послѣдующей народной литературѣ. Европейцы, которые предполагали бы взяться за изученіе Тайхейки, будутъ довольны, узнавъ, что въ немъ еще остается добрая часть правильнаго, дѣловитаго повѣствованія, которое хотя и не безъ случайныхъ цвѣтистыхъ фразъ и живописныхъ штриховъ, въ общемъ похвально свободно отъ недоступныхъ пониманію намековъ и темныхъ метафоръ, приводящихъ въ замѣшательство непосвященнаго въ нихъ и признаваемыхъ за педантизмъ даже тѣми, кто понимаетъ ихъ.

Языкъ Тайхейки сильно отличается отъ языка произведеній Хейанскаго періода. Древнія формы замѣнены болѣе простыми, грамматическая конструкція болѣе отдѣлана, а словарь обогащенъ введеніемъ большого количества китайскихъ словъ, заимствованныхъ прямо изъ китайскихъ книгъ, а не допущенныхъ, какъ прежде, въ литературный языкъ только послѣ того, какъ они прошли черезъ языкъ разговорный.

Значеніе Тайхейки въ исторіи японской литературы гораздо больше, чѣмъ могли бы мы ожидать, основываясь на дѣйствительно присутствующихъ этому произведенію достоинствахъ. Оно является основаніемъ для новѣйшаго литературнаго стиля болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое произведеніе, и его худыя или хорошія качества отразились вообще прямо или косвенно, на произведеніяхъ множества его подражателей.

Событія и лица, описываемыя имъ, служатъ темами для очень многихъ новѣйшихъ произведеній японской литературы, а намеки на Тайхейки встрѣчаются постоянно. Кромѣ этого, его популярность свидѣтельствуется уже тѣмъ фактомъ, что въ Кіото и Едо появился особый классъ профессионаловъ, зарабатывавшихъ себѣ средства жизни чтеніемъ Тайхейки; они соответствовали тѣмъ бонзамъ, что распѣвали Хейке-моногатари подъ аккомпаниментъ бива.

Нижеприведенный отрывокъ представляетъ рассказъ о битвѣ приверженцевъ сіюгуна съ монахами горы Хіей-дзанъ, которые приняли однажды сторону микадо. Сраженіе происходило недалеко отъ Карасаки на берегу озера Бива. Этотъ пассажъ можетъ служить образчикомъ, какъ онъ вѣроятно и былъ образцомъ, описанія безчисленныхъ подобныхъ сраженій въ японской литературѣ.

«Когда Кайто увидѣлъ это, онъ воскликнулъ: «Враги немногочисленны; мы должны разсѣять ихъ прежде, чѣмъ подойдетъ подкрѣпленіе. За мной ребята!» Съ этими словами онъ извлекъ свой мечъ, длиною

въ 3 фута 6 дюймовъ, и, приподнявъ передъ собою свой лѣвый, покрытый броней рукавъ, какъ защиту отъ стрѣль, устремился въ самую средина водоворота находившихся въ ожиданіи враговъ. Онъ уложилъ трехъ изъ нихъ. Затѣмъ, отступивъ къ берегу озера, онъ собралъ къ себѣ своихъ соратниковъ. И вотъ, когда Квайдзицу, монахъ изъ Окамото, замѣтилъ его издали, онъ отбросилъ прочь щитъ, который выставилъ передъ собою, и со своей алебардой, длиной въ 2 фута 8 дюймовъ, вертя ея, какъ вертится водяное колесо, стремительно напалъ на Кайто. Кайто встрѣтилъ ударъ своимъ лѣвымъ покрытымъ броней рукавомъ, тогда какъ своею правою рукою онъ направилъ ударъ въ головную чешуйку шлема своего противника, рассчитывая разсѣчь его совсѣмъ на двое. Но мечъ его соскользнулъ вкось на раменную чешую, а оттуда внизъ на край крестообразно скрѣпленнаго наплечника, не причинивъ ему никакого вреда. Стараясь повторить ударъ, онъ сдѣлалъ такое усиліе, что его лѣвый стремянной ремень лопнулъ, и онъ былъ недалекъ отъ того, чтобы упасть съ лошади. Онъ поправился въ сѣдлѣ, но пока онъ дѣлалъ это, Квайдзицу вонзилъ снизу два или три раза подрядъ древко своей алебарды, такъ что конецъ его вошелъ въ шлемъ. Кайто, пронзенный въ дыхательное горло, кувыркомъ полетѣлъ со своей лошади. Квайдзицу тотчасъ же поставилъ свою ногу на висящую кисть доспѣховъ Кайто и, схвативъ его за волосы, началъ тянуть его къ себѣ, отрѣзая въ то же время ему голову, которую онъ затѣмъ воткнулъ на конецъ своей алебарды. «А, хорошее начало! Я убилъ военачальника изъ военной партіи», — воскликнулъ онъ радостно съ торжествующимъ смѣхомъ. Пока онъ стоялъ здѣсь, изъ среды зрителей отдѣлился мальчикъ, приблизительно 15—16 лѣтъ, съ волосами, связанными еще на манеръ «китайскаго кольца»¹⁾, одѣтый въ латы темнаго цвѣта и высоко подобранные шаровары; обнаживъ свой маленькій, оправленный въ золото мечъ, онъ устремился на Квайдзицу и съ силою ударилъ его три или четыре раза по головнымъ чешуйкамъ шлема. Квайдзицу быстро обернулся, но видя, что это ребенокъ дважды восьми лѣтъ, съ подведенными бровями и вычерненными зубами²⁾, онъ подумалъ, что убить мальчика такого возраста было бы актомъ жестокости, неприличествующимъ его монашескому сану. Чтобы не убить его, Квайдзицу дѣлалъ отбивы, фехтуя все время своимъ оружіемъ надъ нимъ. Затѣмъ ему удалось выбить мечъ изъ рукъ мальчугана древкомъ своей алебарды и схватить его въ свои руки; но пока онъ старался сдѣлать это, нѣкото-

1) Родъ китайской мужской прически.

2) Въ древности чернили зубы и мальчикамъ.

рые изъ партіи Хіей¹⁾), идя окольными путями, приблизились по узкой тропинкѣ между рисовыми полями, и стрѣла, пущенная однимъ изъ нихъ, уложила малаго замертво на мѣстѣ, пронзивъ ему сердце.

По разслѣдованіи оказалось, что это былъ старшій сынъ Кайто по имени Каравакамару. Получивъ запрещеніе отъ отца принимать участіе въ сраженіи, онъ остался недоволенъ этимъ и, смѣшавшись съ толпою зрителей, слѣдовалъ сзади. Хотя и ребенокъ, онъ отъ природы былъ воиномъ, и когда онъ увидѣлъ, что его отецъ убитъ, онъ также палъ, сражаясь на томъ же самомъ ратномъ полѣ, оставивъ послѣ себя имя. О, какая жалость!

Когда воины Кайто увидѣли это, они почувствовали, что послѣ того, какъ ихъ предводитель и его сынъ убиты на ихъ глазахъ и, что еще хуже, головы ихъ взяты непріателемъ, никто изъ нихъ не долженъ вернуться домой живымъ. Тридцать шесть человекъ изъ нихъ, поводъ въ поводъ, кинулись въ атаку, сгорая одинъ передъ другимъ желаніемъ пасть въ бою и сдѣлать себѣ изголовье изъ мертваго тѣла своего господина. Увидя это, Квайдзицу разразился смѣхомъ. «Ха! ха! у васъ ребята, нѣтъ никакого пониманія»,—воскликнулъ онъ.—«Вы должны бы болѣе думать о томъ, чтобы захватить головы враговъ, вмѣсто того, чтобы только отбивать у нихъ головы своихъ собственныхъ людей. Это предзнаменованіе паденія военнаго могущества; если вамъ нужно голову, вы можете получить ее.» Такъ говоря, онъ бросилъ голову Кайто въ середину враговъ и внизъ-сметающими ударами расчистилъ мѣсто по всѣмъ направленіямъ.»

Слѣдующій образчикъ стила Кодзима взятъ изъ разсказа объ арестѣ Тосимото, одного изъ главныхъ совѣтниковъ микадо Го-Дайго; Тосимото былъ арестованъ по обвиненію его въ заговорѣ противъ сіюгуна.

«Въ 11-й день седьмого мѣсяца онъ во второй разъ былъ арестованъ и взятъ въ Рокухара (резиденція представителя сіюгуна въ Кіото), а затѣмъ отправленъ въ восточныя провинціи. Онъ отправился въ путь, хорошо зная, что законъ не прощаетъ вторичнаго преступленія этого рода, и что его уже никогда не выпустятъ, что бы онъ ни говорилъ въ свою защиту. Съ нимъ будетъ или покончено во время путешествія, или же онъ будетъ казненъ въ Камакурѣ. Другой исходъ былъ невозможенъ».

¹⁾ Т. е. монахи съ горы Хіей-дзанъ.

Загѣмъ безъ всякаго перехода слѣдуетъ пассажъ, который по размѣру, дикціи и чувству является вполне поэтическимъ. Онъ, однако, не есть оригинальное произведеніе Кодзима, а состоитъ большей частью изъ отрывковъ стихотвореній древнихъ писателей, удержавшихся въ памяти автора.

„Одна только ночь впереди, и чужое отведено будетъ жилище,
Вдали отъ Кадамо¹⁾, въ которомъ весною онъ часто бродить
По снѣгу съ деревьевъ сроченныхъ вишневымъ цвѣтомъ;
Вдали отъ Араси горы²⁾, съ которой бывало онъ въ вечеръ осенній
Возвращался одѣтый парчею багряной кленовой листвы.
Въ тоскѣ его умъ не могъ имѣть думы иной, какъ только о домѣ,
Съ которымъ онъ связанъ любви неразрывною связью,
Какъ только о дѣтяхъ, женѣ, грядущее конхъ темно ему было.
„Разъ послѣдній“—онъ думалъ, когда онъ смотрѣлъ
На городъ микадо, что въ девять оградъ,
Что былъ ему домоу столь многіе годы.
Какъ было, должно быть, печально внутри его сердце,
Когда въ этотъ неггаданный путь онъ пошелъ!
Въ фонтанѣ заставы Осака³⁾ рукавъ намочился его,—
Но для того, чтобы скорбь удержать,—увы! нѣтъ заставы такой.
Черезъ гору направилъ онъ стѣду съ Уциде по хама⁴⁾,
Когда съ берега онъ взгляды кидать далеко черезъ волны.“

Здѣсь авторъ такъ отдается остроумному, основанному на игрѣ словъ, комбинированію названій мѣстъ, встрѣчавшихся на пути Госимото, съ главной идеей разсказа, что слѣдовать ему въ переводѣ совершенно невозможно.

Ниже приведена одна изъ вставленныхъ главъ Тайхейки. Въ ней описывается въ очень измышленномъ видѣ знаменитое монгольское нашествіе Хубилай-хана въ Японію въ 13-мъ столѣтіи нашей эры.

«Изучая внимательно записи древнихъ временъ въ часы досуга, доставляемые мнѣ тремя излишними явленіями (ночь, зима и дождь), я нахожу, что со времени сотворенія міра было семь нашествій иноземныхъ государствъ въ Японію. Самое замѣчательное изъ этихъ нападений было въ годъ правленія Бунъ-ей (1264—1275 г.) и Коанъ (1278—1288 г.). Въ это время великій Юаньскій императоръ (Хубилай-ханъ) подчинилъ себѣ силою оружія четыреста провинцій Китая. Небо и земля были подчепены его власти. Трудно допустить, чтобы какая-нибудь маленькая страна, въ родѣ нашей, могла сопротивляться

1) Мѣстность недалеко отъ Кіото, славящаяся вишневыми цвѣтами.

2) Гора Араси-яма недалеко отъ Кіото.

3) Между Кіото и Оцу.

4) Уциде по хама значитъ берегъ отправления и въ то же время представляетъ собою названіе мѣста.

ему, и то, что она легко и безъ усилій могла уничтожить войска великаго Юаньскаго государства, обязано ничему иному, какъ божескому благословенію.

Планъ экспедиціи былъ таковъ. Военачальникъ Вань, командовавшій Юаньскими войсками, исчисливъ поверхность пяти пристоличныхъ провинцій Японіи въ 3,700 квадратныхъ ри¹⁾, рассчиталъ, что для наполненія этихъ мѣстъ войсками такъ, чтобы ни одна часть не осталась незанятою, потребуется армія въ 3,700,000 человекъ. И вотъ онъ выступилъ изъ разныхъ портовъ и бухтъ со своими войсками, посаженными на корабли, которые составляли флотъ болѣе чѣмъ 70,000 большихъ судовъ. Наше правительство, имѣя предварительныя свѣдѣнія объ этомъ планѣ, отдало распоряженіе, чтобы сдѣланы были приготовленія. Войскамъ изъ Сиккоку и Кюсю было приказано собраться, какъ можно поспѣшнѣе, у Хаката въ провинціи Цукуси; войска западныхъ провинцій главнаго острова сѣдѣли къ столицѣ; между тѣмъ какъ люди изъ Тосандо²⁾ и сѣверныхъ провинцій заняли портъ Цуруга въ Ецидзень.

Послѣ этого военные корабли великаго Юаньскаго государства, въ числѣ 70,000, прибыли вмѣстѣ къ порту Хаката въ 3-й день восьмого мѣсяца второго года Бунъ-ей (1265 г.) Ихъ большіе корабли были связаны вмѣстѣ и чрезъ нихъ проложены отъ одного къ другому висячіе переходы (трапы). Каждое отдѣленіе (кораблей) было окружено ширмами изъ промасленнаго холста; ихъ оружіе было расположено правильными рядами. Отъ острововъ Гото по направленію на востокъ вплоть до Хаката море было заперто со всѣхъ сторонъ на пространствѣ 400 ри и внезапно превратилось въ сухую землю. Пожалуй, иной сталъ бы удивляться, не выдѣлились ли это испаренія морской змѣи и образовали миражъ.

На сторонѣ японцевъ былъ устроенъ лагерь, который раскинулся на тринадцать ри по Хакатскому берегу. Фронтъ его образовалъ высокій каменный валъ, обрывистый къ сторонѣ непріятеля, но такъ устроенный въ тылу, чтобы дать нашимъ войскамъ возможность свободно двигаться. Подъ прикрытіемъ его были воздвигнуты облицеванныя (обмазанныя) стѣны и устроены казармы, въ которыхъ были размѣщены въ должномъ порядкѣ многіе десятки тысячъ людей. Думали, что такимъ образомъ врагу невозможно будетъ опредѣлить наше число.

1) Одно японское ри около $3\frac{1}{2}$ верстѣ.

2) Область Восточной Японіи, состоявшая въ разное время изъ разнаго числа провинцій.

Но на носсахъ вражескихъ кораблей были установлены на высоту нѣсколькихъ сотъ футовъ брусья въ родѣ тѣхъ, что употребляются для подъема воды изъ колодцевъ, и на концахъ ихъ были устроены платформы. Съ нихъ люди имѣли возможность видѣть японскій лагерь внизу и сосчитывать кончикъ каждаго волоска. Кромѣ этого они посоединяли вмѣстѣ плахи на ширину сорока или пятидесяти футовъ, такъ чтобы образовать родъ плотовъ, которые, бывъ положены на поверхность воды, давали множество ровныхъ дорогъ на волнахъ, подобно тремъ большимъ проѣзжимъ дорогамъ, или двѣнадцати главнымъ улицамъ (въ Кіото). По этимъ дорогамъ проходило много десятковъ тысячъ непріятельской кавалеріи и сражалось съ такимъ бѣшенствомъ, что наши войска понемногу теряли свой пылъ и многіе изъ нихъ имѣли мысли объ отступленіи. Когда билъ барабанъ и рукопашный бой уже начался, то изъ вещей, называемыхъ «теппо» (ружье), они, со звукомъ, подобно желѣзнымъ колесамъ, катящимся по крутому скату, заставляли вылетать желѣзные шары, въ родѣ большихъ мячей, сопровождаемые вспышками огня, подобно молніи. За одинъ разъ ихъ выпускалось двѣ или три тысячи. Большинство японскихъ войскъ было сожжено до смерти, а ихъ ворота и башенки преданы огню. И не было возможности тушить пламя.

Когда люди изъ верхняго Мацуура и нижняго Мацуура ¹⁾ увидѣли это, они почувствовали, что обыкновенныя мѣры будутъ безполезны, такъ что они сдѣлали обходъ изъ другой бухты и только съ тысячею человѣкъ отважились на ночное нападеніе. Но какъ бы, однако, ни были они храбры, они были не болѣе, какъ одинъ волосокъ на быкъ, или одно зерно риса въ житницѣ. Напавъ съ такими малыми силами, они убили нѣсколько десятковъ тысячъ враговъ, но въ концѣ концовъ всѣ попались въ плѣнъ. Они были связаны жесткими веревками и ихъ руки пригвождены къ бульваркамъ линіи кораблей.

Никакое дальнѣйшее сопротивленіе не было возможно. Всѣ люди изъ Кюсю бѣжали въ Сикоку и провинціи сѣвернѣе Внутренняго моря. Вся японская нація была охвачена паникой и не знала, что дѣлать. Императоръ посѣщалъ храмы синтоистическихъ боговъ, совершалъ въ буддійскихъ храмахъ всякаго рода моленія, и въ удрученномъ умѣ составлялъ всевозможные планы. Онъ отправлялъ своихъ посланцевъ съ жертвенными приношеніями всѣмъ богамъ неба и земли и во всѣ буддійскіе храмы для вознесенія моленій, во всѣхъ шестидесяти провинціяхъ. Въ седьмой день, когда окончены были императорскія моле-

¹⁾ Названіе мѣстностей въ провинціи Цукуси.

нія, съ озера Сува ¹⁾ поднялось облако многихъ цвѣтовъ, по формѣ похожее на большую змѣю, и стало распространяться по направленію къ западу. Двери сокровищницы храма въ честь Хацимана распахнулись настезь, и небеса наполнились звукомъ скачущихъ лошадей и бряцающихъ удиль. Въ двадцати одномъ храмѣ на горѣ Хіей зашевелились парчей окутанныя зеркала ²⁾, мечи въ храмовой сокровищницѣ стали съ острыми лезвіями, и всѣ башмаки, принесенные въ жертву богу, повернулись къ западу ³⁾. Въ Суміюси выступилъ потъ изъ подъ сѣдель четырехъ лошадей, посвященныхъ божествамъ ⁴⁾, а желѣзные щиты сами повернулись и выстроились въ линію фронтомъ къ непріятелю». (Далѣе слѣдуетъ еще много подобныхъ чудесъ).

«И вотъ Вань, военачальникъ великаго Юаньскаго государства, поднявъ якоря своихъ 70,000 кораблей, въ часу дракона въ седьмой день восьмого мѣсяца отправился въ Нанато и Суво мимо Модзи и Акама-га-секи (Симоносеки). Его флотъ былъ въ полпути своего плаванія, когда погода, бывшая безвѣтренной, съ облаками совершенно спокойными, внезапно измѣнилась. Кучи черныхъ облаковъ, поднявшихся съ сѣверо-востока, закутали небо, задулъ яростно вѣтеръ, и шумящіе валы вздымались до неба; раскатывался громъ, и молнія такъ часто ударяла въ землю, что казалось, будто великія горы распались и высокое небо свалилось на землю. 70,000 военныхъ кораблей иноземныхъ пиратовъ, или ударялись о скалистые рифы и разбивались на мелкія части, или, завертѣвшись въ бушевавшихъ водоворотахъ, шли ко дну со всѣми людьми.

Однако, одинъ военачальникъ Вань не былъ ни унесенъ штормомъ, не былъ ни погребенъ подъ волнами, но былъ вознесенъ высоко

¹⁾ Въ провинціи Сивано.

²⁾ Въ каждомъ синтоистическомъ храмѣ хранится эмблема божества (ми-тама-сиро), состоящая изъ трехъ вещей: металлическаго зеркала, меча и рѣдкаго камня. Зеркало нѣкоторыми японскими писателями приравнивается къ самому божеству, т. е. къ богинѣ солнца, другіе же усматриваютъ въ немъ одно лишь изображеніе богини. Оно хранится въ ящикѣ и завернуто въ брокатную матерію. Зеркало никогда не вынимается, и когда матерія приходитъ въ ветхость, то не снимая ее, зеркало вмѣстѣ съ ветхой матеріей завертываютъ въ новый кусокъ матеріи. Такимъ образомъ зеркало хранится въ нѣсколькихъ слояхъ болѣе или менѣе ветхой брокатной матеріи. (Chamberlain and Mason: Handbook).

³⁾ Въ древности божествамъ дѣлались преподнесенія матеріей, платьемъ, обувью и пр. Въ настоящее время это замѣнено т. н. гокей или полосками бѣлой бумаги. Въ настоящемъ случаѣ башмаки повернулись къ западу, т. е. въ сторону непріятеля, какъ бы въ знакъ того, что божество собирается выступить въ походъ по направленію къ врагу.

⁴⁾ При синтоистическихъ храмахъ содержатся священныя лошади (дзимме), большей частью бѣлыя.

и оставленъ въ тихомъ уединеніи средняго неба. Здѣсь онъ лѣтъ встрѣченъ мудрецомъ, по имени Ріо-то-бинъ, который пришелъ съ запада, паря по воздуху. Онъ обратился къ военачальнику Ванъ съ такими словами: «Боги неба и боги земли всей страны Японіи, 3700 храмовъ слишкомъ, подняли этотъ пагубный вѣтеръ и заставили сердитые валы вздыматься высоко. Человѣческая мощь не можетъ противустоять имъ. Я совѣтую тебѣ сейчасъ же съѣсть на твой единственно оставшійся, поврежденный корабль и возвратиться въ твою собственную страну». Военачальникъ Ванъ внялъ увѣщаніямъ. Онъ съѣлъ на единственный оставшійся поврежденный корабль, храбро преодолѣлъ совершенно одинъ волны 10,000 ри океана и затѣмъ прибылъ въ портъ Минъ-чжоу (въ Китаѣ)».

Тепло, переведенное словомъ ружье, значитъ дословно — „железная труба“. Собственно подъ этимъ словомъ надо разумѣть кремневое ружье. Но согласно съ энциклопедіей, называемой Сансай-дзюе ¹⁾, ни пушки, ни кремневые ружья не были извѣстны китайцамъ до 16-го столѣтія. Кремневые ружья ввезены были впервые въ Японію Мендецемъ Пинто и его товарищами въ 1543 году, а китайцамъ они стали извѣстны еще позже. Отсюда тотъ выводъ, что это мѣсто и, вѣроятно, вся глава есть позднѣйшая вставка.

Пожалуй, здѣсь является необходимымъ напомнить читателю, что въ этомъ разсказѣ между фантастически вышитыми узорами кроется и нѣкоторое ядро факта. Хубилай-ханъ приблизительно въ указываемое разсказомъ время послалъ противъ Японіи громадный флотъ, который потерпѣлъ такую же участь, какъ испанская Армада, снаряженная для завоеванія Англіи.

ГЛАВА II.

Кенко и его произведение Цуре-дзуре-гуса.

Если въ японской литературѣ есть бесплодные пустыни, то въ ней попадаются также и пріятные оазисы, и Цуре-дзуре-гуса ²⁾ есть одинъ изъ самыхъ восхитительныхъ въ числѣ ихъ. Это произведение представляетъ собою сборникъ короткихъ очерковъ, анекдотовъ и набросковъ на всевозможные воображаемые предметы, нѣчто въ родѣ Table talk Сельдена. Авторомъ его былъ нѣкто Кенко-хоси; хоси —

¹⁾ Полное названіе: Ва-Канъ-сансай-дзюе.

²⁾ Переведено С. S. Eby въ журналѣ Chrysanthemum, vol. iii.

это почетная приставка, приблизительно въ значеніи нашего преподабный. Онъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи и вель свое происхожденіе чрезъ разныя поколѣнія знаменитыхъ лицъ отъ синтоистическаго божества Ама-но-кояне-но-микото. Много лѣтъ онъ состоялъ на службѣ при отрешеніи отъ престола микадо Го-Уда-но-инъ и его сочиненія показываютъ его близкое знакомство съ образомъ жизни и обычаями двора микадо. По смерти своего господина въ 1324 г. Кенко сдѣлался буддѣйскимъ монахомъ и удалился отъ общественной жизни, проводя остатокъ своихъ дней въ разныхъ уединенныхъ мѣстахъ по сосѣдству съ Кіото. О времени его смерти точно неизвѣстно, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что, какъ утверждаютъ, онъ умеръ въ 1350 году, на шестьдесятъ восьмомъ году своей жизни.

Японскіе писатели держатся весьма противорѣчивыхъ мнѣній о его личномъ характерѣ. Одни называютъ его развратнымъ, недобросовѣстнымъ, пошлымъ жрецомъ и приводятъ старую скандальную исторію, рассказываемую въ Тайхейки, о томъ, какъ онъ писалъ для Ко-но-Моронао письма, которыя тотъ адресовалъ женѣ судьи Енъя Такасада, преслѣдуя свои адюльтерскія искательства. Но Тайхейки авторитетъ очень сомнительнаго свойства, и существуютъ другія данныя, на основаніи которыхъ можно заподозрить правдивость этого разсказа. Почитатели Кенко утверждаютъ, что онъ былъ поистинѣ благочестивый человѣкъ.

Если составлять сужденіе на основаніи его сочиненій, то Кенко имѣетъ какъ бы двѣ отдѣльныхъ личности: проникательнаго, внѣшне-образованнаго, отчасти циничнаго свѣтскаго человѣка и буддѣйскаго святоши; первыя черты его характера имѣютъ рѣшительное преобладаніе. Религіозныя его убѣжденія, какъ кажется, были искренны, но во всякомъ случаѣ они не были глубоки. Подобно Горацію, котораго онъ очень напоминаетъ по характеру, у него были свои благочестивые порывы, но онъ былъ очень далекъ на самомъ дѣлѣ отъ того, чтобы быть святымъ. Послѣдователь ученія буддѣйской секты Тендай, онъ имѣлъ много, что сказать, и говорилъ это хорошо, о непрочности земной жизни, о безуміи честолюбія и денежной наживы, и о необходимости отрѣшиться отъ вождельній этого порочнаго міра и заблаговременно приготовиться къ бытію вѣчному. Но старый грѣшникъ всегда сказывается въ немъ. Его порочныя наклонности не могли быть подавлены и, то и дѣло, заявляютъ о своемъ существованіи, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ тѣ пассажи изъ его сочиненій, на которые его преданные почитатели снисходительно хотятъ закрыть глаза.

Его религія была не того крѣпкаго закала, которая преуспѣваетъ среди заботъ и развлеченій міра, и которою обыкновенная жизнь можетъ быть обращена въ «благоухающее пламя на алтарѣ». Въ своихъ запискахъ онъ высказалъ мнѣніе (обще-присущее впрочемъ сектѣ, къ которой онъ принадлежалъ), что истинное благочестіе невозможно за исключеніемъ, какъ въ уединеніи отъ міра. Когда однажды покой его собственнаго отшельничества былъ нарушенъ посѣщеніемъ охотничьей компаніи, онъ сложилъ стихотвореніе, въ которомъ жалуется, что міръ преслѣдуетъ его даже здѣсь, и перенесъ свое жилище въ еще болѣе глухое мѣсто. Но при всѣхъ его предосторожностяхъ ему все-таки не удалось достичь нирваны, если понимать подъ этимъ терминомъ святое спокойствіе ума, которое дается долго дѣющимся размышленіемъ о божественныхъ вещахъ.

Имя Кенко, которое онъ избралъ себѣ, сдѣлавшись монахомъ, хорошо характеризуетъ его духовное направленіе. Онъ удержалъ два китайскихъ іероглифа, которыми изображалось его мірское имя, Кане-іоси, перемѣнивъ просто на просто только ихъ чтеніе, такъ что оно съ нѣкоторой натяжкой могло служить буддійскимъ монашескимъ именемъ. Это выходитъ въ родъ того, какъ если бы какой-нибудь Оливеръ, напримѣръ, принявъ на себя монашескій санъ, сталъ называться «братъ Оливерусъ» вмѣсто того, чтобы выбрать себѣ имя святого по календарю.

Въ сочиненіяхъ Кенко много самообличеній. Личность, которую они обрисовываютъ, не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя возможно было бы всецѣло любить. Есть что-то неладное въ человѣкѣ, который чувствуетъ отвращеніе къ супружеству (не потому вовсе, чтобы безбрачіе и цѣломудріе были для него синонимами), считаетъ рожденіе дѣтей ошибкой и заявляетъ, что послѣ сорока лѣтъ жизни жить уже не стоитъ. Слѣдующій анекдотъ, который онъ самъ рассказываетъ, освѣщаетъ нѣсколько его любопытно сложный характеръ:

«Даже люди, отъ которыхъ мы не должны были бы ожидать много чувства, высказываютъ иногда хорошія вещи. Нѣкій дикарь страшной наружности, повстрѣчавшись со своимъ сосѣдомъ, спросилъ его, есть ли у того дѣти.— «Нѣтъ ни одного»,—былъ отвѣтъ.— «Въ такомъ случаѣ ты не можешь чувствовать смысла вещей, и твои дѣянія должны дѣлаться съ сердцемъ, лишеннымъ чувства». Это очень сильно сказано. Несомнѣнно справедливо, что черезъ дѣтей (имѣя дѣтей) лю-

ди познають смыслъ вещей. Безъ стези натуральныхъ привязанностей, какъ можетъ быть какое-нибудь чувство въ сердцахъ такихъ людей?»

«Знать или чувствовать смыслъ вещей» (моно но аваре во сиру) есть выраженіе, постоянно повторяющееся въ японской литературѣ, особенно классическаго періода. Ученый критикъ Мотоори разбираетъ его подробно въ своемъ разсужденіи о природѣ поэзіи, посвященъ названіе Исо-но-ками-но-сисюкугенъ. Выраженіе это значитъ: имѣть чувствительную, поддающуюся душевнымъ волненіямъ натуру, *le coeur sensible*, какъ говорятъ французы; оно прилагается въ болѣе частномъ смыслѣ къ способности испытывать впечатлѣнія, производимыя на человѣка природой въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Кенко безъ сомнѣнія выразилъ-бы презрѣніе къ той идеѣ, что образованному человѣку, ученому и поэту, подобно ему, необходимо быть отцомъ, чтобы пробудить его чувствительность, хотя для «такихъ особъ», какъ напримѣръ, грубый крестьянинъ его анекдота, быть отцомъ какъ разъ къ мѣсту.

Послѣдователи разныхъ религіозныхъ и этическихъ системъ, имѣвшихъ мѣсто въ Японіи, считали Кенко учителемъ каждый своей именно системы доктринъ. Правда, что хотя онъ главнымъ образомъ былъ буддистомъ, онъ со свободомысліемъ, характерной чертою японской націи, выказывалъ болѣе, чѣмъ простую терпимость къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Онъ не только относился съ уваженіемъ къ синтоистическому пантеону, но глубоко изучалъ конфуціанскую моральную философію и даже даосизмъ, эту массу темныхъ умозрительныхъ теорій, приписываемую Лао-цзы и его ученику Чжуанъ-цзы. Но было бы ошибочно смотрѣть на него, какъ на послѣдователя и приверженца какого-нибудь частнаго религіознаго толка, или какъ на учителя морали вообще. Онъ самъ говоритъ во вступительныхъ разсужденіяхъ Цуре-дзуре-гуса, что оно писалось для того, чтобы скоротать долгіе дни скуки (цуре-дзуре), когда онъ сидѣлъ съ тушницей передъ собою и записывалъ всевозможные пустяки по мѣрѣ того, какъ они приходили ему на умъ. Если вѣрно говорить одинъ изъ послѣднихъ издателей его, то оно не предназначалось даже для опубликованія, и въ настоящей своей формѣ было собрано неизвѣстнымъ лицомъ уже послѣ его смерти.

Кенко былъ любителемъ старины, выражалась ли она въ формѣ древнихъ произведеній искусства, или древнихъ обычаевъ и формъ рѣчи, которая была принята (и теперь еще принята) при дворѣ микадо, или въ старинныхъ книгахъ. Онъ въ особенныхъ выраженіяхъ почти-

тельности отзываясь о Гендзи-моногатари и Макура-но-соси, на каких произведеніяхъ образовался очевидно и его собственный стиль. Его стиль сильно отличается отъ той установившейся манеры рѣчи, обремененной китайскими словами, метафорами и намеками, которая въ его дни почти вытѣснила старыи японскій языкъ Хейанскаго періода. Однимъ словомъ, Кенко запоздавшій классикъ. Онъ не имѣетъ ничего противъ полезнаго китайскаго слова или подходящей иллюстраціи, заимствованной изъ китайской исторіи, но его болѣе чистый вкусъ отвергаетъ пышно-словныя пошлости и педантичное выставленіе на показъ учености, что весьма часто обезображивало творенія подражателей китайскимъ образцамъ. Его наброски читаются подобно бесѣдѣ свѣтски образованнаго человѣка и по внѣшности отличаются той простотой и легкостью выраженій, которыя являются результатомъ тщательно исполненной, искусной обработки стиля.

Тѣ, кто хотѣлъ бы приняться за изученіе старой японской литературы, не могутъ выбрать ничего лучше, какъ Цуре-дзуре-гуса. Оно не такъ трудно читается, какъ Гендзи-моногатари и Макура-но-соси, а новое изданіе, называемое Цуре-дзуре-гуса-коги, оказываетъ всякую помощь путемъ толкованій тѣмъ, кто достигъ въ японскомъ языкѣ достаточнаго успѣха, чтобы самому пользоваться ими. Любитель художественно изданныхъ книгъ предпочтетъ изящныя старыя, печатанныя съ дерева изданія 1672 и 1688 годовъ, оба снабженныя значительнымъ количествомъ замѣтокъ.

Кенко пользовался громкой извѣстностью, какъ слагатель танка. Онъ былъ однимъ ихъ «четырехъ небесныхъ царей» (выраженіе, заимствованное изъ индійской мифологіи), какъ называли въ его время четырехъ главныхъ поэтовъ. Большинство изучающихъ японскую литературу, пожалуй, скажетъ, что къ счастью приложеніе поэтическаго таланта Кенко нашло себѣ другіе пути: Цуре-дзуре-гуса не уснащено танка.

Нѣкоторыя извлеченія изъ Цуре-дзуре-гуса.

«Когда мнѣ было восемь лѣтъ, я спросилъ своего отца: «Что такое Будда?» — Онъ отвѣтилъ: «Будда это нѣчто такое, во что можетъ обратиться человѣкъ». — «Какъ же можетъ кто-нибудь сдѣлаться буддой?» — спросилъ я. — «Черезъ ученіе какого-нибудь будды». — «Но кто училъ того будду, который преподаетъ намъ это ученіе?» — «Онъ содѣлывается буддой черезъ ученіе другого будды, который былъ до него.» — «Въ такомъ случаѣ изъ какого рода будды былъ тотъ будда, первый изъ всѣхъ, который началъ

ученіе?» — Отецъ мой не зналъ, что отвѣтить и сказать, смѣясь: «Я полагаю, что онъ, должно быть, снизошелъ съ неба или вышелъ изъ земли». — Онъ имѣлъ обыкновеніе рассказывать эту бесѣду своимъ пріятелямъ, къ ихъ большому удовольствію».

«Какъ бы ни былъ образованъ человѣкъ, но безъ свѣтскаго доска онъ очень унылое существо. Такой человѣкъ напоминаетъ мнѣ цѣнную винную чарку, не имѣющую дна».

«Надо завидовать тому человѣку, умъ котораго устремленъ къ будущему и которому хорошо извѣстенъ путь Будды».

«Что болѣе всего бросается въ глаза людямъ въ женщинѣ, такъ это красота ея волосъ. Ея качества и наклонности могутъ быть выведены изъ манеры ея рѣчи, хотя бы и была поставлена ширма, скрывающая ее. Бываютъ также случаи, когда самая ея поза, если она сидитъ, сбиваетъ съ толку сердце мужчины. Тогда, пока не осуществятся его надежды, онъ переноситъ терпѣливо то, чего не должно переносить равнодушный даже къ своей жизни. Только любовь и можетъ сдѣлать это. Глубоки дѣйствительно корни страсти, и далеки источники ея. Для насъ возможно отдѣлаться отъ всѣхъ другихъ вожелѣній этого испорченнаго міра, одно это только очень трудно искоренить. Старый и молодой, умница и дуракъ — всѣ одинаково рабы его. Поэтому и говорилось, что шнуркомъ, скрученнымъ изъ волосъ женщины, можно крѣпко связать большого слона, что свисткомъ, вырѣзаннымъ изъ женской сандалии навѣрняка можно приманить оленя осенью¹⁾».

Это то обольщеніе, которое мы должны карать въ самихъ себѣ, это то, противъ чего мы должны быть на сторожѣ».

«Однажды въ 10-мъ мѣсяцѣ (около нашего сентября) я предпринялъ прогулку по долинѣ Курусу²⁾ и, изслѣдуя нѣкій горный округъ, который лежалъ по ту сторону, я направилъ свой путь вдоль по узкой, заросшей мохомъ тропинкѣ, какъ вдругъ пришелъ къ одному уединенному домику. Не было слышно ни звука за исключеніемъ капанья воды изъ желоба, схоронившагося подъ упавшими листьями. Онъ былъ, однако, обитаемъ, какъ заключилъ я по хризантемамъ и краснымъ осен-

¹⁾ Течка оленей бываетъ осенью, начинаясь приблизительно около 10 сентября. На охотничьемъ языкѣ это называется „ревъ“. Въ это время охотятся, под-
рѣвая звѣря въ трубу.

²⁾ Въ провинціи Ямасиро.

нимъ листьямъ, которыми усыпана была домашняя божница. «Ахъ!» — подумалъ я, — «даже въ такомъ мѣстѣ можно жить!» — Но, пока я стоялъ, глазѣя, я примѣтилъ въ саду большое персиковое дерево, съ вѣтвями, склоненными до земли. Оно было прочно огорожено со всѣхъ сторонъ. Это (доказательство того, что алчныя желанія проникли даже сюда) до нѣкоторой степени разогнало мои мечтанія, и я отъ всего сердца пожелалъ, чтобы никакого такого дерева не было».

«Если мы беремъ въ руки кисть, то это наводитъ насъ на мысль о писаніи; если мы беремъ за музыкальный инструментъ, то самый актъ этого дѣйствія побуждаетъ насъ заняться музыкой; винная чарка внушаетъ мысль о питьѣ; игральныя кости заставляютъ насъ думать объ азартной игрѣ. Наше сердце неизбѣжно испытываетъ на себѣ вліяніе нашихъ дѣяній. Поэтому мы должны быть осмотрительны, чтобы совершенно воздержаться отъ неназидательныхъ забавъ.»

«Если мы взглянемъ разсѣянно на какой-нибудь стихъ священнаго писанія, то то, что идетъ прежде и слѣдуетъ послѣ, представляется намъ само собою безъ нашихъ усилій, и это можетъ повести насъ къ внезапному исправленію ошибокъ многихъ годовъ. Но если мы никогда не читали бы священнаго писанія, какъ бы могли мы знать это? Въ этомъ заключается польза перелистыванія священнаго писанія.»

«Если даже безъ какихъ бы то ни было благочестивыхъ намѣреній мы преклоняемся предъ Буддой и беремъ въ руки священную книгу и колокольчикъ, то внутри насъ сама собою происходитъ хорошая работа. Если даже съ разсѣяннымъ умомъ садимся мы на веревочный матъ¹⁾, то, сами не замѣчая этого, мы погружаемся въ благочестивыя размышленія».

«Въ сущности дѣйствіе и принципъ одно. Если мы остерегаемся, чтобы избѣжать проступковъ въ нашихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, то внутренний принципъ укрѣпляется. Мы должны поэтому остерегаться, чтобы не сдѣлать невѣріе профессіей, и относиться къ религіи со всѣмъ почтеніемъ и уваженіемъ».

¹⁾ Особаго устройства сидѣніе для созерцанія. Растянутыя свободно по воздуху веревки покрываются сверху кускомъ матеріи, и отшельникъ садится на это опасное, качающееся сидѣніе и предается созерцанію. При малѣйшемъ неосторожномъ движеніи онъ можетъ упасть. (Цуре-дзуре-гуса-коги.)

«Есть много вещей въ этомъ мірѣ, которыя непонятны мнѣ. Я не могу понять, какъ можетъ кто-нибудь находить удовольствіе въ томъ, чтобы заставлятъ людей пить противъ ихъ желанія, какъ это дѣлается при каждомъ удобномъ случаѣ. Жертва въ бѣдѣ морщитъ брови и подстерегаетъ удобный моментъ, когда никто не смотритъ, чтобы вылить вино или незамѣтно скрыться. Но его ловятъ, задерживаютъ, заставляютъ выпивать свою часть, какъ будто это ничего не значить. Самые милые малые становятся вдругъ сумасшедшими людьми и совершаютъ безразсудные поступки. Самые здоровые люди на нашихъ собственныхъ глазахъ поражаются тяжелой болѣзью и шатаются, не сознавая ни прошедшаго, ни будущаго. Печальный способъ, въ самомъ дѣлѣ, прославлять праздничный случай. До слѣдующаго дня остаются они лежать въ пьяномъ состояніи, съ головными болями, неспособные ѣсть, какъ будто изъятые изъ жизни, неспособные думать о слѣдующемъ днѣ и слишкомъ больные, чтобы взяться за какое-нибудь важное дѣло, общественное или частное.

Нелюбезно и невѣжливо обращаться съ людьми такъ. Если бы намъ сказали, что такой обычай существуетъ въ какой-нибудь иноземной странѣ (не будучи принятъ въ Японіи), то мы нашли бы его въ высшей степени страннымъ и непостижимымъ».

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе одного пьянаго дебоша, который въ нѣкоторомъ смыслѣ слишкомъ точно очерченъ для того, чтобы передать его на этихъ страницахъ. Затѣмъ Кенко говоритъ далѣе:

«Въ этомъ мірѣ сильное пьянство виновно во многомъ. Оно истощаетъ наши средства и разрушаетъ наше здоровье. Оно было прозвано главнымъ изъ ста лекарствъ, но поистинѣ всѣ наши болѣзни происходятъ отъ сильнаго питья гораздо болѣе, чѣмъ отъ чего-нибудь другого. Оно можетъ помочь намъ позабыть наши несчастія, но съ другой стороны мы часто видимъ пьянаго человѣка рыдающимъ при воспоминаніи о своихъ прошедшихъ скорбяхъ.

Что касается до будущаго міра, то сильное пьянство губительно для пониманія и сжигаетъ корень добра въ насъ, какъ огонь. Оно питаетъ зло и ведетъ насъ къ нарушенію заповѣдей и попаденію въ адъ. Будда объявилъ, что тотъ, кто заставлятъ человѣка пить вино долженъ переродиться сто разъ безъ рукъ¹⁾».

Изъ этого вовсе не должно дѣлать заключенія, что Кенко былъ

¹⁾ Въ образѣ животнаго.

воздержнымъ трезвенникомъ, какимъ бы онъ долженъ быть, если бы онъ исполнялъ свои обѣты буддѣйскаго монаха. Напротивъ,—

«Бываютъ времена, когда мы не можемъ обойтись безъ вина. Въ лунную ночь, въ снѣжное утро или когда цвѣты находятся въ цвѣту и мы съ беззаботнымъ сердцемъ болтаемъ съ пріятелемъ,—наше удовольствіе увеличивается, если появится вишній кубокъ».

Кенко доходитъ даже до того, что считаетъ позволительнымъ иногда сильно напиться съ задушевными друзьями.

«Нѣтъ большаго удовольствія, какъ будучи одному, при свѣтѣ лампадки, раскрыть книгу и сдѣлать своими товарищами людей невидимаго міра».

«Ничто не раскрываетъ такъ глазъ, какъ путешествіе, —не важно гдѣ».

«Я люблю запереться въ горномъ храмѣ и заняться служеніемъ Буддѣ. Здѣсь нѣтъ скуки и чувствуешь, что сердце твое очищается отъ несчастія».

Времена года.—Весна.

«Это переменна, что во всѣхъ вещахъ вызываетъ наше сочувствіе. Каждый скажетъ, и не безъ нѣкотораго основанія, что это главнымъ образомъ осень, которая внушаетъ намъ это чувство. Но мнѣ кажется, что виды природы веслою, болѣе чѣмъ въ какое-нибудь иное время, заставляютъ сердце наше переполняться волненіемъ. Пѣсни птицъ дѣйствуютъ особенно возбуждающе въ это время. Съ увеличеніемъ тепла трава въ изгороди превращается въ почки и по мѣрѣ того, какъ весна захватываетъ глубже, снаружи разливаются туманы и цвѣты проявляются во всей своей славѣ. Иногда продолжительными шквалами вѣтра и дождемъ они бурно разсѣваются и не остается ничего, кромѣ зеленыхъ листьевъ. Все это наводитъ на наше сердце постоянный трепетъ.

Цвѣтущій персикъ пользуется громкой славой. Но это есть благоуханіе сливоваго дерева, что заставляетъ насъ тоскливо думать о прошломъ. Затѣмъ есть весело-цвѣтущая желтая роза¹⁾ и фудзи болѣе тем-

¹⁾ *Kerria japonica*, по японски: имабуки.

ныхъ красокъ. Съ этими цвѣтами связывается много чувствъ, и оставить ихъ незамѣченными невозможно».

«Въ часы покойной думы у кого нѣтъ сожалѣнія о всемъ томъ, что уже прошло?»

«Когда кто-нибудь удалился на покой, то чтобы скоротать долгіе ночные часы, мы приводимъ въ порядокъ нашъ имущественный скарбъ. Между клочками бумаги, которые отбрасываются прочь, какъ нестоющіе храненія, попадается на глаза письмо или очеркъ, набросанный ради забавы тѣмъ, кого уже нѣтъ, и живо переноситъ насъ къ тому времени, когда это было сдѣлано. Также производитъ впечатлѣніе и то, когда мы по прошествіи многихъ лѣтъ находимъ письмо кого-нибудь, кто еще живъ, и думаемъ о томъ, что оно было написано такого-то числа, по такому-то случаю.

Предметы, съ которыми были знакомы ихъ руки, остались неизмѣнными (не имѣя сердца) въ теченіе всѣхъ долгихъ годовъ, что прошли. Увы! Увы!»

«Человѣкъ, у котораго дурной почеркъ, не долженъ удерживаться въ силу этого обстоятельства отъ писанія писемъ, иначе онъ будетъ приставать къ своимъ друзьямъ, чтобы они писали за него, — это уже надоѣдливость».

«Глупъ тотъ, кто растрачиваетъ свою жизнь въ погонѣ за славой или наживой».

«Преподобный монахъ Хоненъ, бывъ однажды спрошенъ однимъ человѣкомъ, сонливость котораго при моленіи мѣшала его религіознымъ обязанностямъ, какимъ образомъ удалить ему эту помѣху благочестію, отвѣчалъ: «Молись достаточно усердно, чтобы тебѣ возможно было быть въ бодрствующемъ состояніи.» — Это былъ удивительный отвѣтъ.»

«Тотъ же самый монахъ сказалъ: «Если ты думаешь, что твое спасеніе вѣрно, — оно вѣрно; если думаешь, что невѣрно, — оно невѣрно.» Это также удивительно сказано».

«Другая его удивительная рѣчь была такова: «Если ты, не смотря на то, что охваченъ сомнѣніями, продолжаешь свои молитвы, то ты будешь спасенъ.»

Кенко съ нѣсколькими пріятелями присутствовалъ однажды на скачкахъ,—неподходящее мѣсто, пожалуй, подумаетъ иной, для буддійскаго отшельника. Между ихъ телѣгой и ристалищемъ скопилась толпа, мѣшая имъ смотрѣть.

«Мы всѣ вышли изъ телѣги и пытались протолкаться впередъ къ загородкѣ, но давка была слишкомъ велика для насъ, чтобы проложить себѣ дорогу. Тогда мы замѣтили одного монаха, который залѣзъ на дерево и усѣлся тамъ на развилкѣ, чтобы лучше видѣть. Задремавъ, онъ безпрестанно клевалъ носомъ и пробуждался какъ разъ во время, чтобы удержаться отъ паденія. Всѣ кричали и насмѣхались надъ нимъ.— «Что за дуракъ,» — кричали они, — «этотъ малый, что онъ позволяетъ себѣ уснуть спокойно въ такомъ опасномъ положеніи!»—Тутъ у меня блеснула мысль, и я воскликнулъ: «А мы здѣсь проводимъ свое время въ ротозѣйничаньи, совершенно забывъ, что смерть можетъ настичуть насъ каждый моментъ. Мы еще большіе глупцы, чѣмъ этотъ жрецъ.»—Люди, стоявшіе впереди насъ, оглянулись и стали говорить: «Нѣтъ ничего справедливѣе. Это дѣйствительно очень глупо. Проходите сюда, господа.»—Такимъ образомъ они открыли проходъ и дали намъ возможность пройти впередъ. Это мое замѣчаніе могло прійти каждому въ голову. Я полагаю, что именно неожиданность его была причиной того, что оно произвело впечатлѣніе. Люди не палки и не камни, и иногда одно слово, сказанное въ подходящій моментъ, находитъ свою дорогу къ сердцу».

Одинъ комментаторъ говоритъ, что «эта глава имѣетъ цѣлью напомнить намъ о непрочности человѣческихъ дѣлъ». Читатель можетъ самъ сдѣлать выводъ.

«Берегись оставлять дѣло религіознаго служенія до самаго преклоннаго твоего возраста: многія могилы принадлежать молодымъ людямъ».

«Когда мы слышимъ имя какого-нибудь человѣка, то стараемся сдѣлать себѣ нѣкоторое представленіе о его внѣшности, но неизмѣнно находимъ, въ послѣдствіи познакомившись съ нимъ, что мы жестоко ошибались».

«Я хотѣлъ бы знать, я ли одинъ только чувствую, что рѣчи, ко-

торыя я слышалъ и виды, которые я видѣлъ,—уже когда-то видѣны и слышаны мною въ прошломъ,—когда именно не могу сказать?»

Вещи дурного вкуса.

Слишкомъ много обстановки въ жилой комнатѣ.

Слишкомъ много кистей въ одномъ пеналѣ.

Слишкомъ много буддѣ на частной божниці.

Слишкомъ много скаль, деревьевъ и травы въ саду.

Слишкомъ много дѣтей въ домѣ.

Слишкомъ много словъ, когда люди встрѣчаются.

Слишкомъ много книгъ въ книжномъ шкафчикѣ никогда не можетъ быть, а также слишкомъ много сору въ кучѣ мусора.

«Это не только, когда мы смотримъ на луну или цвѣты своими глазами, что они доставляютъ намъ удовольствіе. Весною, хотя мы и не оставляемъ нашего дома, въ лунную ночь, хотя мы и остаемся въ своей комнатѣ,—одна простая мысль о нихъ въ высшей степени радостна и пріятна».

Г Л А В А Ш.

Поэзія.—Развитіе лирической драмы изъ мимическихъ танцевъ кагура.—Кванъами Кіюцугу и его послѣдователи.—Сборникъ Іюкіюку-цуге и характеристика „но“.—Переводъ лирической драмы Такасаго.—Содержаніе лирическихъ драмъ Тосенъ и Додзюдзи.—Фарсы кіогенъ.

Производство танка при дворѣ микадо продолжалось, какъ и обыкновенно, въ теченіе разсматриваемыхъ періодовъ японской литературы. Время отъ времени онѣ собирались надлежащимъ образомъ въ антологіи, но такъ какъ онѣ не представляютъ достойныхъ замѣчанія особенностей и стоятъ сравнительно много ниже по достоинствамъ стихотвореній болѣе раннихъ временъ, то и нѣтъ необходимости останавливаться на нихъ. Гораздо больше интереса имѣетъ вновь развившійся родъ поэтическихъ произведеній, который и привлекаетъ теперь наше вниманіе,—а именно, *но* или лирическія драмы.

Подобно древнимъ греческимъ трагедіямъ и мистеріямъ среднихъ вѣковъ, драма въ Японіи въ началѣ была тѣсно связана съ религіей. Непосредственнымъ родоначальникомъ ея были кагура¹⁾, т. е. мимическіе танцы, которые производились подъ звуки флейты и барабана на специальной сценѣ (кагура-бутаі) въ дни синтоистическихъ праздниковъ. О древности кагура можно судить по тому факту, что во

¹⁾ Различалось два рода кагура: саруго (или саругаку) и денгаку.

время написанія Кодзики (712 по Р. Х.) и Нихонги (720 по Р. Х.) былъ уже распространенъ мифъ, имѣвшій цѣлью объясненіе ихъ происхожденія.

Богиня солнца, рассказывается въ немъ, огорченная непристойными продѣлками своего брата Суса-но-во заперлась въ каменной пещерѣ неба и оставила міръ во тьмѣ. Тогда боги собрались сонмами на сухомъ руслѣ рѣки небесъ (млечный путь) и между прочими способами, которые они обсуждали, чтобы выманить ее изъ ея убѣжища, былъ тотъ, что они заставили Ама-но-удзуме (страшная женщина небесъ) нарядиться фантастическимъ образомъ и, ставъ на повернутый дномъ кверху чанъ, изъ пустоты котораго раздавался звукъ при ударахъ ея ногъ, исполнить мимическій танецъ, который и увѣщчался желаннымъ результатомъ.

Тѣ же самыя произведенія рассказываютъ въ другомъ мѣстѣ исторію, цѣль которой дать объясненіе другой пантомимы, которая была исполняема при дворцѣ микадо такъ называемыми хаято или хаито ¹⁾.

Разсказъ состоитъ въ слѣдующемъ: Были два брата божества; старшій изъ нихъ, Хо-но-сусори ²⁾, былъ охотникомъ, а младшій, Хико-хо-хо-де-ми ³⁾, рыбакомъ. Когда братья поссорились, то младшій употребилъ противъ своего брата талисманъ, данный ему его тестемъ, богомъ моря. Силой этого талисмана воды морскія хлынули на сушу и покрыли Хо-но-сусори. Тогда послѣдній взмолилъ о прощеніи и обѣщаль быть для своего брата рабомъ и мимомъ во всѣхъ поколѣніяхъ. Послѣ этого дѣйствіемъ другого талисмана воды отхлынули и жизнь его была пощажена. Младшій братъ былъ предкомъ микадо, а старшій предкомъ хаято, которые въ память этого обыкновенно исполняли танецъ, въ которомъ подражалось борьбѣ съ водою тонущаго Хо-но-сусори. Актеры обнажались до пояса и вымазывали

¹⁾ Подъ этими терминами, сокращенными изъ первоначально употреблявшагося хая-хито, понимались сперва смѣлые (хая) люди (хито) провинцій Сацума и Осуми. Въ древнія времена изъ нихъ составлялась императорская гвардія, благодаря чему названіе ихъ впоследствии стало употребляться для обозначенія отряда императорской гвардіи вообще. (Brinkley, Dictionary). Они вплоть до историческихъ временъ состояли при дворѣ въ качествѣ стражниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ качествѣ шутовъ (Florenz, Mythologie).

²⁾ Хо-но-сусори или Хо-сусори (по Кодзики—Хо-сусери) состоитъ изъ хо—огонь и сусори (отъ сусуму)—распространяться, такъ что все названіе имѣеть смыслъ „распространеніе огня“. (Florenz, Mythologie).

³⁾ Хико-хо-хо-де-ми трудно объяснимое названіе, относительно точнаго смысла котораго существуютъ разногласія. Возможна передача его выраженіемъ: великолѣпный принцъ Огненная Любовь. (Florenz, Mythologie).

себѣ руки и лица красной глиной, напоминая намъ винные осадки Тесписа и его толпы¹).

Въ послѣдующей японской исторіи встрѣчаются частыя упоминанія о мимическихъ представленіяхъ, одни изъ которыхъ были свѣтскаго характера, а другія болѣе или менѣе религіознаго характера.

Когда танцы и музыка кагура дополнились словесными діалогами, то въ результатѣ получились *но*. Прибавка словъ внушена была, говорятъ, пѣсенными пересказами изъ Хейке-моноготари, распѣвавшимися странствующими бонзами, и въ языкѣ *но* есть много подтверждающаго это предположеніе. Удостоверено, что авторы *но* были хорошо ознакомлены съ этимъ произведеніемъ, а также съ Гемпей-сейсуйки и Тайхейки.

Начало *но* относится къ 14-му столѣтію. Вначалѣ это были чисто религіозныя представленія, имѣвшія цѣлью умилоствленіе главнѣйшихъ божествъ синтоистической религіи, и они исполнялись исключительно въ связи съ ихъ храмами. Въ Исе, главномъ мѣстѣ поклоненія богинѣ солища, было три театра для *но*; три ихъ было въ провинціи Оми, три въ провинціи Тамба и четыре въ городѣ Нарѣ; всѣ они были посвящены наиболѣе почитаемымъ синтоистическимъ богамъ, которымъ поклонялись въ этихъ мѣстахъ.

Въ началѣ періода Муромаци директоръ одного изъ театровъ *но* въ Нарѣ, по имени Кванъами Кііоцугу, обратилъ на себя вниманіе правившаго тогда сіюгуна, который ради его искусства и взялъ его къ себѣ на службу. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство (какъ указывающее на соціальное положеніе исполнителей *но*), что этотъ Кванъами былъ пожалованъ въ мелкіе даймію съ назначеніемъ ему лена въ провинціи Ямато. Онъ умеръ въ 1406 году. Начиная съ этого времени и впредь, *но* находились подъ особымъ покровительствомъ сіюгуновъ, точно такъ же какъ танка свискали себѣ расположеніе и оффиціальную поддержку двора микадо. Кііоцугу наслѣдовалъ его старшій сынъ, Мотокііо, умершій въ 1455 году, на восемьдесятъ первомъ году своей жизни. Потомки его пользовались расположеніемъ сіюгуновъ въ теченіе долгаго періода времени. Хи-

¹) Рассказъ этотъ въ предлагаемомъ здѣсь видѣ (въ изложеніи Астона) является значительно сокращеннымъ и отчасти не согласнымъ съ обычнымъ изложеніемъ. Въ виду того, что Астонъ не указываетъ источника, изъ котораго онъ его заимствовалъ, провѣрка его текста невозможна. Лица, интересующіяся этимъ преданіемъ, отсылаются къ сочиненію профессора Florenz: *Japanische Mythologie*, въ которомъ на стр. 217—255 даны, какъ основной рассказъ, такъ и многочисленныя варианты его.

деіоси, который фактически был сіюгуномъ, хотя и не пользовался титуломъ сіюгуна, былъ очень пристрастенъ къ *но* и, говорятъ, принималъ лично участіе въ нихъ въ качествѣ актера. Многія изъ болѣе позднихъ *но* относятся къ его времени. Въ Едоскомъ періодѣ сіюгуны удѣляли много вниманія представленіямъ *но*. Онѣ были обращены въ государственныя церемоніи и исполнялись молодыми дворянами военнаго сословія, воспитываемыми спеціально для такого назначенія. Даже въ настоящее время сохранились нѣкоторые остатки былой ихъ популярности между самураями. Представленія, даваемые въ Токио, Кіото и другихъ мѣстахъ потомками или послѣдователями старыхъ актеровъ, основавшихъ это искусство 500 лѣтъ тому назадъ, привлекаютъ немногочисленныхъ, но избранныхъ слушателей, состоящихъ почти исключительно изъ бывшихъ даймію, или военной знати, и ихъ бывшихъ приспѣшниковъ. Для простого народа *но* совершенно непонятны.

Изъ двухъсотъ тридцати пяти *но*, содержащихся въ послѣднемъ и наиболѣе полномъ сборникѣ, Іюкіоку-цуге, не менѣе девяноста трехъ приписывается второму по порядку изъ официальныхъ актеровъ, Сеами Мотокіію. Отцу его Кванъями Кііоцугу приписываютъ пятнадцать. Зятя и послѣдователя Мотокіію считаютъ творцомъ двадцати двухъ изъ нихъ, а остальные, творцы которыхъ не безызвѣстны, распределяются приблизительно между дюжиной лицъ, занимавшихъ послѣдовательно должности официальныхъ актеровъ. Большая часть *но* принадлежитъ 15-му столѣтію.

Издатель Іюкіоку-цуге высказываетъ предположеніе, и съ большою вѣроятностью, что, хотя имена Кііоцугу, Мотокіію и ихъ послѣдователей и указываются, какъ имена авторовъ *но*, но въ дѣйствительности они были отвѣтственны только за музыку, за мимическіе танцы (самую игру) и за общее веденіе представленій. Онъ высказываетъ догадку, что либретто есть дѣло буддійскихъ монаховъ, къ какому классу принадлежали почти всѣ литературные дѣятели этого періода. Вопросъ объ авторствѣ, однако, есть вопросъ небольшой важности, такъ какъ характерныя особенности *но* отражаютъ на себѣ скорѣе цѣлую школу писателей, чѣмъ отдѣльныхъ лицъ.

Кто бы ни были ихъ авторы, первой цѣлью ихъ была поддержка благочестія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ побудительными мотивами, дававшими вдохновеніе, являлись патріотическій или военный энтузіазмъ, и почти во всѣхъ нихъ можно отмѣтить любовь къ природѣ, самые же матеріалы черпались изъ массы легендъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ

буддѣйской и синтоистической религіями. Буддѣйскій монахъ или блюститель синтоистическаго храма являются наиболѣе часто главными дѣйствующими лицами пьесы, и добродѣтель радушія и гостепріимства, по отношенію къ жречеству, грѣхъ отнятія жизни, восхваленіе извѣстныхъ божествъ, непрочность жизни и преходимость человѣческихъ дѣлъ,—являются излюбленными темами этихъ *но*.

Слѣдомъ за религіей въ *но* идетъ поэзія. Не то, чтобы это были настоящія стихотворенія. Въ чисто лирическихъ пассажахъ нѣтъ недостатка, но, какъ съ точки зрѣнія размѣра, такъ и дикціи—это несомнѣнная проза. Не мало есть въ нихъ и, такъ сказать, средняго стиля, въ которомъ семи и пяти-слоговыя строки слѣдуютъ одна за другою съ большою неправильностью, и къ языку примѣшиваются менѣе поэтическіе элементы. Допущеніе китайскихъ словъ, хотя и съ умѣренностью, также служитъ тому, чтобы понизить поэтическій уровень. Какъ намъ извѣстно, они строго были отвергаемы въ произведеніяхъ болѣе древней классической поэзіи.

Очень поражающей чертою *но* является совершенно неумѣренное употребленіе риторически-поэтическихъ фигуръ, о которыхъ упоминалось выше. Макура-котоба вводятся совершенно неосмотрительно и параллелизмъ является обычнымъ приѣмомъ украшенія. Но особенными любимцами изъ всѣхъ ихъ являются юкари-котоба, которыя употребляются въ *но* повсюду и притомъ способомъ, неизвѣстнымъ прежде въ японской литературѣ. Въ виду этого да извинять мнѣ, что я останавливаюсь на этой послѣдней фигурѣ нѣсколько долѣе. «The pivot ¹⁾ (юкари-котоба—вертящееся на шпиль слово) есть слово двухъ значеній, служащее, какъ бы въ родѣ шарнира, на которомъ вращаются двѣ двери, такъ что въ то время, какъ одна часть поэтической фразы не имѣетъ никакого логическаго конца, послѣдующая ея часть не имѣетъ никакого логическаго начала. Онѣ входятъ одна въ другую, и построить предложеніе рѣшительно невозможно». Чэмберленъ прибавляетъ, что «для европейскаго читателя такая игро-словная выдумка покажется несомнѣнно высшей степенью дурно приложеннаго остроумія. Но на самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе, производимое этими сцѣпленными стихами пріятно въ высшей степени, когда они пробѣгаютъ передъ читателемъ, подобно рядамъ расходящихся волнь, неуловимыхъ, граціозныхъ, намекающихъ. Это риторическое украшеніе особенно характеризуетъ старую поэтическую драму и дѣлаетъ отмѣнно труднымъ изученіе ея для тѣхъ, которые не вполне понимаютъ характеръ ихъ».

¹⁾ Дословная цитата изъ В. Н. Chamberlain: Classical Poetry of the Japanese.

Японскіе критики несомнѣнно присоединятся къ благосклонному отзыву Чэмберлена о «вертящихся словахъ», и нельзя отрицать того, что японцы, нація глубоко остроумная, находятъ наслажденіе въ этихъ акробатическихъ фокусахъ языка. Но европейскій читатель въ правѣ задать вопросъ, неужели стоитъ хоть чуточку жертвовать смысломъ и синтаксисомъ ради такого безсодержательнаго и бессмысленнаго, хотя бы даже иногда и забавнаго, шутовства. Я смѣю думать, что «вертящіяся слова» въ серьезномъ сочиненіи ошибка, и что пристрастіе къ такимъ бессмысленнымъ украшеніямъ стиля, проявленное не только авторами *но*, но и драматургами и романистами Едоскаго періода, есть характерный признакъ вѣка литературнаго декадентства и дурнаго вкуса. Такіе писатели, какъ Хакусеки, Кюсо и Мотоори относятся къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

Авторы *но* не бьютъ особенно на оригинальность. Они имѣютъ обыкновеніе переносить на свои страницы самымъ безцеремоннымъ образомъ отрывки танка, тексты изъ буддійскихъ книгъ и удачныя фразы изъ произведеній старыхъ писателей, сохранившіяся въ ихъ памяти, соединяя все это такимъ способомъ, который оказываетъ большую честь ихъ остроумію. Плагіатъ, надо замѣтить, врядъ ли сознавался японцами, какъ проступокъ.

Но—не классическія поэмы. Въ нихъ очень недостаетъ ясности, метода, связи и хорошаго вкуса, чтобы заслужить такое названіе. Но они и не лишены извѣстной прелести. Въ нихъ не исключительно игра словъ, и читатель, у котораго хватитъ терпѣнія распутать ихъ темныя мѣста, представляемая языкомъ, не останется совсѣмъ вознагражденнымъ. Если ихъ поэтическая жила и не такъ чиста, какъ въ Манъосю и Кокинсю, то она зато богаче по содержанію. Онѣ заключаютъ въ себѣ цѣлый міръ легендарныхъ сказаній, причудливыхъ вымысловъ и религіознаго чувства, чему чужда японская классическая литература. И если мы не замѣчаемъ въ нихъ совершенства формъ, отличающаго изящныя танка, то вмѣсто этого мы имѣемъ обиліе и разнообразіе, которыя вознаграждаютъ насъ нѣкоторымъ образомъ за эту потерю. Надо пожалѣть, что эта подававшая такъ много надеждъ литературная попытка въ концѣ концовъ должна была остаться безрезультатной. Послѣ 16-го столѣтія писаніе *но* прекратилось. Направленіе высшей японской мысли отвратилось въ это время отъ буддизма и всего, что было связано съ нимъ, и обратилось неуклонно къ китайской философіи. Хотя *но* все еще и исполнялись на сценѣ, но побужденія писать новыя, очевидно, болѣе уже не ощущалось.

Какъ драмы, *но* имѣють небольшую цѣнность. По отношенію къ нимъ нельзя говорить вовсе о дѣйствіи (драматическомъ), и врядъ ли можно думать о драматическихъ свойствахъ и эффектахъ. Самый планъ ихъ часто представляется приблизительно въ родѣ такого:

На сценѣ появляется жрецъ. Онъ провозглашаетъ свое имя и заявляетъ публикѣ, что онъ отправляется въ путешествіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ прибываетъ къ какому-нибудь храму, полю сраженія или иному знаменитому мѣсту, какъ вдругъ появляется какой-нибудь духъ, или божество, и рассказываетъ ему мѣстныя легенды. Слѣдуетъ обмѣнъ назидательными чувствами и наконецъ сверхъестественное существо открываетъ, кто оно.

Каждая пьеса рѣдко занимаетъ болѣе шести или семи печатныхъ страницъ и требуетъ обыкновенно менѣе часа на исполненіе. Можно ожидать, что въ такихъ узкихъ предѣлахъ должно быть соблюдаемо единство времени, мѣста и дѣйствія. Ничуть не бывало. Дѣйствіе, поскольку оно вообще имѣется, еще болѣе или менѣе приведено къ единству, но остальными единствами совершенно пренебрежено. Въ Такасаго, на примѣръ, мѣсто дѣйствія переносится съ Кюсю въ Харима ¹⁾, а изъ Харима опять въ Суміюси, и это на семи страницахъ текста, тогда какъ на путешествіе главнаго дѣйствующаго лица между этими мѣстами должны уйти цѣлыя недѣли.

Число дѣйствующихъ лицъ разнообразится отъ двухъ и трехъ (последнее наиболѣе часто) до пяти и шести. Къ этому надо прибавить еще нѣсколько музыкантовъ и хоръ. Хоръ въ *но* выполняетъ разнообразныя функціи. Главная обязанность его распѣвать рассказъ, который служитъ дополненіемъ и объясненіемъ къ дѣйствію пьесы, какъ въ нѣкоторыхъ болѣе старинныхъ пьесахъ Шэкспира, или дѣлать поэтическія описанія, замѣняющія отсутствующую сценическую обстановку. Время отъ времени хоръ также снисходитъ до сентенціозныхъ или участливыхъ замѣчаній, а то даже вступаетъ въ разговоръ съ дѣйствующими лицами на сценѣ.

Нижеслѣдующее описаніе театра *но* поможетъ намъ уяснить ихъ характеръ нѣсколько полнѣе²⁾.

«Сцена, которая осталась неизмѣнною во всѣхъ отношеніяхъ съ начала 15-го столѣтія, представляетъ квадратную деревянную комнату, открытую на всѣ стороны, за исключеніемъ одной, поддерживаемую столбами; сторона квадрата приблизительно въ 18 футовъ. Она увѣн-

¹⁾ Названіе провинціи на главномъ островѣ.

²⁾ Chamberlain: Classical Poetry of the Japanese.

чана причудливой крышей, напоминающей нѣсколько кровли буддійскихъ храмовъ, и соединена съ фойе галлереей около девяти футовъ шириною. На этой галлерей иногда выполняется часть дѣйствія. Пристройка сзади квадратной сцены представляетъ собою узкое пространство, гдѣ помещается оркестръ, состоящій изъ одного флейтиста, двухъ музыкантовъ, играющихъ на какихъ-то инструментахъ, которые за неимѣніемъ болѣе подходящаго названія можно, пожалуй, назвать тамбуринами, и одного барабанщика, тогда какъ хоръ, численность котораго не опредѣлена, сидитъ на корточкахъ направо отъ зрителей. На заднемъ планѣ сцены, который одинъ только и не открытъ наружу, нарисована сосна, согласно съ древнимъ обычаемъ, между тѣмъ какъ, тоже сообразно съ установленными издревле правилами, три маленькихъ сосны посажены во дворѣ, который отдѣляетъ галерею отъ мѣста, занимаемаго менѣе почетной частью публики. Крытая мѣста для публики идутъ вокругъ трехъ сторонъ сцены¹⁾. Маски надѣваются тѣми актерами, которые играютъ роли женщинъ или сверхъестественныхъ существъ; одежды необычайно пышны. Для сценической обстановки, однако, на лирической сценѣ нѣтъ мѣста».

Легко понять, что трудность проникнуть въ смыслъ такихъ произведеній, какъ *но*, весьма значительна. Митфордъ, незаурядный ученый, называетъ ихъ въ своей книгѣ *Tales of Old Japan* «совершенно непонятными»; однако, къ этому сужденію надо относиться съ нѣкоторой разборчивостью, такъ какъ въ томъ же самомъ сочиненіи онъ отчетливо даетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но что касается переводчика, то если онъ даже и овладѣлъ смысломъ ихъ, трудности еще ждутъ его впереди. Я не знаю въ литературѣ ничего болѣе труднаго для правильной и точной передачи на другой языкъ, какъ хитросплетенная запутанность игры словъ, цитаты и историческіе, литературные и религіозные намеки, переполняющіе эти *но*. Чэмберленъ, который изложилъ нѣкоторыя изъ нихъ англійскими стихами, признается, что его переводъ есть только перифраза. Проза и грубые, но легкіе, бѣлые стихи предпочтены мною для перевода отрывка изъ Такасаго, который приведенъ ниже. Но даже удерживаясь отъ искушенія ввести посторонніе элементы, чего очень трудно избѣжать при поэтическомъ перекладѣ оригинала, все-таки невозможно перевести оригиналъ такъ вѣрно, какъ это хотѣлось бы. Я, однако, старался, опуская нѣкоторыя непереводимыя мѣста, не внести во всякомъ случаѣ ничего отъ самого себя.

¹⁾ Отъ которой они отдѣлены пространствомъ, соответствующимъ нашему партеру, только безъ крыши. Прим. автора.

Такасаго.

Это одна из пьесъ, приписываемыхъ Мотокию, умершему въ 1455 году; но какъ уже было высказано предположеніе, онъ былъ, вѣроятно, только директоромъ или актеромъ, завѣдывавшимъ театромъ, гдѣ она исполнялась. Она наиболѣе извѣстна, и ее считаютъ наилучшей изъ всѣхъ *но*. Ея популярность засвидѣтельствована не далѣе, какъ въ 1897 году, спускомъ на воду для японскаго флота броненосца, которому дано названіе Такасаго.

Дѣйствующія лица.

Томонари. Блюститель синтоистическаго храма въ Асо на о. Кюсю.
Старикъ Въ дѣйствительности духъ сосны въ Суміюси.
Старуха Въ дѣйствительности духъ сосны въ Такасаго.
Богъ Суміюси.
Хоръ.

Хоръ (?)¹⁾ (поетъ почти правильнымъ размѣромъ).

Вотъ впервые онъ вяжетъ дорожной одежды шнурокъ:
Его цѣль отстоять въ долгодневномъ пути.

Томонари (говоритъ прозой).

Это я, Томонари, блюститель храма въ Асо въ провинціи Хиго на Кюсю. Не видѣвъ никогда столицы, я теперь рѣшился, и вотъ, иду въ столицу. Помимо этого я хочу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы посмотрѣть бухту Такасаго въ провинціи Харима.

Хоръ(?) (поетъ правильнымъ размѣромъ).

Сегодня рѣшенъ онъ принять
И дорожное платье надѣль для пути
Къ цѣли далекой,—столицѣ.
Съ волнами, что вдоль берега вздымаются кверху,
Съ живительнымъ вѣтромъ весны на пути кораблей
Не знаемъ, сколь много прошло дней безъ вѣсти о немъ,
Пока наконецъ не достигъ онъ того, что желалъ,
Такасаго' залива на брегъ Харима.

Старикъ и Старуха (поютъ).

Весенній вѣтеръ, что дуетъ
Сквозь сосну Такасаго,
Съ солнцемъ вмѣстѣ ушелъ;
Вечерній звонъ слышенъ
Изъ храма Оное.

¹⁾ Распредѣленіе рѣчей нѣсколько сомнительно. Я сдѣлалъ одно—два измѣненія.

Старуха.

Волны скрыты отъ насъ
Туманомъ прикрытой скалой.

Оба.

И нѣтъ ничего, кромѣ звука,
Чтобъ подъемъ и паденье прилива отмѣтить.

Старикъ.

Кого взять мнѣ, чтобы былъ мнѣ другомъ? Кромѣ сосны въ Такасаго, моего стариннаго товарища, нѣтъ никого, чтобы побесѣдовать со мною о былыхъ дняхъ, на которыхъ всегда накаплиются бѣлые снѣга (забвенія). Я становлюсь старѣе и старѣе, привыкнувъ не слышать ничего, кромѣ вѣтра въ соснѣ, встаю ли я или ложусь, чтобъ спать въ своемъ гнѣздѣ престарѣлой цапли, куда льетъ свои лучи ночная луна и весенній вѣтеръ посылаетъ свой иней. Такъ, что я дѣлаю товарцемъ свое собственное сердце и такимъ образомъ даю говорить своимъ думамъ.

Оба.

Рукавомъ къ рукаву нашихъ одеждъ
Сметемъ прочь мы сосновыя иглы,
Что подъ дровомъ внизу налегли,
На которыхъ покоятся навшие листья,
Обитые вѣтромъ прибрежнымъ,
Который у нихъ вопрошаетъ
Объ соснахъ извѣстій.

Томонари (говорить).

Пока я ожидалъ, что покажется кто-нибудь изъ деревенскихъ жителей, сюда прошли старикъ и старуха. Пожалуйста, старики, позвольте задать вамъ одинъ вопросъ.

Старикъ.

Ты ко мнѣ обращаешься? Что хочешь ты знать?

Томонари.

Которое дерево то, что зовется сосной Такасаго?

Старикъ.

Это самое дерево, тѣнь котораго мы очищаемъ, и есть Такасаго сосна.

Томонари.

Выраженіе „состарѣвшіяся вмѣстѣ“ употребляется относительно сосенъ Такасаго и Суминое. Но это мѣсто и Суміоси (тоже, что Суминое) находятся въ провинціяхъ, отдаленныхъ одна отъ другой. Какъ въ такомъ случаѣ могутъ быть названы онѣ соснами, которыя „состарѣлись вмѣстѣ“?

Старикъ.

Какъ ты изволилъ замѣтить, въ предисловіи къ Кокинсю говорится, что сосны изъ Такасаго и Суминое заставляютъ насъ чувствовать, какъ будто онѣ состарѣлись вмѣстѣ. Однако, какъ бы то ни было, но вотъ я, старикъ изъ Суміоси, въ провинціи Сетцу, тогда, какъ эта вотъ старуха изъ этого мѣста. Скажи мнѣ, пожалуйста, если ты можешь, какъ это можетъ быть.

Томонари (стихами).

Странно! Я вижу васъ адѣсь,
Чету престарѣлую вмѣстѣ
Что хочешь сказать ты словами,
Что живете вы врозь,—
Одинъ въ Суминое далекомъ,
А другой въ Такасаго,
Отдѣленный одинъ отъ другого
Провинціей, берегомъ морскимъ и холмами?

Старуха (стихами).

Что за странныя рѣчи!
Хотя ихъ отдѣляютъ многія горы и рѣки,
Но дороги жены и супруга,
Чьи сердца отвѣчаютъ другъ другу
Заботой взаимной,
Не такъ отдаленны.

Старуха.

Вотъ Суминое.

Старикъ.

А вотъ Такасаго.

Томонари.

Сосны перемѣшали свои краски.

Старикъ.

И весенній воздухъ—

Томонари.

Живителенъ, пока . . .

(Здѣсь присоединяется хоръ съ гимномъ, пѣніе котораго неизбѣжно необходимо при каждой правильно совершаемой свадьбѣ и который принадлежитъ къ наиболѣе извѣстнымъ пассажамъ японской литературы. Фигуры, изображающія стариковъ подъ сосной съ метелками въ рукахъ, устанавливаются въ такихъ случаяхъ на особомъ подносіи. Эта одна изъ излюбленныхъ темъ японскихъ артистовъ).

Хоръ.

Въ четырехъ моряхъ
Ходятъ еще волны;
Въ міръ разлитъ миръ.
Нѣжные порывы временнаго вѣтра
Не шуршатъ листьями¹⁾.
И въ такое время пусть благословенны
Будутъ даже сосны, чтобъ имъ удалось
Состариться вмѣстѣ.
Тщетны кверху взоры
Смиренные наши,
Не сказать словами
Нашу благодарность, что на свѣтъ родились
Мы въ такое время,
Богатое благостью
Вышняго властителя.

.....

Старикъ.

Я слышу звукъ колокола храма Оное въ Такасаго.

Хоръ.

Близокъ разсвѣтъ,
И падаетъ иней
На вѣтви сосны;
Но листьевъ ихъ темная зелень
Перемѣны не знаетъ.
И утро, и вечеръ
Подъ ихъ тѣнью внизу
Прочь сметаются листья,
Но онѣ навсегда неизмѣнны.
Истина то,
Что эти сосны
Листьевъ не роняютъ совсѣмъ.
Свѣжа пребываетъ ихъ зелень
Въ теченіе долгихъ вѣковъ,
Какъ масаки ползучія лозы.
Даже средь вѣчно зеленыхъ деревь,—
Долгой жизни эмблема,—
Вознесена ихъ слава,
Слава сосенъ, старѣющихъ вмѣстѣ.

Томонари.

А вы, которые сообщаете эту давнишнюю исторію этихъ древнихъ сосенъ, вѣтви которыхъ дѣйствительно заслужили славу,—скажите мнѣ, прошу, какими именами зовутъ васъ?

Старикъ и Старуха.

Къ чему скрывать далѣе! Мы духи состарившихся вмѣстѣ сосенъ Такасаго и Суминое, проявившіеся въ образѣ супружеской четы.

¹⁾ Бризъ съ суши и съ моря, дующіе правильно только въ хорошую погоду.

Хоръ.

Удивительно! Чудо, совершенное соснами этого знаменитаго мѣста.

Старикъ и Старуха.

Растенія и деревья безъ душъ—

Хоръ.

Но въ это священное царствованіе—

Старикъ и Старуха.

Даже для растеній и деревьевъ—

Хоръ.

Благо жить
Во вѣки и вѣки
Въ нашего этой странѣ
Властелина великаго,
Подъ управленьемъ его.
Въ Суміюси¹⁾ поэтому онъ
Хотѣлъ путь предпринять,
Чтобъ тамъ богу служить.
Въ челнѣ рыбачій онъ сѣлъ,
Что на брегѣ лежалъ,
Гдѣ катятся вечернія волны,
И парусъ подставивши свой
Дыханью попутнаго бриза,
Онъ пускается въ море,
Въ пучину пускается онъ.

Томонари.

Изъ Такасаго я парусъ поднялъ,
Въ яликѣ томъ, что на взморьѣ лежитъ,
И пустился впередъ я съ отливомъ,
Который съ луною начался.
Я прошелъ подъ защитой Авадзи²⁾ береговъ,
За собой далеко я оставилъ Наруво,—
И вотъ я теперь въ Суминое прибылъ.

(Появляется богъ³⁾ Суміюси и вступаетъ въ поэтическій разговоръ съ хоромъ).

Мы шлемъ благодарность за это явленье,
Чтить будемъ всегда мы опять
Твой духъ танцемъ священнымъ
При чистомъ сіяньи луны Суміюси.

¹⁾ Суміюси значитъ—хорошо для житья.

²⁾ Названіе острова въ Японскомъ Срединномъ морѣ, по преданію раньше остальныхъ острововъ созданнаго Идзанаги и Идзанами.

³⁾ На самомъ дѣлѣ этихъ боговъ три. На сценѣ появляется, конечно, только одинъ.

Хоръ.

И теперь пока міру не будетъ конца,
Простертыя руки танцующихъ дѣвъ,
Одѣтыхъ въ священныя ризы,
Разгонятъ дурныя вліянья,
Сложенныя мирно на грудяхъ ихъ руки
Обвинутъ благу ю фортуна.
Осней тысячи гимнъ
Привлечетъ на народъ благодать,
А пѣснь десяти тысячъ лѣтъ¹⁾
Продолжитъ властителя жизнь.
И во всякій моментъ бриза гласъ,
Какъ только задуетъ онъ въ соснахъ,
Что старыми сдѣлались вмѣстѣ,
Намъ доставить усладу.

Тосень.

У нѣкоторыхъ изъ *но* дѣйствіе болѣе драматично, чѣмъ въ Такасаго. Накамицу, пьеса, переведенная Чэмберленомъ, одна изъ такихъ именно. Другимъ примѣромъ является Тосень. Содержаніе этой пьесы таково:

Одинъ житель Хакодзаки на Кюсю докладываетъ публикѣ, что при арестѣ, наложенномъ тринадцать лѣтъ тому назадъ японскимъ правительствомъ на китайскіе корабли, онъ захватилъ одинъ изъ нихъ и отдалъ его въ собственность своему коровьему пастуху.

Являются два сына китайца, чтобы выкупить своего отца изъ неволи. Господинъ отпускаетъ его, но какъ разъ въ то время, когда они готовы были отплыть, появляются два рожденные въ Японіи сына его и хотятъ отправиться съ нимъ. Господинъ отказываетъ имъ въ просьбѣ, и отецъ, колеблющійся между своимъ желаніемъ возвратиться на родину со своими китайскими дѣтьми и нежеланіемъ покинуть своихъ японскихъ дѣтей, пытается утопиться. Высказывается много соотвѣтствующихъ случаю чувствъ, что трогаетъ сердце господина, такъ что онъ позволяетъ отправиться имъ всѣмъ пятерымъ вмѣстѣ.

Додзіодзи.

Въ Додзіодзи появляется на сценѣ жрецъ и заявляетъ публикѣ, что сейчасъ онъ будетъ освящать для храма новый колоколь, такъ какъ старый давно уже убранъ. Онъ приказываетъ своему прислужнику сдѣлать необходимыя приготовленія, особенно наказывая ему позаботиться о томъ, чтобы на церемоніи не присутствовала ни одна женщина.

¹⁾ Соотвѣтствуетъ нашему: „Боже царя храни . . .“

Приближается дѣвушка-танцовщица и предлагаетъ почтить этотъ случай пляской. Прислужникъ забываетъ приказаніе жреца и разрѣшаетъ ей продѣлать это. Она пользуется этимъ случаемъ, схватываетъ колоколь за кольцо его и снимаетъ его, покрывая себя имъ, — къ великому смущенію жреца. Жрецъ созываетъ всѣхъ своихъ товарищей и рассказываетъ имъ легенду, объясняющую, почему женщинамъ не разрѣшается присутствовать:—

«У одного человѣка была единственная дочь, которая вступила въ любовную связь съ однимъ ямабуси (отшельникъ). Когда она стала настаивать, чтобы онъ женился на ней, онъ бѣжалъ и спрятался въ храмовомъ колоколѣ. Она преслѣдовала его и пришла къ рѣкѣ, черезъ которую не могла переправиться. Но огонь ея страсти былъ такъ великъ, что онъ превратилъ ее въ змѣю, и въ такомъ видѣ ей нетрудно было уже переплыть рѣку. Явившись въ храмъ, змѣя обвилась кольцомъ вокругъ колокола, который растаялъ въ пылу ея страсти, а ея невѣрный любовникъ тутъ же погибъ».

Разказавъ эту легенду, жрецъ вмѣстѣ со своими товарищами начинаетъ изъ всѣхъ силъ читать буддійскія молитвы и призыванія, силою которыхъ колоколь подымается въ прежнее положеніе, а дѣвушка-танцовщица принуждается принять образъ змѣи. Окутанная пламенемъ, она погружается въ сосѣднюю рѣку и исчезаетъ. Всѣ уходятъ.

Кіогенъ.

Кіогенъ, т. е. сумасшедшія слова, находятся въ такомъ же отношеніи къ *но*, какъ нашъ фарсъ къ драмѣ. Они исполнялись на той же самой сценѣ въ антрактахъ между болѣе серьезными пьесами.

Кіогенъ отличается отъ *но* тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ хора и тѣмъ, что они изложены на чистомъ разговорномъ языкѣ своего времени. Они еще короче *но* и притомъ конструированы очень легко. Вотъ примѣръ:

«Одинъ даймю посылаетъ своего слугу въ городъ купить талисманъ, который творилъ бы чудеса. Слуга попадаетъ въ руки плуту, продающему ему нѣкій предметъ, который онъ называетъ колотушкой Дайкоку¹⁾ (каждый ударъ которой, какъ думаютъ, производитъ кусокъ золота), научая его чародѣйству, путемъ котораго, когда онъ держитъ колотушку, онъ можетъ имѣть все, что пожелаетъ. Слуга возвращается

¹⁾ Богъ счастья.

со своимъ приобрѣтеніемъ. Дайміо приказываетъ ему достать лошадь. Слуга повторяетъ заклинаніе и объявляетъ, что лошадь осѣдлана и взнуздана. Дайміо притворяется, будто видитъ лошадь въ своемъ слугѣ, вскакиваетъ ему на спину и ѣдетъ на немъ вокругъ сцены, не взирая на его протесты».

Пятьдесятъ кіюгенъ были изданы подъ заглавіемъ Кіюгенъ-ки, а предо мною находится рукописный сборникъ, содержащій въ себѣ 150 такихъ пьесокъ.

Островъ Дажелеть.

Студента III-го курса Восточнаго Института Е. Лебедева.

Происхождение настоящей замѣтки.—Посѣщеніе о. Дажелета европейцами.— Мѣстная лѣсная концессія.—Береговое очертаніе, происхождение, устройство поверхности и климатъ острова.—Лѣсное царство.—Животное царство.—Царство пернатыхъ.—Населеніе и административное дѣленіе.—Появленіе японцевъ и корейскихъ переселенцевъ.—Корейскія и японскія постройки.—Земледѣльческая дѣятельность корейцевъ.—Хищническая рубка лѣса японцами.—Отношеніе корейцевъ къ японцамъ и русскимъ.—Отношеніе японцевъ къ русской экспедиціи.—Заключеніе.

По возвращеніи изъ порта Отару, куда я былъ командированъ Конференціей Восточнаго Института 3-го мая 1903 г., я въ среднихъ числахъ августа получилъ приглашеніе отъ командира Владивостокскаго порта адмирала Гаупта, переданное черезъ доктора В. А. Меркушева, участвовать въ качествѣ переводчика японскаго языка въ экспедиціи на о. Дажелеть для осмотра состоянія лѣсовъ, полученныхъ Россіей въ концессію.

Получивъ разрѣшеніе отъ и. д. Директора Восточнаго Института Г. В. Подставина, я передалъ свое согласіе доктору Меркушеву, который пригласилъ меня быть къ 4 часамъ утра 18 августа на «Якутѣ», такъ какъ въ это время было предположено выйти изъ порта. 18 августа экспедиція, во главѣ съ начальникомъ ея, лейтенантомъ В. А. Карцевымъ и докторомъ В. А. Меркушевымъ, вышла изъ Владивостока на транспортѣ «Якутѣ» и въ сопровожденіи 16 человѣкъ матросовъ «Якута» высадилась на о. Дажелеть. «Якутѣ», пользуясь тихой погодой ходилъ вокругъ острова, приходя ежедневно къ 12 часамъ къ мѣсту высадки, такъ что мы имѣли возможность каждый день сообщаться съ нимъ. На островѣ пробыли только 8 дней, но благодаря опытности и неутомимой энергіи начальника экспедиціи В. А. Карцева и доктора В. А. Меркушева намъ удалось осмотрѣть почти весь островъ, прѣя

вать и на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ и въ глухихъ ущельяхъ, гдѣ среди гигантскаго лѣса, покрывающаго скаты крутыхъ горъ, проглядываетъ вверху только небольшой клочекъ неба, а внизу журчить чистый горный ручеекъ.

При составленіи нижеслѣдующихъ замѣтокъ я пользовался сообщеніями своихъ спутниковъ, которые всегда любезно дѣлились всѣми полученными ими свѣдѣніями, и сообщеніями, полученными отъ корейцевъ, которые благодаря сильному влиянію японцевъ на островѣ говорятъ по японски и на этомъ языкѣ могли сообщить мнѣ все необходимое. Не могу не выразить благодарности командиру и г.г. офицерамъ «Якута» за то гостепріимство, которымъ я пользовался во время плаванія.

Въ 307 морскихъ миляхъ отъ Владивостока, на пути въ Нагасаки, лежитъ подъ $37^{\circ}30'$ с. ш. и $130^{\circ}54'$ в. д. небольшой корейскій островокъ, имѣющій нѣсколько болѣе 25 миль въ окружности. (Окружность его равняется по корейскимъ мѣрамъ 220 п). Островъ этотъ извѣстенъ у европейскихъ мореплавателей подъ именемъ Дажелета (Dagelet), у японскихъ подъ именемъ Мацусима (т. е. островъ сосень), и у корейцевъ—подъ именемъ Улыиндо. Корейское названіе островъ получилъ отъ гигантскаго строевого лѣса, густо покрывающаго склоны и вершины его горъ. Этотъ островъ былъ впервые открытъ Лаперузомъ въ 1787 году, плававшимъ во главѣ французской экспедиціи на судахъ Астролябія и Бусоль у сѣверныхъ береговъ Кореи. Весною и лѣтомъ 1854 года англійское судно «Acteon» изслѣдовало о. Дажелеть. На суднѣ находился ботаникъ Вильфордъ, собиравшій мѣстныя растенія. Болѣе 15 лѣтъ тому назадъ русское военное судно «Витязь» сняло съ о. Дажелета планъ и произвело промѣры у его береговъ, закончивши этимъ свою службу Россіи, такъ какъ судно вскорѣ послѣ того погибло, попавъ на подводный камень, лежащій на NO отъ Дажелета, который и получилъ въ воспоминаніе объ этомъ печальномъ случаѣ названіе «Витязь». Въ 1901 году на островъ былъ посланъ правительствомъ лейтенантъ В. А. Карцевъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ для осмотра лѣсовъ этого острова и у корейцевъ, проживающихъ на Дажелетѣ, сохранилось воспоминаніе объ этой русской экспедиціи. Мы помнимъ,—говорили они намъ при настоящемъ посѣщеніи острова,—бѣлое русское военное судно (это былъ «Кореецъ»). Офицеру, спустившемуся съ него, островъ показывало нѣсколько японцевъ.

При этомъ корейцы высказывали предположеніе, что настоящій начальникъ экспедиціи и есть именно то лицо, которое посѣтило Дажелеть въ 1901 г. Равнымъ образомъ, у нихъ живетъ и воспоминаніе объ англичанинѣ, который прибылъ на островъ вмѣстѣ съ японцами лѣтъ 20 тому назадъ и занимался вырубкой лѣса, и о другомъ англичанинѣ, который сойдя съ судна, поднялся на самую высокую гору острова Дажелеть, Суимбонъ, изслѣдуя на пути каменистыя породы.

Справедливо славясь своими лѣсными богатствами, Уллындо первоначально былъ отданъ въ эксплуатацію американскому подданному Митчелю за уплату 50⁰/₀ съ вывоза брутто въ пользу корейской казны; затѣмъ концессія на этотъ островъ была уступлена русскому подданному Бринеру, при условіи уплаты въ корейскую казну 25⁰/₀ съ чистой прибыли; въ настоящее же время хотя концессія также точно принадлежитъ русскому подданному Безобразову, но японцы, нарушая права Россіи, вырубаютъ лѣсъ.

Уллындо — единственный большой корейскій островъ въ Японскомъ морѣ сравнительно удаленный отъ материка. Онъ составляетъ самый восточный пунктъ корейскихъ владѣній, подл 130° 54' в. д. отъ Гринвича, и находится приблизительно въ 70 миляхъ отъ береговъ корейскаго материка. Въ ясный солнечный день со склона вершины Турибонъ (въ хребтѣ Нариколь), съ высоты приблизительно 2500—2800 футовъ, видѣются берега Кореи и снѣговыя вершины ея горъ, переливающія серебристымъ блескомъ при ярко-свѣтящемъ солнцѣ. Море, омывающее непривѣтливыя скалистыя берега Дажелета, очень глубоко, но оно не образуетъ на островѣ ни одной бухты, гдѣ бы могло найти пристанище даже судно въ 1,000 тоннъ. Берега Дажелета такъ недоступны, что даже небольшія суда могутъ пристать къ берегу въ очень немногихъ мѣстахъ. Лучшая пристань, могущая служить мѣстомъ выгрузки и якорной стоянки, — Тодо, лежащая на восточномъ берегу острова и защищенная отъ сѣверныхъ, западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ. Другая удобная гавань для небольшихъ судовъ лежитъ на NW берегу. Она защищена отъ южныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Пристань, удобная для шлюпокъ и ботовъ, (гдѣ приставали мы) находится на SW берегу, въ мѣстности Корке, нѣсколько на SO отъ мыса Башеннаго. Неудобство этой бухточки заключается въ томъ, что пристать здѣсь могутъ 2—3 шлюпки и противъ входа, въ 100 слишкомъ саженьяхъ въ море, лежитъ едва выдающійся изъ моря камень, который препятствуетъ прямому курсу съ судна въ бухточку.

О. Дажелеть вулканическаго происхожденія, подтвержденіемъ чего служить его вертикальное строеніе, масса камней, представляющихъ застывшую лаву, и крайне пересѣченная мѣстность, каковая можетъ быть только при вулканическомъ образованіи. При подъемѣ на нѣкоторыя горы слышенъ гулкій звукъ, выходящій изъ пустоты, что указываетъ на существованіе внутри горъ пещеръ, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено вулканическимъ дѣйствіемъ. О томъ, что островъ выросъ изъ моря не 200—300 лѣтъ тому назадъ, а гораздо ранѣе, 1200—1500 лѣтъ тому назадъ, мы можемъ судить на основаніи громадныхъ, гигантскихъ деревьевъ, достигающихъ 5 обхватовъ толщины.

Весь островъ покрытъ лѣсистыми горами, отдѣленными одна отъ другой узкими долинами, которыя постепенно расширяются по мѣрѣ приближенія къ югу. Отъ Суимбома и Турибона—двухъ высокихъ вершинъ хребта Нариколь (Суимбонъ имѣетъ 3,208 ф. вышины, а Турибонъ нѣсколько ниже), какъ отъ центра радіусы, расходятся во всѣ стороны гряды горъ, постепенно понижаясь къ морю, но все еще оставаясь довольно высокими. Самая высокая (1384 ф.) вершина, которою горы оканчиваются при морѣ,—Сахарная голова, лежащая на сѣверной сторонѣ Дажелета и названная такимъ именемъ за свою форму. На югѣ островъ оканчивается мысомъ Кербера, на востокѣ—мысомъ Розанова и на западѣ мысомъ Виреніуса и мысомъ Башеннымъ, возвышающимся на 475 футовъ надъ уровнемъ моря.

Всѣ горы и долины представляютъ почти точную копію одна съ другой, отличаясь только большимъ или меньшимъ уклономъ горъ. Онѣ отъ вершины до самаго низа покрыты громаднымъ лѣсомъ; только на вершинѣ горы Суимбонъ растетъ невысокій бамбукъ, дикій виноградъ и низкорозлый кустарникъ Омціо, который нѣсколько ниже смѣняется рябиной, достигающей вершины горы своими верхними вѣтвями, и наконецъ переходитъ въ громадный густой лѣсъ. По дну долинъ, загроможденныхъ камнями, текутъ рѣчки, а склоны оголенныхъ отъ лѣса горъ засѣяны хлѣбами, служащими средствомъ поддержанія жалкаго существованія корейца.

Чтобы дать понятіе о долинахъ и подъемѣ на горы, я постараюсь описать подробнѣе наше восхожденіе на самую высокую гору острова Суимбонъ. Войдя съ морского берега въ долину Сенмонголь, мы двинулись, постепенно поднимаясь на гору, вдоль рѣчки того же названія. Узкая тропинка, извиваясь изъ стороны въ сторону сообразно теченію рѣчки, то идетъ рядомъ съ ней, то пересѣкаетъ ее, то отклоняется отъ нея нѣсколько въ сторону, когда рѣчка дѣлаетъ крутые повороты.

Съ каждымъ шагомъ путь становится труднѣе, подъемъ круче и каменистѣе. Часто приходится прибѣгать къ помощи кустовъ и деревьевъ, чтобы удержать равновѣсіе тѣла, и кажется, что съ преодоленіемъ этого препятствія всѣ трудности окончатся—вдали виднѣется ровная, гладкая тропинка, но это только обманъ зрѣнія, поддерживающій бодрость путника, и заставляющій его стремиться впередъ и впередъ къ новому разочарованію. Утомительный путь много скрашиваютъ красоты окружающей природы. Кругомъ высятся горы, покрытыя столѣтними лѣсными великанами, чрезъ листву которыхъ яркое солнышко пропускаетъ свои лучи и освѣщаетъ небольшой журчащій потокъ. Извиваясь серебристой блестящей змѣйкой, онъ, то весело журчитъ среди молчаливыхъ угрюмыхъ скалъ, то съ шумомъ падаетъ водопадомъ со скалы, то вдругъ, исчезая среди скалъ съ глухимъ рокотомъ, снова вырывается изъ душившихъ его объятій скалъ и камней къ свѣту и быстро устремляется впередъ, неся съ собою жизнь и радость.

Подъемъ на горный хребетъ Нариколь совершается какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній со своими двумя вершинами имѣетъ видъ сѣдла, передней дугой котораго является возвышающаяся на 3,208 ф. вершина Суимбонъ, а заднею—вершина Турибонъ; пониженный же горный хребетъ, лежащій между этими двумя вершинами, образуетъ сидѣнье. Къ этому сидѣнью и подходит перпендикулярно тропинка, ведущая вдоль рѣки Сенмонголь на вершины Суимбонъ и Турибонъ.

Суимбонъ оканчивается небольшою,—сажень 36 въ окружности,—площадкой, покрытой низкорослымъ бамбукомъ и дикимъ виноградомъ, и потому съ него очень удобно обозрѣвать окружающія мѣста и море. Прямо подъ вершиной лежитъ, раскинувшись въ чашеобразной долинѣ, деревня Нариколь, за которой виднѣется около моря Сахарная голова. Очень хорошо виденъ NO острова Дажелета и NW и W. Южная сторона острова заслоняется вершиной Турибонъ и потому совершенно не видна съ Суимбонъ. Вершина Турибонъ заросла громаднымъ лѣсомъ, густо покрывающимъ ея вершину и склоны, и потому и окрестности ея нельзя было иначе обозрѣвать, какъ взобравшись на верхушку дерева, которое нависло надъ крутыми склонами горы. Въ такомъ положеніи докторомъ Меркушевымъ была снята фотографія южной части острова со склона горы Турибонъ.

Климатъ острова очень здоровый. Самая лучшая погода бываетъ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, но въ это же время бываютъ и самыя сильныя жары, достигающіе 36° Р. въ тѣни. Ночи теплыя (18°—20°) и несырыя, хотя влажныя и туманныя. Облака, которыя почти каждый

день окутываютъ вершины горъ, не спускаются въ долину и не вносятъ того пронизывающаго холода и сырости, какъ туманы Владивостока. Съ октября по февраль выпадаетъ снѣгъ, особенно значительный на сѣверѣ Дажелета, и долгое время остается на вершинахъ горъ. Самый большой выпадъ снѣга бываетъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Хорошій, легкій воздухъ и изобиліе воды, дающей возможность устраивать купанья въ прѣсной водѣ, могутъ оказать дѣйствительную помощь чахоточнымъ больнымъ.

Насколько обильно на островѣ лѣсное царство, настолько же бѣдно травянистое и цвѣточное царство. Самыя дорогія и самыя громадныя деревья, которыя прежде росли въ долинахъ, въ настоящее время остались въ незначительномъ количествѣ по склонамъ горъ (до 800 ф. вышины). Это экземпляры изъ породы краснаго дерева. Но среди нихъ нѣтъ уже такихъ великановъ въ 5 обхватовъ, о которыхъ рассказываютъ корейцы и остатки которыхъ валяются по лощинамъ въ видѣ широкихъ плахъ и толстыхъ обрубковъ, слѣдовъ хозяйства хищниковъ-японцевъ. Другое цѣнное дерево кедръ, достигающее до 3-хъ обхватовъ толщины, росло прежде отъ вершины до подножья горъ, а въ настоящее время сохранилось, хотя и въ большомъ количествѣ, только по верхнимъ склонамъ болѣе высокихъ горъ. Не менѣе цѣннымъ является также дерево *pterocarpus flavus*, растущее по склонамъ горъ и въ долинахъ и достигающее 4-5 обхватовъ толщины. Оно цѣнится за желтую кору, изъ которой японцы готовятъ желтую краску для матеріи. Вообще лѣса здѣсь очень много. Болѣе важныхъ и достигающихъ громадныхъ размѣровъ деревьевъ здѣсь насчитывается 24 сорта. Горы отъ подножья до крайнихъ вершинъ одѣты лѣсными великанами, которые теперь постепенно падаютъ подъ топоромъ японцевъ. На островѣ разнообразіе травъ незначительное, и почти совершенно нѣтъ цвѣтовъ. Изъ растений, служащихъ своими плодами средствомъ существованія для обитателей острова, можно отмѣтить: кукурузу, рисъ, бобы, картофель, капусту, тыкву и лукъ.

Нѣтъ здѣсь также и обилія животнаго царства. Изъ дикихъ животныхъ мы встрѣтили только дикихъ кошекъ и крысъ, отличающихся длинными хвостами. По словамъ корейцевъ, здѣсь нѣтъ другихъ дикихъ животныхъ, изъ домашнихъ же имѣются козы, свиньи, собаки и коровы. Всѣ домашнія животныя привезены изъ Кореи и находятся на островѣ въ незначительномъ числѣ. Коровъ очень мало, и онѣ стоятъ очень дорого, около 60-70 рублей за такую корову, которая въ Шестаковѣ (въ Корей) стоитъ 8-10 рублей. Коровы привезены исключительно для расплода и на убой, потому что

благодаря крутымъ склонамъ горъ и каменистой почвѣ, гдѣ сѣютъ хлѣба, корейцы не могутъ ими пользоваться въ качествѣ рабочей силы. Свинья въ 42 фунта стоитъ 5 рублей, а небольшая коза стоитъ 2-3 рубля. Собаки служатъ стражами полей въ защиту ихъ отъ нападенія крысъ.

Изъ царства пернатыхъ на Дажелетѣ имѣются: ласточки, дятлы, воробьи, голуби (теперь ихъ очень мало, потомучто японцы стрѣляютъ голубей изъ дробовиковъ), вороны, крикъ которыхъ очень напоминаетъ медленный лай собаки „ау“ „ау“, чайки, живущія въ норахъ на вершинѣ даже самыхъ высокихъ горъ, и бакланы. Изъ домашнихъ птицъ здѣсь водятся только куры.

Въ водахъ, омывающихъ берега Дажелета во множествѣ водятся раковины *halotis* и каракатица; рыбы же очень мало, такъ какъ глубина моря около береговъ острова очень значительна и неудобна для жизни и размноженія рыбы.

Въ морѣ, омывающемъ островъ, видѣли сивуча, который выползъ на прибрежныя скалы.

Островъ Уллындо входитъ въ составъ провинціи Канъ-ундо и управляется Кунсу — уѣзднымъ начальникомъ. Населеніе его состоитъ изъ 2,500 корейцевъ, расположившихся въ 560 домахъ, и 180 японцевъ*), расположившихся въ 63 жилищахъ и находящихся подъ управленіемъ японскаго полицейскаго офицера, живущаго въ селеніи Тодо. Островъ раздѣленъ на 20 деревень, названія которыхъ служатъ и наименованіемъ окружающихъ ихъ мѣстностей: 1) Корке, гдѣ расположено 80 корейскихъ домовъ и 7 японскихъ. Изъ японцевъ только жители одного дома занимаются рыбной ловлей, остальные же рубятъ лѣсъ; 2) Саммаколь; 3) Хантукими, — японскихъ жилищъ 4; 4) Саннамуче; 5) Хампо, — японскихъ домовъ 1 и корейскихъ 45; 6) Синціо, — 1 японскій домъ; точное число корейскихъ домовъ неизвѣстно; 7) Пенги и 8) Куамъ — въ которыхъ живутъ только корейцы; 9) Сонгосанъ, — корейскихъ домовъ 53, японскихъ нѣтъ; 10) Услямпо, — японскихъ домовъ 1—2, число же корейскихъ — неизвѣстно; 11) Есянцянъ, — японскихъ домовъ 3, а корейскихъ — 60; 12) Цямбудонъ, — японскихъ домовъ 3, число корейскихъ — неизвѣстно; 13) Тебао, — японскихъ жилищъ 4, число корейскихъ — неизвѣстно; 14) Тундерпо, около котораго лежитъ мѣсто Ватарри, изобилующее краснымъ деревомъ; тамъ въ настоящее время хозяйничаютъ японцы. За неимѣніемъ рѣчки, по которой было бы возможно сплавливать лѣсъ, японцы нанимаютъ корейцевъ, и по-

*) Въ настоящее время, вѣроятно, японцевъ болѣе 180, потомучто стоитъ много японскихъ судовъ и идетъ сильная порубка лѣса.

слѣдніе канатами вытаскиваютъ лѣсины къ морскому берегу; 15) Несудьянъ; 16) Мосиге, — японскихъ жилищъ 3, число корейскихъ — неизвѣстно; 17) Тодо, — корейскихъ домовъ 47 и почти столько же японскихъ; 18) Арукса, — одинъ японскій домъ; 19) Цюньянь и 20) Тонгими, — японскихъ домовъ 5, корейскихъ 23.

Японцы появились на островѣ 20 слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Вскорѣ же послѣ прибытія японцевъ, корейское правительство, въ виду возможности захвата острова со стороны японцевъ, послало на островъ своихъ колонизаторовъ въ лицѣ 6 корейскихъ семействъ. Съ этого времени начинается иммиграція корейцевъ на Дажелетъ, достигшая за 1902 г. 300 человекъ. Корейское правительство, желая ускорить заселеніе острова, освобождало до настоящаго года иммигрантовъ отъ уплаты податей, и только съ этого года назначена подать въ размѣрѣ 1 доллара 30 центовъ японскою серебряною монетою, или 2 долларовъ 60 центовъ корейскою никелевою монетою въ годъ.

Населеніе острова главнымъ образомъ живетъ на южной сторонѣ Дажелета, гдѣ долины гораздо шире и плодороднѣе, чѣмъ въ сѣверной части. Селенія крайне разбросаны, и дома отстоятъ далеко одинъ отъ другого. Японскія постройки рѣзко выдѣляются среди корейскихъ и большею чистотой, и болѣе красивымъ внѣшнимъ видомъ. Корейцы, выбравши мѣсто для постройки жилища, срубаютъ близь растущія деревья и устраиваютъ изъ нихъ хижину, помѣщая одно бревно на другомъ такъ, что между бревнами образуются широкія пазы, которые замазываются глиной съ соломой, послѣ чего уже приступаютъ къ устройству крыши. На стропила, связанные веревками, помѣщаютъ плахи, кладя нижній конецъ верхней плахи на верхній конецъ нижней плахи. Плахи, употребляемыя для устройства крышъ, приготовляются изъ дерева, распиленнаго на короткія чурки, длиною аршина въ $1\frac{1}{2}$, которыя разрубаются при помощи клиньевъ топоромъ на неровныя и неодинаковой толщины плахи, служащія въ такомъ видѣ для устройства крышъ. Поверхъ плахъ, — чтобы вѣтеръ не могъ сорвать такой плохой крыши, — накладываютъ камни, которыя своей тяжестью придавливаютъ плахи болѣе или менѣе плотно одну къ другой. Построивъ жилище и обдѣлавъ его съ внѣшней стороны, кореецъ приступаетъ къ его внутренней отдѣлкѣ и прежде всего устраиваетъ полъ изъ разбитой глины, который покрываетъ, или тонкой рогожей, или древесными листьями. Дома корейцевъ по большей части обнесены невысокими каменными стѣнами, въ основаніи которыхъ лежатъ болѣе крупныя камни, между тѣмъ какъ камни верхнихъ слоевъ постепенно дѣлаются болѣе мелкими,

по мѣрѣ возвышенія и утонщенія стѣны. Въ этой оградѣ противъ входа въ жилище, на подставкахъ изъ обрубковъ бревенъ, вышиною аршина на $1\frac{1}{2}$, устраивается курятникъ, чтобы дикія кошки и крысы не могли похищать куръ. Рядомъ съ курятникомъ, но уже прямо на землѣ, устраиваютъ, изъ положенныхъ одно на другое бревенъ, хлѣвъ для свиней, который своимъ внѣшнимъ видомъ очень напоминаютъ клѣтку, въ которой аину—древніе обитатели Японіи—выкармливали медвѣжатъ для своихъ праздниковъ.

Японскія жилища построены по образцу обычныхъ въ Японіи домовъ, только меньшаго размѣра и съ меньшими удобствами, чѣмъ въ Японіи, потому что обитатели ихъ пріѣзжаютъ сюда, только чтобы заработать деньги. Задавшись этой цѣлью, японцы пользуются всѣми средствами эксплуатаціи корейцевъ, селясь въ корейскихъ деревняхъ по нѣскольку человекъ, чтобы было удобнѣе эксплуатировать корейцевъ, не сталкиваясь съ интересами другихъ своихъ соотечественниковъ.

Корейцы главнымъ образомъ занимаются земледѣліемъ. Вырубая лѣсъ по склонамъ высокихъ и крутыхъ (градусовъ въ 50) горъ, корейцы сжигаютъ деревья и сбрасываютъ внизъ тѣ камни, которые они въ состояніи сбросить; на расчищенной такимъ образомъ площади они устраиваютъ кукурузныя, бобовыя и тыквенныя поля. Въ долинахъ очень мало мѣстъ, удобныхъ для земледѣлія, такъ какъ дома завалены громадными осколками скаль, а потому если и встрѣчается пашня, то невольно приходитъ на мысль, насколько остра должна быть борьба за существованіе у жителей, если для устройства поля въ 2 кв. сажени кореецъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ перетаскиваетъ камни съ намѣченнаго имъ мѣста. Но несмотря на каменистую почву, территоріальныя неудобства для обработки и крутые склоны горъ, трудъ земледѣльца вознаграждается въ достаточной мѣрѣ, и еще Оппертъ, путешествовавшій въ Корей въ 60 годахъ 19 столѣтія замѣчаетъ, что Дажелетъ славится плодородіемъ. Продукты земли служатъ главнымъ средствомъ существованія жителей. Они ѣдятъ вареную и печеную кукурузу, похлебку изъ рисовой муки и другую вареную зелень. Чайки, живущія по вершинамъ горъ въ норахъ, также служатъ пищею. Поймавъ руками въ норѣ чайку, кореецъ очищаетъ ее отъ перьевъ, сдираетъ верхнюю кожу и жаритъ на вертелѣ безъ соли и другой какой-либо приправы. Куры и ихъ яйца служатъ преимущественно пищею японцевъ.

Дѣятельность японцевъ на островѣ сосредоточена на вырубкѣ лѣса. Ловля раковинъ *haliotis* является только временнымъ занятіемъ съ марта по май мѣсяць, для чего японцы пріѣзжаютъ изъ своего отечества,

вооружившись водолазными аппаратами, ибо, благодаря значительной глубинѣ моря у береговъ, ловить haliotis руками при ныряніи неудобно. По этой же причинѣ корейцы не могутъ ловить аваби (haliotis), не имѣя у себя водолазныхъ снарядовъ. Японцы главнымъ образомъ вырубаютъ красное дерево, которое идетъ на различнаго рода дорогія издѣлія, и кедръ, изъ плахъ котораго строятъ судна. Срубивъ дерево, японцы сбрасываютъ его на дно лощины, гдѣ и придаютъ ему ту или другую форму, дожидаясь сильныхъ дождей, которыя, поднимая горныя рѣчки, обращаютъ ихъ въ бурные потоки, являющіеся удобнымъ средствомъ для сплава лѣса. Въ тѣхъ весьма немногочисленныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ рѣчки, японцы пользуются канатами для переноски деревянныхъ отрѣзковъ съ помощью корейцевъ къ морю. Суда, находящіяся около устья рѣчки, подбираютъ лѣсъ и перевозятъ его въ Японию. Главною гаванью по вывозу лѣса съ острова Дажелеть служитъ Тодо, которое является также главнѣйшимъ мѣстопребываніемъ японцевъ на островѣ, устроившихъ здѣсь свою особую полицію, почему на островѣ существуютъ собственно двѣ власти: de jure власть на островѣ принадлежитъ корейскому чиновнику, но de facto здѣсь всѣмъ распоряжается японскій полицейскій офицеръ.

Только пристала наша шлюпка къ берегу, какъ намъ уже привелось быть зрителями антагонизма двухъ восточныхъ народовъ. Выдя изъ шлюпки, мы обратились къ корейцу, говорившему по японски, прося его нанять 15 человекъ рабочихъ для переноски вещей въ долину, гдѣ было рѣшено устроить временный лагерь. Рабочіе были наняты и готовились уже приступить къ переноскѣ вещей, какъ вдругъ явились три японца, которые, услышавъ, что мы нуждаемся въ рабочихъ, быстро выбрали изъ уходившихъ отъ насъ обратно въ деревню корейцевъ*) 15 рабочихъ, приказывая имъ нести вещи. Въ это же время одинъ японецъ предложилъ намъ обратиться за содѣйствіемъ къ японской полиціи, говоря: «Обратитесь къ нашему полицейскому офицеру, и онъ распорядится о доставленіи вамъ всего необходимаго». Не желая признавать авторитета японцевъ на островѣ и такимъ образомъ показать, что и мы русскіе ничего не можемъ сдѣлать безъ помощи японцевъ и даже, можно сказать, безъ ихъ руководства, мы предпочли подвергнуть себя всѣмъ неудобствамъ перехода съ громаднымъ количествомъ груза, но не пользоваться услугами нашихъ конкурентовъ ко вреду Россіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ, корейцы сочли бы русскихъ такими

*) Впослѣдствіи корейцы сообщили, что они ушли отъ насъ, не желая имѣть дѣло съ друзьями японцевъ, какъ и съ самими японцами.

же притѣснителями, какъ и японцевъ, и стали бы относиться къ намъ еще хуже, чѣмъ къ послѣднимъ. На японцевъ они смотрятъ, какъ на враговъ и, ненавидя ихъ, боятся, и насъ, въ случаѣ признанія нами авторитета японцевъ, корейцы стали бы презирать, и потому мы отказались отъ дискредитирующей Россію помощи. Японцы ушли, но и 15 корейцевъ, отобранныхъ ими для переноски груза, ушли вмѣстѣ съ нами, послѣ того, какъ японцы сказали имъ что-то на корейскомъ языкѣ. Только черезъ два дня корейцы, видя, что мы не имѣемъ ничего общаго съ ихъ угнетателями и не причиняемъ имъ вреда, начали подходить къ нашему лагерю, и исполнять наши порученія, сначала относительно пищи, а затѣмъ, чувствуя къ намъ довѣріе, они стали рассказывать про свою совмѣстную жизнь съ японцами. Корейцы указывали на презрительное отношеніе японцевъ къ ихъ расѣ и на насилія, доходившія до появленія въ ихъ жилищахъ 2—3 вооруженныхъ японцевъ, которые распоряжались имуществомъ корейцевъ, какъ своею собственностью. Пользуясь услугами корейцевъ или приобрѣтая какую-либо нужную вещь, японцы стараются эксплуатировать корейцевъ, не уплачивая имъ причитающіяся суммы денегъ и платя взамѣнъ ихъ японскими товарами. Ближайшимъ результатомъ этого является то, что на островѣ денегъ очень мало. Японскихъ денегъ почти совершенно нѣтъ, а изъ корейскихъ встрѣчается только самая мелкая мѣдная монета, 50 штукъ которой цѣнится въ 1 японскій рубль.

Проживъ на островѣ 7 дней, мы завоевали симпатію корейцевъ, которые уже не только перестали насъ бояться, но даже стали относиться къ намъ довѣрчиво: доставляя лучшіе припасы, или оказывая услуги, они не требовали немедленной уплаты денегъ и даже, исполнивши аккуратно нашъ заказъ, предупредительно говорили, чтобы о деньгахъ мы не беспокоились и заплатили ихъ, когда намъ будетъ удобнѣе. Какъ на доказательство довѣрія корейцевъ къ намъ, можно указать на тотъ фактъ, что за день до нашего отъѣзда прибылъ въ лагерь кореецъ и просилъ доктора Меркушева осмотрѣть его жену, у которой болитъ сильно нога благодаря ушибу. Докторъ осмотрѣлъ больную, у которой оказался свищъ, сдѣлалъ перевязку и рассказалъ, какъ нужно поступать въ дальнѣйшемъ. Кореецъ выслушалъ очень внимательно совѣтъ доктора, переспросивъ нѣкоторое 2—3 раза.

Японцы послѣ нашего отказа пользоваться ихъ услугами, видя наше рѣшительное нежеланіе, вступать въ какія-либо сношенія съ ними, и не имѣя средствъ борьбы съ нами, по неимѣнію пулевыхъ патроновъ, какъ намъ объяснили корейцы, выражали намъ свою злобу тѣмъ, что

не только не смотрѣли на насъ, когда мы проходили мимо японскихъ жилищъ, но даже поворачивали свои головы въ противоположную сторону. Сознавая незаконность своего пребыванія и рубки лѣса на о. Дажелеть, японцы, съ появленіемъ насъ на островѣ, немедленно прекратили порубку лѣса, и свидѣтелями существующаго хищничества остались только японскія мѣтки на плахахъ и лѣсинахъ.

Съ каждымъ годомъ число хищниковъ японцевъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и площади вырубленнаго лѣса, и для русскихъ, получившихъ этотъ островъ въ концессию, останутся только однѣ оголенные вершины горъ и скалы, и сохранившіеся пни великановъ будутъ говорить намъ о нашей неосмотрительности и объ энергіи японцевъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому пора проснуться и русскимъ предпринимателямъ, чтобы не сводить къ нулю успѣхи, достигнутые нашими дипломатами въ дѣлѣ упроченія русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Довольно надѣяться на всегдашнюю помощь правительства частнымъ предпринимателямъ! Иностранцы работаютъ капиталами на свой рискъ и страхъ и зарабатываютъ на нашихъ предпріятіяхъ громадныя деньги. Если японцы вырубаютъ наши лѣса, значить, они имъ нужны. Отчего же не заняться этимъ дѣломъ русскимъ предпринимателямъ, тѣмъ болѣе, что Дажелеть русская концессія? Рынками для сбыта являются Японія и Китай; въ послѣдній ввозятъ шпалы для желѣзныхъ дорогъ, а въ Японію—дерево для деревянныхъ подѣлокъ, постройки судовъ и пр., а затѣмъ имѣются еще потребности нашего восточнаго побережья и Маньчжуріи. Рабочія руки найдутся отчасти на мѣстѣ, и, при большемъ развитіи дѣла, могутъ быть наняты за незначительную плату въ Кореѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что рынокъ—есть, и рабочія руки—есть; но нѣтъ самаго главнаго—денежныхъ средствъ для веденія предпріятія, такъ какъ русскіе капиталисты слишкомъ неэнергичны и слишкомъ придерживаются рутины. Поэтому всѣ наши предпріятія, и не только на Востокѣ, но и въ Россіи, переходятъ въ руки иностранныхъ капиталовъ, которые живутъ на нашъ счетъ. Въ мѣрѣ нѣтъ двухъ побѣдителей, а есть побѣдитель и побѣжденные имъ, а потому если мы не хотимъ быть въ числѣ послѣднихъ, мы должны употребить всѣ усилія, чтобы быть въ числѣ первыхъ. А для этого мы должны выступить такъ же бодро и энергично въ экономической борьбѣ, какъ и на полѣ брани, чтобы показать, что мы, русскіе, сильны не въ войнѣ только, но и въ мирѣ.

Современное состояніе вооруженныхъ силъ Кореи.

Положенія объ обмундированіи, вооруженіи, снаряженіи, жалованьи, довольствіи, устройствѣ казармъ и обученіи корейскихъ войскъ*).

Составлено слушателемъ III курса Восточнаго Института. Штабс-Капитаномъ
Афанасьевымъ.

Обмундированіе.

Форма одежды корейскихъ сухопутныхъ войскъ раздѣляется на слѣдующіе пять видовъ: 1) парадную, 2) церемоніальную, 3) походную, 4) обыкновенную и 5) лѣтнюю.

Парадная форма.

а) Парадная форма офицеровъ

состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) длинныхъ брюкъ съ короткими сапогами, 3) парадной фуражки съ султаномъ, 4) шарфа, 5) сабли, 6) темляка, 7) перчатокъ бѣлой кожи, а также, кому положено, 8) прибивныхъ шпоръ, 9) эсельбантовъ, 10) дежурныхъ перевязей и 11) орленскихъ лентъ.

1) Мундиръ — двубортный, изъ чернаго сукна, со стоячимъ воротникомъ, 12-ю пуговицами спереди и 4-мя сзади. Кантъ по краю борта и сзади по пуговичнымъ вышкамъ и воротника и матеріалъ на треугольникахъ верхней стороны обшлаговъ, основаніемъ котораго служитъ нижній край обшлаговъ, — изъ цвѣтнаго сукна, смотря на принадлежности къ роду оружія и вѣдомствамъ. Шитье на воротникѣ и рукавахъ — золотое, кромѣ интендантскихъ офицеровъ и военныхъ врачей, у которыхъ шитье серебряное. Шитье на рукавахъ состоитъ изъ шитыхъ золотыхъ или серебряныхъ снуровъ; первый снуръ идетъ отъ угловъ

*). См. статью того же автора и съ тѣмъ же заглавіемъ въ т. III (вып. 3-ій) «Извѣстій Восточнаго Института». 1901—1902 г.г.

основанія цвѣтнаго треугольника, параллельно его ребрамъ на разстояніи $\frac{1}{10}$ дюйма, и служить какъ бы основаніемъ послѣдующему шитью; второй шнуръ, также начинаясь отъ угловъ основанія цвѣтнаго треугольника, идетъ вверхъ рукава остроугольнымъ треугольникомъ и заканчивается петлею или пятилистникомъ (цвѣтокъ вишни), смотря по тому — будетъ ли это первый или послѣдній треугольникъ шитья. Какъ при одномъ треугольничкѣ шитья (чинъ поручика), такъ и при девяти (полный генераль), послѣдній треугольникъ, на высотѣ локтя рукава, заканчивается пятилистникомъ, а всѣ предыдущіе треугольники, находящіеся внутри послѣдняго, заканчиваются петлями.

На каждой сторонѣ передней части воротника имѣются, шитья золотомъ или серебромъ, звѣздочки или пятилистники, смотря по чинамъ и вѣдомствамъ (у генераловъ и офицеровъ Штаба Главнокомандующаго — пятилистники, а у остальныхъ офицеровъ — звѣздочки). Звѣздочки на воротничкѣ — такія же, какъ и въ русской арміи на поговахъ у офицеровъ, для обозначенія чиновъ. На лѣвомъ боку мундира имѣется разрѣзъ для сабли и черный металлическій крючекъ для пристегиванія ея, когда не положено имѣть саблю распущенной на всю длину портупеи.

2) Эполеты — японскаго образца; поле эполетъ — красное для всѣхъ родовъ оружія, кромѣ офицеровъ Штаба Главнокомандующаго и генераловъ, у которыхъ поле эполетъ — золотое. У генераловъ и штабъ-офицеровъ эполеты — съ золотыми кистями, а на круглой части поля эполетъ вышитъ серебромъ національный флагъ съ лавровыми вѣтвями, пересѣкающимися внизу флага; по обѣимъ сторонамъ національнаго флага, вдоль продолговатой и круглой части эполетъ, находятся цвѣтки вишни, отъ 1-ой до 3-хъ съ каждой стороны, смотря по чинамъ, лепестки которыхъ вышиты серебряными нитками, а края ихъ — золотыми нитками. У штабъ-офицеровъ не Штаба Главнокомандующаго, вмѣсто цвѣтковъ вишни, вышиты серебряныя звѣздочки, отъ 1-ой до 3-хъ, съ каждой стороны національнаго флага соотвѣтственно чину. У оберъ-офицеровъ эполеты — безъ кистей и на полѣ круглой части эполетъ также вышитъ знакъ національнаго флага, но безъ лавровыхъ вѣтвей, а по сторонамъ его, на продолговатой и круглой частяхъ эполетъ, серебряныя (вышитныя) звѣздочки по чинамъ. Въ концѣ поля продолговатой части эполетъ находится позолоченная пуговица, на которой изображенъ цвѣтокъ вишни.

3) Длинные брюки — изъ чернаго сукна, съ кожаными штрипами и съ цвѣтными лампасами, смотря по роду оружія и вѣдомству. Лампасъ у генераловъ три: одна — черная, въ срединѣ, изъ шелковой ленты,

шириною въ $\frac{3}{10}$ дюйма, и двѣ— цвѣтнаго сукна, по бокамъ черной, по $\frac{7}{10}$ дюйма шириною. У штабъ-офицеровъ— двѣ лампасы цвѣтнаго сукна, по $\frac{7}{10}$ дюйма шириною, раздѣленные просвѣтомъ шароваръ, въ $\frac{2}{10}$ дюйма шириною. У оберъ-офицеровъ— одна цвѣтная лампаса, въ одинъ дюймъ шириною.

4) Короткіе сапоги— черной кожи.

5) Парадная фуражка— японскаго образца, изъ чернаго сукна, подклееннаго твердымъ кордопомъ, съ цвѣтнымъ околышемъ, смотря по роду оружія и вѣдомству, выгнутой внутрь фуражки тульей и съ длиннымъ, по узкимъ козырькомъ лакированной кожи. По нижнему краю околыша идетъ кантъ изъ лакированной кожи.

Въ срединѣ вогнутой тульи помѣщается пятилистникъ изъ цвѣтнаго сукна (по роду оружія), края котораго обшиты узкимъ шитымъ золотымъ кантомъ; вмѣсто пестика пятилистника— вышить золотымъ шнуромъ пятилистникъ въ миниатюрѣ, отъ котораго въ разныя стороны, по полямъ лепестковъ цвѣтнаго пятилистника, идутъ золотыя нити въ видѣ тычинокъ. По дну вогнутой тульи, при соединеніи ея съ верхней невогнутой тульей, идетъ золотой кантъ. По верхней невогнутой тульѣ, перпендикулярно къ околышу фуражки,—спереди, сзади, слѣва и справа идетъ золотой шуръ, который, начинаясь отъ дна вогнутой тульи, кончается у верхняго золотого канта околыша; шуровъ этихъ бываетъ отъ 1-го до 3-хъ на каждой сторонѣ, смотря по чинамъ.

По верхнему краю околыша идетъ золотой шуръ, который, при опредѣленіи чинъ и званій по шнурамъ на околышѣ, въ расчетъ не принимается. Чины обозначаются на фуражкѣ золотыми шнурами, идущими кругомъ околыша, снизу кверху, до верхняго золотого канта; такихъ шуровъ бываетъ отъ одного до девяти включительно.

Спереди фуражки имѣется подбородный ремень черной лакированной кожи, который прикрѣпляется къ фуражкѣ посредствомъ двухъ позолоченныхъ пуговицъ, на которыхъ изображенъ цвѣтокъ вишни.

На передней сторонѣ фуражки, посрединѣ околыша, прикрѣплена кокарда круглой выпуклой формы изъ черной твердой матеріи, прошитой серебряными нитями и служащей основаніемъ для помѣщенія на ней пятилистника и лавровыхъ вѣтвей; въ срединѣ основанія кокарды расположенъ пятилистникъ въ миниатюрѣ, вышитый золотыми нитями, а слѣва и справа пятилистника идутъ двѣ лавровыхъ вѣтви, скрещивающіяся внизу пятилистника; листья лавровыхъ вѣтвей—золотыя, а вѣт-

и — серебряныя. Въ каждой кокардѣ имѣется гнѣздо для вставки нижняго конца стержня султана.

6) Султанъ — изъ красныхъ и бѣлыхъ перьевъ — вставляется своимъ нижнимъ концомъ стержня въ гнѣздо, имѣющееся въ кокардѣ.

7) Шарфъ — изъ красной ленты; кисти на его концахъ у генераловъ — серебряныя, у штабъ-офицеровъ — зеленыя и у оберъ-офицеровъ — желтыя. У офицеровъ Штаба Главнокомандующаго и у флигель-адъютантовъ шарфъ — изъ желтой ленты, съ золотыми кистями; у генераловъ вышеозначеннаго штаба вдоль шарфа по желтому полю вышиты серебряными нитками цвѣты вишни.

8) Сабля — въ металлическихъ ножнахъ (японскаго образца), на поясной португелѣ, одѣваемой подъ мушдирь. На передней сторонѣ эфеса сабли изображены двѣ пересѣкающіяся позолоченныя лавровыя вѣтви, а посрединѣ — изображеніе національнаго флага. Лавровыя вѣтви у генераловъ — во всю длину эфеса, у штабъ-офицеровъ — до половины, а у оберъ-офицеровъ — до четверти эфеса.

Поясная португеля у генераловъ — золотая двусторонняя, а у штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ — черная лакированная кожи, причемъ обратная сторона португели у штабъ-офицеровъ — красная, а у оберъ-офицеровъ — зеленая. Шапка строевымъ офицерамъ положено имѣть отточенными. Длиныя сабли, какъ въ казармахъ, такъ и въ ихъ — должны быть прищиплены на поясной крючекъ (не распускаются) и только во время верховой ѣзды онѣ распускаются.

9) Темлякъ — однополовъ по формѣ съ темлякомъ офицеровъ русской арміи, но меншого мѣста въ діаметрѣ; онъ прикрѣпляется къ эфесу сабли посредствомъ круглаго шнура, который у генераловъ, штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ Штаба Главнокомандующаго — золотой съ золотымъ темлякомъ, а у остальныхъ оберъ-офицеровъ и юнкеровъ — черный съ чернымъ темлякомъ.

10) Перчатки — положено имѣть изъ бѣлой кожи, но большая часть офицеровъ корейской арміи носить бѣлыя нитяныя.

11) Шпоры — стальныя прибивныя.

12) Эксельбанты — у офицеровъ Штаба Главнокомандующаго и флигель-адъютантовъ — золотые съ позолоченными наконечниками, а у офицеровъ гвардіи и арміи — плетеные (желтые) также съ позолоченными наконечниками. Эксельбанты положено носить всѣмъ офицерамъ Штаба

Главкомапдующаго, флиге-ль-адъютантамъ, полковымъ и баталіоннымъ адъютантамъ.

13) Дежурная перевязь — изъ ленты на подобіе русской ленты ордена Св. Станислава, въ одинъ дюймъ шириною и съ короткими кистями на концахъ. Перевязь одѣвается черезъ правое плечо и завязывается на лѣвомъ боку. Перевязь одѣвается офицерами, дежурными по полку, баталіону и карауламъ.

14) Орденскія ленты — одѣваются черезъ лѣвое плечо и закладываются на правомъ боку.

б) снаряженіе лошади при парадной формѣ

состоитъ изъ: 1) сѣдла, 2) уздечки, 3) переметныхъ сумъ, 4) мундируга, 5) чепрака, 6) подхвостника и 7) нагрудника.

1) Сѣдло — англійскаго образца, желтой кожи.

2) Уздечка, подхвостникъ и нагрудникъ — желтой кожи.

3) Чепракъ и переметныя сумы — изъ чернаго сукна, съ кантомъ по краямъ чепрака. У генераловъ кантъ — золотой, у штабъ-офицеровъ — крапиль, а у оберъ-офицеровъ кантъ идетъ только по лѣвому и правому краямъ чепрака.

в) Парадная форма нижнихъ чиновъ

состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) длинныхъ брюкъ, 3) фуражки съ султаномъ, 4) туфель, 5) поясного ремня, 6) перчатокъ и 7) штыковой ножны.

1) Мундиръ — японскаго образца, изъ темно-синяго сукна, односторонній, со стоячимъ изъ того же сукна воротникомъ и съ застежкой на крючкахъ на срединѣ груди.

У обшлаговъ рукавовъ мундира, съ наружной стороны, идетъ узкій пѣтлого сукна кантъ, шириною въ $\frac{2}{5}$ или $\frac{3}{4}$ дюйма, сметри по званию нижняго чина; одинъ узкій кантъ означаетъ солдата 1-го года службы (3-ей статьи), два узкихъ канта — солдата 2-ой статьи и три канта — солдата 1-ой статьи; одинъ широкий и одинъ узкій кантъ — младшаго унтеръ-офицера; широкий и два узкихъ — старшаго унтеръ-офицера и одинъ широкий и три узкихъ — фельдфебеля.

На высотѣ талии, по бокамъ мундира, имѣются два крючка для поясного ремня, преняте-вующіе ремню спускаться ниже талии, когда на немъ одѣты патронныя сумки, и, кромѣ того, кому положено имѣть

саблю, то—и для пристегиванія этой сабли, когда не положено имѣть ее распущенной.

2) Длинные брюки—изъ темно синяго сукна, съ цвѣтными лампасами, смотря по роду оружія и вѣдомству. Брюки шьются довольно узкими.

Лампасы у унтеръ-офицеровъ—шириною въ $\frac{3}{5}$ дюйма, а у рядовыхъ—въ $\frac{3}{10}$ дюйма.

3) Фуражка—изъ чернаго сукна; форма фуражки нижнихъ чиновъ та же, что и у офицеровъ, но на тульѣ не имѣется золотыхъ спуровъ и золотого шитья, и, кромѣ того, околышъ фуражки не сплошь цвѣтнаго сукна. У рядовыхъ околышъ цвѣтнаго сукна—только въ $\frac{4}{5}$ дюйма шириною, а у унтеръ-офицеровъ такой же цвѣтной околышъ, что и у рядовыхъ, но, кромѣ того, на разстояніи $\frac{1}{10}$ дюйма отъ цвѣтнаго околыша—имѣется цвѣтной кантъ, шириною въ $\frac{1}{5}$ дюйма.

Посрединѣ вогнутой тульи вышить желтыми нитками цвѣтокъ вишни. Кокарда—позолоченный металлическій пятилистникъ. Подбородный ремень и козырекъ—черной кожи. Султанъ вставляется нижнимъ концомъ стержня въ гнѣздо въ кокардѣ.

4) Туфли—черной грубой кожи съ желтыми подметками и каблучками, подбитыми желѣзными гвоздями съ толстыми и широкими шляпками. Снуруются туфли кожаными ремнями.

5) Поясной ремень—черной кожи съ неворопеной бляхой.

6) Погоны—русскаго образца, изъ краснаго сукна для всѣхъ родовъ оружія. На погонахъ, сверху внизъ, нашиваются буквы (корейскимъ письмомъ) изъ желтаго сукна, обозначающія номеръ полка (части). Погонъ вшивается въ опушку рукава и прикрѣпляется посредствомъ петли, имѣющей на верхнемъ концѣ погона, къ металлической пуговицѣ на мундирѣ. У основанія погона имѣется лычка изъ желтой тесьмы, въ $\frac{1}{5}$ дюйма шириною, служащая для удержанія погона внѣ плеча, когда онъ отстегнуть; такія же лычки имѣются, отъ 1 ой до 3-хъ, у верхняго края погона, обозначающія званіе нижняго чина.

7) Перчатки—бѣлыя нитяныя.

Фуражка, султанъ, погоны и перчатки, предназначаемыя для парадовъ, хранятся въ ротныхъ цейхгаузахъ и выдаются на руки нижнимъ чинамъ только по мѣрѣ надобности.

Парадная форма одѣвается офицерами и нижними чинами: 1) во время совершенія обрядовъ богослуженія, церемоній и жертвоприношеній, 2) въ

дни рожденій императора, императрицы и наследника, 3) въ дни рожденій принцевъ императорской крови, 4) въ первый день новаго года, 5) въ день зимняго солнцестоянiя, 6) при поздравленiяхъ и визитахъ и 7) при всѣхъ выѣздахъ императора для совершенiя богослуженiй и на могилы предковъ.

Церемонiальная форма.

При церемонiальной формѣ одѣваются тѣ же предметы, что и при парадной, за исключенiемъ султана и эпюлетъ. Эпюлеты замѣняются погонами, въ 1^{1/2} дюйма шириною и 3 дюйма длиною.

Погоны — съ краснымъ (гвардiя и армiя) или бѣлымъ (офицеры Штаба Главкомадующаго) полемъ, опушенные узкимъ шитымъ золотымъ кантомъ; посрединѣ погона, на одинаковомъ разстоянiи отъ обоихъ концовъ, находится изображенiе національнаго флага, вышитое синимъ и краснымъ шелкомъ и окаймленное узкимъ золотымъ спуромъ; по сторонамъ означеннаго флага, для обозначенiя чиновъ, вдоль погона помѣщаются посеребренные пакладные металлическія звѣздочки, смотря по чинамъ — отъ одной до трехъ — съ каждой стороны національнаго флага. У офицеровъ Штаба Главкомадующаго и флигель адъютантовъ, вмѣсто національнаго флага и звѣздочекъ, на продольной части поля погона вышиваются золотыми и серебряными нитями — пятилиственники, отъ одного до трехъ включительно, смотря по чинамъ. При трехъ пятилиственникахъ поля погона совершенно заполняются вышивкой. На позолоченной погонной пуговицѣ изображаются лавровыя вѣтви.

Снаряженiе лошади при церемонiальной формѣ — такое же, что и при парадной, но только не употребляется переметныхъ сумъ, чепрака, подхвостника и пагрудника.

Церемонiальная форма установлена только для офицеровъ и одѣвается: 1) во время императорскихъ обѣдовъ во дворцѣ, 2) во время представленiя высшимъ начальствующимъ лицамъ, 3) на официальныхъ обѣдахъ, актахъ, вечерахъ, публичныхъ собранiяхъ и 4) во время жертвоприношенiй и похоронъ своихъ родителей и родственниковъ.

Походная форма.

а) Походная форма офицеровъ

состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) шароваръ, 3) обыкновенной фуражки, 4) длинныхъ сапогъ или короткихъ — съ гамашами, 5) пальто,

6) сабли съ поясной португеей и темлякомъ, 7) раица, 9) боевого ремня, 9) кобуры, 10) фуфайки и 12) перчатокъ.

1) Мундиръ при походной формѣ — однобортный, со стоячимъ воротникомъ и съ застежкой посрединѣ груди посредствомъ шнуровки на японскій образецъ, но узлы шнуровки изображаютъ цвѣтокъ вишни. Воротникъ и обшлага рукавовъ — одного цвѣта съ мундиромъ, а шитье на рукавахъ такое же, какъ и при парадной формѣ, но только не золотымъ шнуромъ, а шнуромъ цвѣта чая.

На обѣихъ сторонахъ передней части воротника имѣются металлическія посеребренные звѣздочки, отъ одной до трехъ — съ каждой стороны, смотря по чинамъ.

По верхнему краю воротника нашита тесьма цвѣта чая.

Сзади на мундирѣ четыре позолоченныхъ пуговицы съ цвѣтнымъ кантомъ по пуговичнымъ выпушкамъ; на лѣвомъ боку мундира имѣется разрѣзъ для сабли и крючекъ.

2) Шаровары (брюки) — короткія, изъ темно-синяго сукна и такой же формы, какъ и длинныя брюки, но только короче, причемъ на концахъ штанинъ имѣются двѣ тесьмы для завязки; короткія брюки носятъ при длинныхъ сапогахъ при всѣхъ формахъ, за исключеніемъ формы для официальныхъ обѣдовъ, гдѣ положено быть въ длинныхъ брюкахъ.

3) Погонь — такой же формы, что и при церемониальной формѣ.

4) Обыкновенная фуражка. Форма обыкновенной фуражки та же, что и при парадной формѣ, но только шнуры на околышѣ и вышивка на вогнутой тульѣ — не золотые, а шелковые — цвѣта чая.

Подбородный ремень — изъ круглаго шелковаго шнура цвѣта чая, а кокарда — не шитая, а металлическая позолоченная, и притомъ въ ней не имѣется гнѣзда для султана.

5) Длинные сапоги — носятъ только при короткихъ брюкахъ. Образецъ сапога — японскій, съ короткими голенищами и твердой подкѣпкой.

Офицерамъ при ношеніи походной формы, по усмотрѣнію командира части, разѣшается, вмѣсто короткихъ брюкъ съ длинными сапогами, — одѣвать длинныя брюки съ короткими сапогами и гамашами.

Офицерскія гамашы — изъ матеріи цвѣта чая, съ застежками на черныхъ костяныхъ пуговицахъ.

6) Пальто — японскаго покрою, двубортное, безъ погоней, изъ чернаго драпа съ кашшономъ и съ 12-ю серебряными гладкими пу-

говицами. Длина пальто — демпного ниже колыцъ; — на верхней (опушкѣ) обшлага рукава нашить золотыя красные галты, отъ 1-го до 3-хъ, смотря по званию (оберъ-офицеры имѣютъ 1 красный галтъ, штабъ-офицеры — 2 красныхъ и генералы — 3 золотыхъ); кромѣ того, по срединѣ верхней части обшлаговъ помѣщаются серебряныя звѣзды, отъ одной до трехъ, соогвѣтственно званию.

Капшонъ пристегивается къ воротнику тремя пуговицами.

Разрѣзь сзади пальто — на трехъ или на шести пуговицахъ, смотря по принадлежности къ роду оружія.

Пальто одѣвается во время холодной и дождливой погоды при всѣхъ формахъ, но не одѣвается при обыкновенной, церемониальной и парадной формахъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) во время смотровъ, производимыхъ въ присутствіи иностранныхъ офицеровъ; 2) во время официальныхъ обѣдовъ въ паркахъ, садахъ и, вообще, на открытомъ воздухѣ и 3) въ присутствіи старшихъ начальствующихъ лицъ.

При походной формѣ — въ теплое время года — пальто скатывается и одѣвается черезъ лѣвое плечо, а тѣ офицеры, коимъ положено быть на лошади въ строю, приторачиваютъ его къ передней лукѣ сѣдла. Кромѣ пальто, офицерамъ разрѣшается имѣть черную непромокаемую накидку, которая одѣвается во время дождливой погоды какъ при скатанномъ пальто, такъ и при надѣтомъ въ рукава.

7) Сабля — съ поясной портунеей и темлякомъ, та же, что и при парадной формѣ.

8) Ранецъ — изъ черной непромокаемой парусины (японскаго образца), съ крышккой, застегивающейся сзади двумя ремнями съ пряжками, и двумя плечными ремнями безъ нагрудной перемычки. Какіе предметы долженъ имѣть офицеръ въ ранцѣ, — закономъ не установлено, а каждый беретъ то, что признаетъ для себя болѣе необходимымъ; такъ, на примѣръ, — при отправленіи изъ Сеула въ одинъ изъ городовъ Пхень-аньской провинціи 3-ей роты 3-го батальона гвардейскаго охраннаго полка, я посмотрѣлъ у одного изъ офицеровъ отправляемой роты ранецъ и нашелъ въ немъ: 12 коробокъ папирозовъ, 5 коробковъ японскихъ спичекъ, уставъ полевой службы, по бутылки воды и пару бѣлыхъ перчатокъ, по ни одной смѣны бѣлья — несмотря на то, что рота должна была пробывать въ походѣ около 14-дней.

9) Боевой ремень — изъ черной лакированной кожи съ металлической желтой пряжкой, застегивающейся въ серединѣ.

10) Кобура—изъ черной нелакированной кожи—одѣвается на боевой ремень при помощи вмѣющихся двухъ лопастей и при этомъ на правый бокъ; подъ крышкой кобуры имѣется патронташъ для 5 патроновъ. Револьверъ—Смита Вессона уменьшеннаго образца, невороненый, пятизарядный.

11) Фуфайка—изъ бѣлой бумажной матеріи одѣвается подъ мундиръ.

12) Перчатки—цвѣта чая.

б) Снаряженіе лошади при походной формѣ.

Снаряженіе лошади при походной формѣ почти такое же, что и при парадной формѣ, но чепракъ—кожаный, а не суконный; кромѣ того, прибавляются еще двѣ переметныхъ вещевыхъ сумы, которыя приторачиваются у задней луки сѣдла по обѣимъ сторонамъ, и арканъ, приторачиваемый сзади задней луки сѣдла.

в) Походная форма нижнихъ чиновъ.

Походная форма нижнихъ чиновъ состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) короткихъ брюкъ съ гамашами, кожаными туфлями или лаптями, 3) шинели съ капишопомъ, 4) поясного ремня съ тремя патронными сумками, 5) вещевой сумки, 6) баклаги, 7) штыковой ножны, 8) виштовки съ ногошнымъ ремнемъ, 9) сабли и 10) револьвера съ 10 патронами и кобурой.

1) Мундиръ—такой же, что и при парадной формѣ, но, смотря по времени года, бываетъ или зимній, или лѣтній, тогда какъ при парадной формѣ одѣвается только зимній мундиръ.

2) Короткія брюки—того же покроя, какъ и длинныя, но немного короче и, вмѣсто штрипокъ, на концахъ штанивъ пришиты два веревочныхъ шнура для завязыванія.

Короткія брюки заправляются въ бѣлыя (со штрипками, тремя ремнями и пряжками для застѣжки) гамашы, которыми покрывается шнуровка кожаныхъ туфель.

3) Фуражка—та же, что и при парадной формѣ; одна для всѣхъ временъ года.

4) Шинель—такого же покроя, какъ офицерское пальто, но вмѣсто серебряныхъ пуговицъ—съ костяными

5) Поясной ремень—тотъ же, что и при парадной формѣ.

6) Патронная сумка — изъ желтой кожи, съ двумя отдѣленіями внутри и съ крышками, застѣгивающимися съ боковъ и сзади на металлическія пуговицы; въ каждой сумкѣ помѣщается 30 патроновъ въ обоймахъ (по 15-ти въ каждомъ отдѣленіи). Сумки одѣваются на полевой ремень — двѣ спереди у лѣваго и праваго боковъ, а третья — сзади посрединѣ.

7) Вещевая сумка — изъ непромокаемой сѣрой парусины, съ крышкой, застѣгивающейся спизу, и внутри съ карманомъ для патроновъ.

Сумка служитъ для помѣщенія патроновъ (60 штукъ съ обоймами), принадлежностей для чистки и смазки винтовки и для укладки необходимыхъ вещей нижняго чина.

При выступленіи нижнихъ чинъ въ походѣ, въ сумкѣ должны находиться слѣдующіе предметы: 1) 60 патроновъ въ особомъ карманѣ, имѣющемся въ сумкѣ, 2) принадлежности для чистки и смазки винтовки, 3) рубашка и подштанники, 4) 2 пары чулокъ, 5) 1 пара гамашъ, 6) 1 пара кожаныхъ туфель, если онѣ не одѣты, или 1 пара лаптей, если одѣты кожаные туфли, 7) табакъ и спички и 8) четырехдневный запасъ риса. Сумка имѣетъ ременную глухую перевязь для одѣванія ея, и одѣвается она черезъ лѣвое плечо, причемъ приходится на правой сторонѣ сзади, равняясь верхнимъ своимъ обрѣзомъ съ высотой талии.

8) Баклага для воды — металлическая, обтянутая черной кожей, съ деревянной пробкой и съ глухой перевязью изъ парусины. Баклага одѣвается черезъ правое плечо и находится сзади на лѣвой сторонѣ ниже талии.

9) Штыковая ножна — изъ черной кожи, съ лопастью для одѣванія на поясъ. Штыковая ножна одѣвается на лѣвый бокъ.

10) Винтовка — съ кожанымъ погоннымъ ремнемъ, носится въ походѣ на лѣвомъ плечѣ — въ пѣхотѣ и одѣвается черезъ правое плечо, при посредствѣ погоннаго ремня, — въ кавалеріи.

11) Сабля — на поясной портунѣ, изъ черной кожи, носится на лѣвомъ боку.

12) Кобура — изъ черной кожи, одѣвается на правый бокъ.

Обыкновенная форма.

а) Обыкновенная форма офицеровъ

состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) длинныхъ брюкъ съ короткими сапогами, 3) обыкновенной фуражки, 4) сабли на поясной портунѣ, 5) пальто и 6) бѣлыхъ перчатокъ.

Мундиръ, фуражка, сабля и пальто—тѣ же, что и при походной формѣ; пальто одѣвается только во время дождливой или холодной погоды. Длинные брюки и бѣлые перчатки—тѣ же, что и при парадной формѣ.

б) Обыкновенная форма нижнихъ чиновъ

состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) фуражки, 3) длинныхъ или короткихъ брюкъ съ короткими сапогами или гамашами и 4) сабли на поясной портупеѣ.

Мундиръ, фуражка, короткія брюки и сабля—тѣ же, что и при походной формѣ. Длинные брюки—тѣ же, что и при парадной формѣ.

Обыкновенная форма одѣвается всѣми военно-служащими какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нужно быть въ парадной, церемониальной или походной формахъ.

Лѣтняя форма.

Лѣтняя форма одѣвается офицерами и нижними чинами только при походной, обыкновенной и караульной формахъ.

а) Лѣтняя форма офицеровъ

состоитъ изъ однобортнаго кителя, изъ бѣлой рогожки, покроя мундира, но безъ талии (покрой сзади, какъ у нашихъ морскихъ лѣтнихъ тузюрокъ) и съ боковымъ карманомъ на лѣвой сторонѣ борта.

Шитье на рукавахъ, снуровка на застѣжкахъ кителя и тесьма на воротникѣ—той же формы, что и на мундирѣ при походной формѣ, но только—не двѣтачная, а—бѣлая. Фуражка, брюки и сапоги—того же образца, что и при обыкновенной формѣ.

б) Лѣтняя форма нижнихъ чиновъ

состоитъ изъ мундира и брюкъ тѣхъ же покроевъ, какъ и при обыкновенной формѣ, но только—не изъ сукна, а изъ тонкой темносиней дабы или изъ бѣлой парусины (только одинъ мундиръ).

Фуражка и погоны при лѣтней формѣ—тѣ же, что и при обыкновенной формѣ.

Тесьма, нашиваемая на обшлага рукавовъ для обозначенія званія нижнихъ чиновъ,—при лѣтней формѣ изъ бѣлой парусины, бываетъ—не краснаго, а желтаго цвѣта.

До 1897 года всѣ нижніе чины носили только бѣлую лѣтнюю форму, но, при переходѣ корейскаго императора изъ русской миссіи (20-го

января 1897 года) во вновь выстроенный дворец, был издан императорский указъ, по которому въ офицеры и нижніе чины, входящіе по какому-либо дѣлу во внутрь дворца и входящіе въ немъ, должны быть въ черной формѣ; исключеніе было предоставлено только русскимъ офицерамъ и фельдфебелямъ, которые состояли инструкторами въ корейской арміи и жили внутри дворца.

Это измѣненіе формы одежды офицеровъ и нижнихъ чиновъ, находящихся во дворцѣ и входящихъ въ него, послѣдовало вслѣдствіе убійства королевы и нападенія на дворецъ (въ 1895 году) японскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые были въ то время въ бѣлой лѣтней формѣ. По рассказамъ приближенныхъ къ императору офицеровъ, императоръ до сихъ поръ не можетъ безъ волненія видѣть офицера, одѣтаго въ бѣлую форму, считая такого офицера за предвѣстника несчастія. Справедливость словъ моего рассказчика (корейскаго офицера) подтвердилась въ августѣ мѣсяцѣ 1903 года, когда императоръ и весь его приближенные были взволнованы тѣмъ, что одинъ (изъ представителей иностранныхъ державъ, аккредитованныхъ при корейскомъ правительствѣ, явился на аудіенцію къ императору въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ. По окончаніи аудіенціи, во дворцѣ была собрана коммиссія, подъ предсѣтельствомъ самого императора, которая обсуждала вопросъ появленія посланника въ бѣлой формѣ на аудіенцію къ императору, такъ какъ до сихъ поръ такого случая еще не встрѣчалось. Въ концѣ заступанія, какъ говорятъ приближенные къ императору лану, императоръ сказалъ, что этотъ бѣлый посланникъ есть предвѣстникъ великихъ несчастій для корейской имперіи.

Присланный ко мнѣ изъ дворца специально по этому случаю фигель-адыюгантъ просилъ меня объяснить ему, — что означаетъ бѣлая форма у иностранцевъ и въ какихъ случаяхъ она одѣвается. На это я ему отвѣтилъ, что у насъ, у военныхъ, бѣлая форма одѣвается въ жаркое время года и — въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ — замѣняетъ собою мундиръ; что же касается формы одежды чиновъ дипломатическаго корпуса при представленіи ихъ государямъ иностранныхъ державъ, то мнѣ она не извѣстна.

Вслѣдствіе того, что лейбъ-гвардейскій и гвардейскій охранные полки несутъ караульную службу внутри императорскихъ дворцовъ и передъ ними, то, вмѣсто бѣлой лѣтней одежды, они носятъ мундиры изъ темно-синей дабы.

При этомъ надо отдать справедливость недоброкачественности матеріала, изъ котораго шьется лѣтняя форма для лейбъ-гвардейскаго и гвардейскаго

полковъ, — онъ такъ быстро выцвѣтаетъ, что послѣ мѣсячной носки становится изъ темносиняго — коричневымъ или желтымъ съ различными оттѣнками. Впрочемъ нижнимъ чинамъ лейбъ-гвардейскаго и гвардейскаго охранныхъ полковъ разрѣшается носить мундиры изъ бѣлой парусины, но отпуска на нихъ особыхъ суммъ отъ казны не положено.

Лѣтняя форма одѣвается въ жаркое время — съ 1-го мая по 1-ое октября — въ сѣверныхъ провинціяхъ и — съ 1-го апрѣля по 1-ое октября — въ южныхъ.

Лѣтняя одежда одѣвается при обыкновенной и походной формахъ.

Форма одежды въ караулахъ, дежурствахъ и дневальствахъ.

а) Караульная форма офицеровъ состоитъ изъ: 1) обыкновеннаго мундира, 2) короткихъ брюкъ съ длинными сапогами, 3) обыкновенной фуражки и 4) сабли на поясной портупеѣ.

б) Караульная форма нижнихъ чиновъ состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) короткихъ брюкъ съ гамашами и туфлями, 3) фуражки, 4) винтовки и 5) поясного ремня съ одной патронной сумкой на правомъ боку при пяти патронахъ. Мундиръ и шаровары — тѣ же, что и при походной формѣ, но въ жаркое время года разрѣшается одѣвать лѣтнюю мундирную одежду изъ темносиней дабы (въ лейбъ-гвардейскомъ и гвардейскомъ полкахъ) или мундиръ изъ бѣлой парусины (въ остальныхъ войскахъ). Караульная форма одѣвается офицерами и нижними чинами во время нахождения въ караулахъ, при патрулированіи и при содѣйствіи войскъ гражданскимъ властямъ въ мѣстахъ расположенія частей.

в) Форма одежды дежурныхъ офицеровъ состоитъ изъ: 1) обыкновеннаго мундира съ погонами, 2) длинныхъ брюкъ съ короткими сапогами или гамашами, 3) обыкновенной фуражки, 4) сабли на поясной портупеѣ и 5) дежурной перевязи изъ ленты, въ родѣ нашей Станиславской, одѣваемой черезъ правое плечо.

г) Форма одежды дежурныхъ и дневальныхъ нижнихъ чиновъ состоитъ изъ: 1) мундира съ погонами, 2) фуражки, 3) короткихъ или длинныхъ брюкъ (у фельдфебелей), 4) поясного ремня съ штыковой ножной и, вложеннымъ въ немъ, штыкомъ.

Трауръ.

Трауръ одѣвается при парадной, церемоніальной и обыкновенной формахъ. Трауръ выражается тѣмъ, что золотое и серебряное шитье на фуражкѣ и мундирѣ покрывается черной тафтой; на лѣвый рукавъ мундира, по срединѣ между локтемъ и плечомъ, одѣвается траурная повязка изъ черной креповой ленты, шириною въ 2 вершка. Эполеты и эфесъ сабли также покрываются черной тафтой. Перчатки при волеиіи траура полагаются пепельнаго цвѣта.

Полный трауръ носится по отцу и матери императора и по принципамъ императорской крови; полный трауръ разрѣшается также одѣвать во время похоронъ родителей и родственниковъ.

Малый трауръ, т. е. черная креповая лента на лѣвомъ рукавѣ, носится въ продолженіе года на всѣхъ формахъ, не исключая и лѣтней, по родителямъ и родственникамъ.

Полный трауръ по императору, императрицѣ и наследнику престола начинается со дня ихъ кончины и длится до окончанія похоронъ (около 5 мѣсяцевъ); со дня же похоронъ до истеченія трехъ лѣтъ со дня кончины носится малый трауръ.

Трауръ носятъ только офицеры и чиновники военнаго вѣдомства, а нижніе чины траура не имѣютъ.

На обмундированіе со дата отпускается по 25 дол. 80 центъ; въ прежнее время деньги эти получались военнымъ министерствомъ, которое заказывало японцамъ все обмундированіе на всѣ войска имперіи, но съ 1-го января 1903 года—при военномъ министерствѣ была сформирована швальня, которая, опять таки получая матеріалъ изъ Японіи, шьетъ теперь обмундированіе на всѣ войска корейскаго государства.

Благодаря недоброкачественности японскаго матеріала, изъ котораго шьется обмундированіе, одежда не выдерживаетъ и половины положеннаго для нея срока, въ особенности это нужно сказать о лѣтней одеждѣ изъ темносиней дабы, такъ что видѣть солдата съ многочисленными заплатами на мундирѣ и шароварахъ—не рѣдкость.

Корейское правительство, желая улучшить доброкачественность обмундированія нижнихъ чиновъ, рѣшило въ 1901 году построить свою сукошную фабрику, которая служила бы поставщикомъ сукна для арміи, но фабрика-эта до сихъ поръ,—внесмотря на то, что уже скоро три года, какъ прибылъ приглашенный для ея постройки русскій инженеръ,—

не только не открыта для выполнения своего прямого назначения, но даже ильть ни одного камня фундамента этой будущей фабрики.

Вообще, Корея, это — страна, гдѣ проживаетъ огромное количество различныхъ иностранныхъ совѣтниковъ при различныхъ министерствахъ, а равно инженеровъ, техниковъ и мастеровъ, присланныхъ корейскому правительству иностранными державами для преобразования различныхъ вѣдомствъ, постройки фабрикъ и заводовъ, и, если эти лица не требуютъ того, для чего они приглашены, или не вмѣшиваются въ дѣла тѣхъ вѣдомствъ, для преобразования которыхъ они присланы, то дѣятельность ихъ сводится лишь къ тому, что, получая огромное содержание отъ корейскаго правительства и занимаясь всѣми дѣлами, кромѣ дѣлъ своего прямого назначения, они проживаютъ установленный срокъ по контракту, возобновляютъ его, а иногда даже получаютъ пожизненную пенсію отъ корейскаго правительства за долголѣтнюю службу въ Корей.

Такъ, въ 1896 году — во время пребыванія русскихъ инструкторовъ въ Корей — совѣтникомъ при военномъ министерствѣ былъ сержантъ американской службы Нинстендъ, который величалъ себя полковникомъ, ходилъ въ какомъ-то, лично имъ придуманномъ, нарядѣ и носилъ кэпи съ черепашевыми козырьками. Въ продолженіе своей 15-лѣтней службы совѣтникомъ военного министерства, онъ исключительно занимался, совместно съ военными министрами, поставкой изъ Японіи обмундированія для корейской арміи, настолько недоброкачественнаго, что русскіе инструкторы категорически отказались принимать его, вслѣдствіе чего — военный министръ былъ смѣщенъ, а американецъ Нинстендъ былъ удаленъ изъ министерства, но, по ходатайству американскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, ему была установлена пожизненная пенсія за долголѣтнюю службу корейскому правительству.

Срокъ носки выдаваемой одежды нижнимъ чинамъ установленъ слѣдующій:

- 1) Мундиръ и брюки изъ темносиняго сукна — 1 пара . . . на 1 годъ.
- 2) Мундиръ и брюки изъ темносиней дабы — 1 пара . . . » 1 годъ.
- 3) Шинель — 1 пара . . . » 3 года.
- 4) Туф. л — 3 пары . . . » 1 годъ.
- 5) Чулки — 10 паръ . . . » 1 годъ.
- 6) Фуражка — 1 пара . . . » 3 года.
- 7) Нижнее бѣлье — 2 пары . . . » 1 годъ.
- 8) Погонь — 1 пара . . . » 3 года.
- 9) Гамашь — 2 пары . . . » 1 годъ.

- 10) Поясной ремень на 3 года.
11) Одѣяла — 1 пара „ 3 года.

Каждому нижнему чину во время походов отпускается по 3 фута 5 дюймов матеріи на портянки.

Офицерамъ, выпущеннымъ изъ военныхъ училищъ или поступившимъ вновь на службу изъ запаса—если они пробыли въ запасѣ не менѣе 5-ти лѣтъ,—отпускаются слѣдующія суммы: маіорамъ и капитанамъ—по 60 долларовъ, а поручикамъ и подпоручикамъ—по 50 долларовъ на обмундированіе.

Волосы у офицеровъ и нижнихъ чиновъ—коротко остриженные. Стрижка волосъ началась со времени русскихъ инструкторовъ въ Корей. До русскихъ инструкторовъ, всѣ офицеры и нижніе чины носили длинные волосы, которые закручивались наверху головы въ шишку, затѣмъ голова стягивалась волосяной сѣткой (чтобы не сваливались короткіе волосы), а поверхъ этой сѣтки одѣвался волосяной колпакъ и затѣмъ уже шлемъ. Благодаря громаднымъ волосамъ (которые не расчесывались ежедневно) на головѣ появлялись различныя кожные болѣзни, и въ огромномъ количествѣ заводились насѣкомыя, которыя разгуливали по одеждѣ; эти причины заставили русскихъ инструкторовъ прибѣгнуть къ постепенной стрижкѣ волосъ при приѣмѣ новобранцевъ, которымъ заранѣе ставилось условіемъ, что они могутъ быть приняты въ охранные батальоны, которыми завѣдываютъ русскіе офицеры, только въ томъ случаѣ, если они пожелаютъ быть остриженными. До 1902 года стригли волосы только въ лейбъ-гвардейскомъ и гвардейскомъ охранныхъ полкахъ, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1902 года императорскимъ указомъ было предписано всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ имперіи имѣть волосы коротко остриженными.

Очки разрѣшается носить только офицерамъ, при чемъ офицерамъ артиллеріи пошеніе очковъ не разрѣшается.

Благодаря незначительному отпуску бѣлья нижнимъ чинамъ (только по 2 пары), оно сильно изнашивается и не можетъ выслужить и половины положеннаго срока. Многіе изъ корейскихъ офицеровъ и большая часть нижнихъ чиновъ одѣваются весьма неряшливо и нечистоплотно; офицеры же, окончившіе Военное училище въ Сеулѣ или получившіе образованіе въ Японіи, одѣваются не только чисто, но и франтовато.

В о о р у ж е н і е.

а) Вооруженіе строевыхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія

состоить изъ 1) сабли японскаго образца, въ металлическихъ ножнахъ, на поясной португелъ, и 2) револьвера Смитта-Вессона уменьшеннаго образца. Нестроевые офицеры вооружены болѣе короткой саблей—также на поясной португелъ.

б) Нижніе чины вооружены:

1) Жандармы — короткими саблями, въ металлическихъ ножнахъ, на поясной португелъ, и пятизаряднымъ револьверомъ Смитта-Вессона уменьшеннаго образца.

2) Нижніе чины лейбъ-гвардейскаго, гвардейскаго, 1-го и 4-го провинціальныхъ охранныхъ полковъ вооружены однозарядными ружьями системы Гра, со штыками-саблями; остальные 4 полка провинціальныхъ войскъ вооружены ружьями различныхъ системъ (Маузера, Ремингтона, Спейндера, Мартини, Мюреппа и Бердана).

Вышеозначенныя ружья употребляются нижними чинами во время ученія и карауловъ; въ случаѣ же выступленія войскъ или части ихъ въ походъ, они вооружаются магазинными винтовками Мурата (японскія) со штыками, которыя хранятся въ цейгхаузахъ при каждомъ полку въ качествѣ неприкосновеннаго запаса, а патроны отъ винтовокъ Мурата хранятся въ военномъ министерствѣ.

Съ 1-го января 1904 года предполагено произвести перевооруженіе всей арміи винтовками Мурата, а, взаменъ ихъ, для неприкосновеннаго запаса на случай увеличенія арміи, корейское военное министерство, при посредствѣ представителя Франціи въ Сеулѣ и французскаго офицера артиллеріи, завѣдывающаго Сеульскимъ арсеналомъ, выписываетъ изъ Франціи, въ количествѣ 60 тысячъ, ружья, которыми вооружена въ настоящее время французская армія. Соответствующее количество патроновъ для этихъ ружей, равно какъ и патронныхъ сумокъ, также будетъ заказано во Франціи.

Для практическихъ занятій и для ознакомленія нижнихъ чиновъ съ винтовками Мурата, въ каждое отдѣленіе роты выдано по одной винтовкѣ съ тремя патронными сумками и тремя обоймами пружинныхъ патроновъ.

Фельдфебели въ пѣхотѣ вооружены длинными саблями на поясной португелъ, а револьверовъ имъ не положено.

Благодаря недавнему сформированію кавалерійскихъ, артиллерійскихъ, саперныхъ и обозныхъ частей, всѣ онѣ вооружены уже современнымъ оружіемъ, именно—винтовками Мурата каваллерійскихъ и пѣхотныхъ образцовъ.

3) Кавалерія вооружена длинными саблями (японскаго образца), съ металлическими ножнами, на поясной портупеѣ, и магазинными винтовками Мурата кавалерійскаго образца, безъ штыковъ.

4) Артиллерія вооружена полевыми орудіями Круппа и скорострѣльными—Готчисса, а нижніе чины—длинными саблями, въ металлическихъ ножнахъ, на поясныхъ портупеяхъ, и револьверами Смитта-Вессона уменьшеннаго образца (револьверовъ имѣется въ настоящее время только 50, а остальная часть ихъ до сихъ поръ еще не прислана, хотя заказъ былъ сдѣланъ 2 года тому назадъ).

5) Саперы вооружены магазинными винтовками Мурата пѣхотнаго образца, со штыкомъ.

6) Обозные нижніе чины строевого взвода вооружены магазинными винтовками Мурата пѣхотнаго образца. Строевой взводъ служитъ охраной для обоза. Нижніе чины нестроевыхъ взводовъ досихъ поръ еще не вооружены, и предполагается вооружить ихъ одними револьверами.

7) Музыканты вооруженія не имѣютъ.

Магазинныя винтовки Мурата, съ принадлежностями къ нимъ для чистки, состоящія въ неприкосновенномъ запасѣ, хранятся при полкахъ во взводныхъ оружейныхъ цейхгаузахъ—въ деревянныхъ пирамидахъ. Винтовки содержатся исправно, а металлическія части ихъ имѣютъ обильную смазку. Патроны отъ винтовокъ Мурата, какъ я уже сказалъ, хранятся въ военномъ министерствѣ. Винтовки, находящіяся въ постоянномъ употребленіи, т. е. системы Гра и другихъ системъ, помѣщаются въ казармахъ—въ пирамидахъ. Ружья Гра совершенно исправны, но у многихъ нѣтъ погонныхъ ремней, а каналъ ствола пораженъ раковинами. Ружья Маузара, Ремингтона, Спейндера, Мартини, Мюреппа и Бердана—довольно въ плохомъ состояніи; у многихъ изъ нихъ также нѣтъ погонныхъ ремней, а стрѣльба изъ нѣкоторыхъ винтовокъ не безопасна для самого стрѣлка, такъ какъ у многихъ ружей Ремингтона курокъ плохо держится на взводахъ (ружьями Бердана и Ремингтона вооружены только 2 баталіона 3-го полка провинціальныхъ охранныхъ войскъ).

Неимѣніе погонныхъ ремней и неисправность многихъ ружей въ войскахъ—корейскіе офицеры объясняютъ тѣмъ, что, вслѣдствіе ожидаемаго вскорѣ перевооруженія арміи магазинными винтовками Мурата,

ремонтныхъ денегъ на снаряженіе и исправленіе винтовокъ не отпущалось уже въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. Много винтовокъ Маузера, Ремингтона и Бердана свалено въ кучу въ одномъ изъ зданій Сеульскаго арсенала.

Патроны отъ винтовокъ Гра, Маузера, Ремингтона и другихъ хранятся, въ количествѣ 100 штукъ на отдѣленіе роты, въ патронномъ полковомъ складѣ и находятся въ вѣдѣніи офицера, завѣдывающаго оружіемъ въ полку; патроны выдаются нижнимъ чинамъ, заступающимъ въ карауль или другіе наряды, гдѣ положено имѣть патроны. Каждому нижнему чину пѣхоты и саперъ, а равно строевого взвода обоза, при походной формѣ,—положено имѣть 180 патроновъ, изъ нихъ 120 патроновъ—въ трехъ патронныхъ сумкахъ на поясномъ ремнѣ и 60—въ вещевой сумкѣ. Кавалеристу положено—90 патроновъ: 30 патроновъ въ патронной сумкѣ на поясномъ ремнѣ и 60—въ вещевыхъ переметныхъ сумкахъ.

Вооруженіе одѣвается нижними чинами только во время исполненія ими обязанностей службы и въ строю. При выходѣ нижнихъ чиновъ со двора, винтовки остаются въ ротныхъ помѣщеніяхъ, а при увольненіи нижнихъ чиновъ въ болѣе продолжительной отпускъ (болѣе сутокъ),—винтовки сдаются отдѣленнымъ начальникамъ.

Нашеніе оружія лицами, не состоящими на военной службѣ, строго воспрещается, и, если и разрѣшается имѣть у себя на квартирахъ (но не при себѣ) охотничьи ружья, револьверы, сабли и стилеты—для самообороны, то—только одного какого-либо рода изъ вышеуказанныхъ категорій и не больше, какъ въ одномъ экземплярѣ, причемъ необходимо имѣть разрѣшеніе отъ мѣстнаго полицейскаго управленія на право тому или иному лицу держать у себя то или иное оружіе.

С н а р я ж е н і е .

а) Снаряженіе офицера, которому положено быть въ строю пѣшкомъ, состоитъ изъ: 1) револьверной кобуры изъ черной кожи, 2) боевого ремня лакированной кожи, съ пряжкой изъ желтой мѣди по срединѣ и 3) ранца изъ сѣрой непромокаемой парусины; снаряженіе же офицера, коему положено быть въ строю верхомъ на лошади, состоитъ: 1) изъ кобуры съ боевымъ ремнемъ и 2) полнаго походнаго снаряженія лошади (описаніе въ отдѣлѣ походной формы).

б) Снаряженіе 1) нижнихъ чиновъ пѣхоты, саперъ и строевого взвода обоза состоитъ изъ: 1) поясного ремня съ тремя пат-

ронными сумками желтой кожи, 2) штыковой ножны, 3) баклаги для воды и 4) вещевой суммы из сѣрой непромокаемой парусины (описание въ отдѣлѣ походной формы).

2) Снаряженіе кавалериста, при походной формѣ, состоитъ изъ одной патронной сумки, а снаряженіе лошади—то же, что и у офицеровъ при походной формѣ, за исключеніемъ суконнаго чепрака и подхвостника.

3) Снаряженіе артиллеріи состоитъ изъ кобуры на пояскомъ боку и вещевыхъ сумокъ на козлахъ лафетовъ и зарядныхъ ящичковъ.

4) Снаряженіе жандармовъ состоитъ изъ кобуры на пояскомъ ремнѣ.

Снаряженіе нижнихъ чиновъ, при караульной формѣ и во время ученія—не болѣе роты, состоитъ изъ одной патронной сумки на пояскомъ ремнѣ.

Патронныя сумки, которыя одѣваются нижними чинами при походной формѣ, хранятся во взводныхъ оружейныхъ цейхгаузахъ вмѣстѣ съ винтовками Мурата и выдаются только въ случаѣ похода.

Въ обыкновенное время, во время ученій и караульной службы, нижніе чины носятъ патронныя сумки старыхъ образцовъ, смотря по тому, какой системой ружей та или иная часть вооружена.

Патроннымъ сумкамъ и поясамъ установленъ трехлѣтній срокъ со дня ихъ выдачи на руки нижнимъ чинамъ, но въ настоящее время нижніе чины носятъ патронныя сумки уже 5 лѣтъ, и это происходитъ—благодаря предположенному перевооруженію корейской арміи магазинными винтовками Мурата.

Снаряженіе одѣвается нижними чинами только при исполненіи ими обязанностей службы и въ строю; при увольненіи же нижнихъ чиновъ въ отпускъ, снаряженіе остается въ ротныхъ помѣщеніяхъ, а при болѣе продолжительныхъ отпускахъ (болѣе сутокъ) сдается отдѣленному начальнику.

Ж а л о в а н і е .

Содержаніе офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ различныхъ частяхъ войскъ не одинаково, а именно—въ жандармеріи, лейбъ-гвардіи и гвардіи содержаніе выше, чѣмъ въ охранныхъ провинціальныхъ войскахъ, а въ этихъ послѣднихъ выше, чѣмъ въ личной охранѣ императора.

Содержаніе состоитъ изъ жалованія и пособія, выдаваемого соответственно чину, въ которомъ состоитъ данный офицеръ. Содержаніе офицерамъ и жалованіе нижнимъ чинамъ выдается ежемѣсячно, по окончаніи каждаго мѣсяца, въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца. Всѣ офи-

церы, состоящіе въ штабахъ полковъ и баталіоновъ, получаютъ содержаніе по чинамъ. Жалованіе офицерамъ и нижнимъ чинамъ выдается корейскими деньгами, курсъ коихъ въ 1903 году стоялъ такой, что за 1 японскій долларъ (=1 рублю) давали 1 долларъ 87 центовъ корейскими деньгами.

Содержаніе офицеровъ и жалованіе нижнихъ чиновъ строевыхъ частей установлено въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Наименованіе должностей и чиновъ.	Лейбъ-гвардія, гвардія и, входя- щіе въ составъ ихъ, саперы, артиллерія и обозъ, музыкан- ты и кавалерій- скій лейбъ-гвар- дейскій баталіонъ.				Жандармы.				Провинціаль- ныя охранныя войска.				Личная охрана императора.				
	1.		2.		3.		4.		5.		6.		7.		8.		
	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.	
	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	
1) Завѣдывающій лич- ной охраной императора, въ чинѣ генераль-маіо- ра	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—	1200	—
2) Командиръ полка, въ чинѣ полковника или подполковника	115	25	1383	—	—	—	—	—	—	106	25	1275	—	—	—	—	—
	99	16	1189	92	—	—	—	—	—	91	80	1001	60	—	—	—	—
3) Командиръ баталіо- на, въ чинѣ маіора	84	96	1019	52	84	96	1019	52	77	35	928	20	75	—	900	—	—
4) Ротный командиръ- капитанъ	70	83	849	96	70	83	849	96	46	75	561	34	34	—	418	—	—
5) Старшій интендант- скій офицеръ, въ чинѣ капитана	70	83	849	96	70	83	849	96	46	75	561	34	—	—	—	—	—
6) Младшій интендант- скій офицеръ, въ чинѣ поручика	56	66	679	92	56	66	679	92	34	—	408	—	28	5	336	60	—
7) Поручикъ	56	66	679	92	56	66	679	92	34	—	408	—	28	5	336	60	—
8) Подпоручикъ	42	48	509	76	42	48	509	76	28	5	336	60	24	—	288	—	—
9) Фельдфебель	11	—	132	—	14	—	168	—	9	—	108	—	10	—	120	—	—
10) Ст. унтеръ-офицеръ	10	—	120	—	11	50	138	—	7	50	90	—	8	—	96	—	—
11) Младшій „ „	9	—	108	—	9	50	114	—	6	50	78	—	7	—	84	—	—
12) Ефрейторъ	6	50	78	—	6	50	78	—	3	—	36	—	4	—	48	—	—
13) Строевой рядовой	6	50	78	—	6	50	78	—	3	—	36	—	3	50	42	—	—
14) Нестроевой рядовой	6	50	78	—	6	50	78	—	3	—	36	—	3	—	36	—	—
15) Врачъ	42	48	509	76	42	48	509	76	28	5	336	60	—	—	—	—	—

Офицеры, состоящие въ баталіонѣ личной охраны императора, числятся въ своихъ частяхъ и получаютъ изъ нихъ положенное содержаніе, помимо жалованья, которое они получаютъ въ баталіонѣ личной охраны; такимъ образомъ, они удовлетворяются почти двойнымъ содержаніемъ въ сравненіи съ прочими офицерами.

Командирамъ полковъ и баталіоновъ и адъютантамъ строевыхъ частей, а также всѣмъ генераламъ—какъ строевымъ, такъ и нестроевымъ, и, наконецъ, штабъ-офицерамъ и адъютантамъ изъ оберъ-офицеровъ штабовъ и управленій—кромѣ содержанія, выдаются еще фуражныя деньги—по 12 долларовъ въ мѣсяць (144 доллара въ годъ).

До 1899 года содержаніе офицерамъ и жалованіе нижнимъ чинамъ выдавалось японскими долларами—нижніе чины получали въ мѣсяць отъ 5 д. 50 ц. до 10 д. японскими деньгами, смотря по знанію (по курсу 1896—1899 г.г., 1 япон. дол. стоилъ отъ 1 д. 40 ц. до 1 д. 57 ц. корейскими деньгами). Благодаря высокому жалованію нижнимъ чинамъ,—желающихъ поступить въ войска оказались въ 5 разъ болѣе, чѣмъ требовалось.

Въ 1899 году, вслѣдствіе усиленія арміи и увеличенія расходовъ на ея содержаніе, былъ изданъ императорскій указъ о выдачѣ содержанія офицерамъ и жалованія нижнимъ чинамъ корейскими деньгами, благодаря чему содержаніе офицеровъ и жалованіе нижнихъ чиновъ уменьшилось болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$.

Въ настоящее время—въ жандармскій, лейбъ-гвардейскій и гвардейскій баталіоны—люди идутъ на службу довольно охотно, но въ провинціальныя войска, гдѣ жалованіе рядового незначительно,—желающихъ зачислиться въ ихъ ряды почти нѣтъ, и правительству приходится нерѣдко прибѣгать къ насильственной вербовкѣ и пополнять провинціальныя войска изъ гвардіи и лейбъ-гвардіи, да и то только въ видѣ наказанія за различные маловажные проступки по службѣ.

Въ настоящее время Строевой Отдѣль Штаба Главнокомандующаго, совместно съ комиссіей, состоящей изъ офицеровъ и чиновниковъ отъ различныхъ частей войскъ и управленій—какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ,—заняты выработкой правилъ о всеобщей воинской повинности въ Корей.

Проектъ о всеобщей воинской повинности въ черновикѣ совершенно готовъ и одобренъ императоромъ. Объявить о введеніи всеобщей воинской повинности предполагалось осенью 1903 года, а начать выполненіе ея—съ 1-го января 1904 года, но, благодаря сильной

оппозиція со стороны ябаньской партіи (дворяне, на которыхъ, по проекту, также распространяется воинская повинность), которая имѣтъ своихъ агентовъ въ народѣ и въ войскахъ, агитирующихъ противъ введенія всеобщей воинской повинности,—Штабъ Главнокомандующаго, съ одобренія императора, отложилъ объявленіе о введеніи всеобщей воинской повинности до перевооруженія арміи,—а для того, чтобы имѣть опору въ войскахъ въ нужный моментъ, во время волненій въ народѣ при введеніи всеобщей воинской повинности,—добавилъ въ правила о всеобщей воинской повинности особый пунктъ, въ которомъ говорится, что на всѣхъ лицъ, находящихся въ войскахъ и управленіяхъ въ день указа о всеобщей воинской повинности, повинность эта не распространяется, и они, со дня императорскаго указа о всеобщей воинской повинности, будутъ состоять на сверхсрочной службѣ и получать то же содержаніе, какое они получали въ день высочайшаго указа о всеобщей воинской повинности.

По словамъ офицеровъ Штаба Главнокомандующаго, всеобщая воинская повинность будетъ введена не ранѣе 1904 года и притомъ послѣ перевооруженія арміи. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности въ корейскихъ войскахъ, Штабъ Главнокомандующаго предполагаетъ довести численность корейской арміи до 80 тысячъ. Жалованіе нижнему чину въ годъ, по проекту всеобщей воинской повинности, предполагается дать такое же, какое онъ получаетъ въ настоящее время въ мѣсяць. По мнѣнію офицеровъ Штаба Главнокомандующаго, содержаніе 80-тысячной арміи будетъ стоить около $5\frac{1}{2}$ милл. кор. дол., т. е. на $1\frac{1}{2}$ милл. болѣе, чѣмъ расходуется въ настоящее время при 25-тысячной арміи.

Требованіе на жалованіе составляется интендантскими офицерами по штатному числу нижнихъ чиновъ въ той или иной части и отсылается въ военное министерство, откуда означенное требованіе, по проверкѣ и засвидѣтельствованіи его печатью военнаго министра, отсылается въ министерство финансовъ и, по полученіи денегъ отъ министерства, выдается старшему интендантскому офицеру баталіона.

Выдачу содержанія нижнимъ чинамъ роты производятъ ротные командиры, которые получаютъ содержаніе по числу нижнихъ чиновъ, состоящихъ по списку въ ротѣ, отъ интендантскихъ офицеровъ. Офицеры и нижніе чины, болѣющие болѣе одного мѣсяца, лишаются права на полученіе содержанія, при чемъ нижніе чины совершенно увольняются со службы.

Выдача содержания нижнимъ чинамъ отмѣчается въ записной книжкѣ каждаго нижняго чина (образца русской записной книжки солдата).

Д о в о л ь с т в і е .

На довольствіе каждаго нижняго чина отпускается въ сутки по 30 кор. центовъ, изъ коихъ—7 цент. и 5 ли (ли составляетъ десятую долю цента) идутъ на приварочное довольствіе и 22 цента и 5 ли—на покупку риса. Довольствіемъ въ частяхъ войскъ завѣдываютъ интендантскіе офицеры. Деньги на довольствіе выдаются впередъ, авансами, по расчету на полмѣсяца. Продукты получаютъ дежурными по ротамъ отъ хозяйственныхъ кауценармусовъ и выдаются артельщикамъ ротъ вечеромъ накануне варки пици

Для пріятія пици установлены слѣдующіе сроки:

1) Завтракъ—въ 4 часа утра лѣтомъ и въ 6 час. утра зимою—состоитъ изъ риса, супа изъ навары костей и кимчи (особое кушанье остраго вкуса—квашеная капуста и рѣдька съ перцемъ, черемшей и лукомъ).

2) Обѣдъ—въ 12 часовъ дня—супъ изъ навары костей (иногда — рыба), рисъ и кимчи.

3) Ужинъ—въ 6 часовъ вечера—рисъ и кимчи.

Въ холодное время года—желающимъ нижнимъ чинамъ выдается горячая кашница изъ риса. Въ царскіе дни и на новый годъ—на улучшение пици нижнихъ чиновъ выдаются (не въ одинаковыхъ каждый разъ размѣрахъ) особыя суммы изъ министерства двора.

Во время походовъ и при усмиреніи народныхъ волненій внутри страны—на каждаго человѣка отпускается: на добавочное довольствіе—по 20 цент. въ сутки; на добавочное фуражное довольствіе офицерамъ и нижнимъ чинамъ—по 24 цента въ сутки; на покупку лантей—по 10 цент. на каждые три дня на одного человѣка; суточныхъ офицерамъ—по 10 цент. въ сутки; по походную канцелярію—по 3 цента въ сутки и на непредвидѣнные расходы—по 1 дол. 50 цент. въ день.

При усиленной охранѣ, во время народныхъ волненій, въ городахъ, въ которыхъ части имѣютъ постоянное свое мѣстопробываніе, нижнимъ чинамъ выдается на добавочное приварочное довольствіе по 4 цента въ день на каждаго человѣка.

При зачисленіи на должности командировъ полковъ, баталіоновъ и адъютантовъ этихъ частей въ пѣхотѣ, равно какъ и при зачисленіи вновь на службу всѣхъ офицеровъ кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и

жандармскихъ частей—имъ отпускается по 80 долларовъ на покупку лошади и сѣдла.

На различные виды довольствія въ части войскъ отпускаются слѣдующія суммы:

I. На содержаніе провинціальныхъ войскъ:

а) на штабъ полка:

	Въ годъ.	
	Дол.	Цент.
1) Въ содержаніе офицеровъ	2.581	—
2) На жалованіе нижнимъ чинамъ	276	—
3) На покупку риса	83	—
4) Приварочныхъ денегъ	55	—
5) На покупку лошадей и сѣдель	136	—
6) Фуражныхъ денегъ—офицерамъ	288	—
7) На обмундированіе—офицерамъ	245	—
8) » » нижнихъ чиновъ	43	—
9) На отопленіе	130	—
10) На ремонтъ помѣщеній	120	—
11) На постройку помѣщеній при сформированіи новыхъ частей	200	—
12) На канцелярскіе расходы	360	—
Итого	4.517	—

б) на каждый баталіонъ полка:

1) Въ содержаніе офицеровъ	12.981	20
2) На жалованье нижнимъ чинамъ	39.832	—
3) На обмундированіе—офицерамъ	1.645	—
4) » » нижнихъ чиновъ	14.275	—
5) На покупку риса	27.594	—
6) Приварочныхъ денегъ	18.250	—
7) На ремонтъ казармъ	1.500	—
8) Канцелярскіе расходы	600	—
9) Фуражныхъ денегъ—офицерамъ	288	—
10) На покупку офицерскихъ лошадей и сѣдель	136	—
11) На отопленіе	1.500	—
12) На медикаменты	200	—
13) На улучшеніе пици	200	—

14) Разъѣздныхъ денегъ	150	—
15) На похороны нижнихъ чиновъ	100	—
16) На покупку различнаго имущества для вновь сформированныхъ частей	1.000	—
17) На постройку казармъ для вновь сформированныхъ частей	5.000	—

Итого на каждый баталіонъ 125.254 20

На полкъ 3-хъ баталіоннаго состава 380.279 60

Всего на 6 полковъ провинціальныхъ охранныхъ войскъ (всего—16 баталіоновъ, такъ какъ 2 полка—2-хъ баталіоннаго состава) отпускается въ годъ 2.281.677 60

II. На содержаніе жандармскаго баталіона 98.699 —

III. На содержаніе лейбъ-гвардейскаго полка 531.579 —

Въ этой суммѣ: а) на пѣхотный л.-гвард. полкъ 403.641 —

б) на артиллерійскій баталіонъ входящій въ составъ л.-гв. полка, 115.334 —

IV. На содержаніе лейбъ-гвардейскаго кавалерійскаго баталіона 141.598 —

V. На содержаніе гвардейскаго полка 535.067 —

Въ этой суммѣ: а) на собственно гвардейскій полкъ 403.641 —

б) на саперную и обозную роты, входящія въ составъ гвардейскаго полка 131.426 —

Всего на лейбъ-гвардію, гвардію и на входящія въ составъ ихъ части—отпускается 1 306.943 —

Всего же корейскимъ военнымъ министерствомъ расходуется на содержаніе строевыхъ частей 3.588.620 60

VI. На содержаніе Штаба Главнокомандующаго 65.275 —

VII. » » военного министерства 50.786 —

VIII. » » военного суда 12.102 —

IX. » » военного училища 107.721 —

Общій итогъ расходовъ военного министерства на войска, военныя управленія и заведенія исчисляется въ 3.824.504 долл. 60 ц.

Въ лейбъ-гвардейскій и гвардейскій пѣхотные полки отпускается такія же суммы, какъ и въ провинціальныя войска, за исключеніемъ

содержанія офицерамъ и жалованія нижнимъ чинамъ, которое отпускается въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ охранныхъ провинціальныхъ войскахъ (см. отдѣлъ жалованья). Помимо сего, — въ жандармскихъ, артиллерійскихъ, кавалерійскихъ и обозныхъ частяхъ отпускаются деньги на фуражное довольствіе строевыхъ и нестроевыхъ лошадей нижнихъ чиновъ, на ремонтъ лошадей, снаряженія, шалцевого инструмента и обоза.

Расходъ по содержанію личной охраны императора относится не на счетъ военного министерства, а на счетъ министерства двора.

Въ настоящее время изъ общаго итога расходовъ на армію военное министерство выплачиваетъ свыше 1.200.000 дол. только одного жалованья нижнимъ чинамъ, т. е. $\frac{1}{3}$ всего ассигнованія на содержаніе арміи, военныхъ управленій и заведеній. Съ введеніемъ же всеобщей воинской повинности и принятіемъ мѣсячнаго жалованья, выдаваемого въ настоящее время нижнему чину, за годовое, — расходы по выдачѣ жалованія нижнимъ чинамъ при 25 тысячахъ арміи уменьшатся до 100.000 долларовъ, т. е. будутъ составлять $\frac{1}{10}$ расходовъ по жалованію солдатамъ, такъ что, съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, корейское правительство будетъ имѣть ежегодно въ остаткѣ болѣе одного милліона.

Въ каждомъ баталіонѣ имѣется двухмѣсячный запасъ риса на случай военного времени, хранящійся въ особо построенныхъ каменныхъ зданіяхъ съ каменными полами. Неприкосновенный запасъ риса освѣжается два раза въ годъ (весною и осенью) посредствомъ выдачи его въ довольствіе нижнимъ чинамъ баталіоновъ и удержанія съ баталіоновъ денегъ, слѣдующихъ имъ на рисовое довольствіе въ двухмѣсячной пропорціи.

К а з а р м ы .

Каждый изъ баталіоновъ того или иного полка располагается въ отдѣльныхъ казармахъ, съ отдѣльными дворами, и притомъ въ различныхъ мѣстахъ города (деревни), въ которомъ они имѣютъ постоянную стоянку.

Баталіоны лейбъ-гвардейскаго и гвардейскаго полковъ, расположенные въ Сеулѣ, имѣютъ свои казармы, но большей части, близъ императорскихъ дворцовъ. Казармы каждаго отдѣльнаго баталіона представляютъ собою квадратный плацъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ глинобитной, наполовину съ камнемъ, или кирпичной стѣной, которая замѣняетъ собою одну изъ стѣнъ зданія, построеннаго вдоль всѣхъ сторонъ этой стѣны.

Передняя стѣна казармъ имѣетъ деревянный остовъ, а промежутки между окнами, дверями и столбами, поддерживающими крышу, — глинобитные или выложенные кирпичемъ, положеннымъ на извести.

Крыша — черепичная; балки ея съ передней стороны зданія поддерживаются деревянными столбами, а сзади кладутся прямо на наружную стѣну плаца (задняя стѣна зданія). Ширина зданія равняется двумъ съ половиной саженьмъ, а высота — одной съ четвертью сажени. Все это громадное зданіе, идущее вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ двора, раздѣлено поперечными глухими глинобитными или кирпичными перегородками на комнаты — длиною отъ трехъ съ половиной до пяти саженей и шириною въ три сажени. Въ каждой такой комнатѣ имѣется двое дверей (близъ лѣвой и правой стѣны комнатъ); въ промежуткѣ между обѣими дверями помѣщается одно окно, шириною въ полтора аршина и длиною до двухъ аршинъ, съ рамой, поднимающейся кверху, которая оклеена промасленной бумагой; въ серединѣ рамы вставленъ небольшой кусокъ стекла (полъ-аршина длины и четверть аршина ширины). Кромѣ этихъ оконъ, въ нѣкоторыхъ казармахъ продѣлываются еще небольшія окна (три четверти аршина длины и полъ-аршина ширины) въ задней стѣнѣ зданія (т. е. въ стѣнѣ двора), также оклеенныя промасленной бумагой съ рамами, поднимающимися кверху.

Стѣны внутри помѣщеній и потолки выбѣлены известью или оклеены сѣрой бумагой. Въ комнатахъ устроены деревянные нары (въ 1-мъ баталіонѣ лейб-гвардейскаго охраннаго полка) или каны, оклеенныя промасленной бумагой; каны отапливаются снизу, а подтопка находится подъ дверями. Въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ нѣтъ кацовъ, казармы отапливаются желѣзными печами — по одной на каждую комнату. Между передней стѣной и нарами (канами) имѣется проходъ (вдоль передней стѣны), шириною до полутора саженей, устланый деревянными досками или глинобитный.

Въ каждой такой комнатѣ помѣщается одинъ взводъ роты (50 человекъ); въ помѣщеніи каждаго взвода, въ проходѣ между нарами и передней стѣной, (въ одномъ изъ угловъ) отгороженъ небольшой цейхгаузъ, гдѣ хранятся ружья и снаряженіе неприкосновеннаго запаса — на штатное число нижнихъ чиновъ взвода. Оружейный цейхгаузъ находится въ вѣдѣніи взводнаго унтеръ-офицера.

Ружья, которыя находятся въ постоянномъ употребленіи у нижнихъ чиновъ взвода, помѣщаются въ деревянныхъ пирамидахъ, поставленныхъ въ проходѣ, или на нарахъ — вдоль наружной стѣны зданія.

Въ каждой ротѣ—въ одномъ изъ взводныхъ помѣщеній, по большей части—въ первомъ взводѣ, устраивается досчатая комнатка, въ которой помѣщается фельдфебель роты.

Спать нижніе чины на нарахъ или кацахъ, подкладывая подъ себя соломенные маты, а подушку имъ замѣняетъ деревянный кубикъ, съ измѣреніемъ въ 6 дюймовъ по сторонѣ.

Шинели, шапки и снаряженіе вѣшаются на вѣшалки или гвозди, имѣющіеся на боковыхъ стѣнахъ прохода, равно какъ и на наружной стѣнѣ помѣщеній, а въ 1-мъ баталіонѣ лейбъ-гвардейскаго полка снаряженіе помѣщается на полкахъ, устроенныхъ вдоль боковыхъ стѣнъ комнаты.

Помѣщеніе каждаго взвода освѣщается одной лампой, висящей посрединѣ комнаты, а въ нѣкоторыхъ казармахъ—на передней стѣнѣ зданія.

Въ баталіонахъ лейбъ-гвардейскихъ и гвардейскихъ полковъ—на стѣнахъ взводныхъ помѣщеній вывѣшены правила и инструкція для караульныхъ начальниковъ и часовыхъ (остатокъ отъ дѣятельности русскихъ инструкторовъ). Въ каждой ротѣ 1-го и 2-го баталіоновъ лейбъ-гвардейскаго охраннаго полка, въ помѣщеніяхъ первыхъ взводовъ, повѣшены фотографіи русскихъ инструкторовъ.

Офицеры помѣщаются въ общихъ казармахъ баталіона; помѣщеніе ихъ состоитъ изъ одной комнаты—на двухъ офицеровъ, меньшаго размѣра, чѣмъ взводная, но въ окнахъ вставлены стекла. Обстановка офицерской комнаты состоитъ изъ европейскаго стола, маленькаго корейскаго столика для обѣда, двухъ вѣнскихъ стульевъ, ватнаго коврика для сна, одѣяла и саквояжа, въ которомъ хранятся спички, печать, принадлежности для письма и для куренія.

Помѣщенія офицеровъ отдѣлены отъ общаго плаца глинобитной стѣной. Офицеры находятся въ казармахъ въ теченіе всего дня—до ужина (6 часовъ вечера), а когда рота, въ которой они состоятъ, назначена дежурной на случай тревоги или должна заступитъ на слѣдующій день въ карауль, то—въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

Воротъ имѣется двое; одни—большія (главныя ворота), выходящія на главную улицу, а другія—малыя ворота (калитка), выходящія въ одинъ изъ боковыхъ переулковъ.

Посрединѣ двора находится красивое деревянное зданіе съ каменнымъ крыльцомъ, на фундаментѣ и съ черепичной крышей. Въ этомъ зданіи находятся: большая пріемная комната, баталіонная канцелярія,

дежурная и телефонная комнаты, всё эти комнаты раздѣлены бумажными перегородками.

Приемная комната отличается отъ другихъ помѣщеній деревяннымъ поломъ и большими стеклянными окнами, а стѣны ея оклеены хорошими обоями; внутри приемной стоитъ большой обѣденный столъ, обыкновенно покрытый бѣлою скатертью, и, кромѣ того, въ ней разставлено до дюжины вѣнскихъ стульевъ. Въ приемной комнатѣ командиръ баталіона принимаетъ гостей, посѣщающихъ баталіонъ. Въ дежурной комнатѣ помѣщается дежурный по баталіону офицеръ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, помимо его, — еще и дежурный по телефону.

Всѣ баталіоны соединены телефонами — между собою, съ военнымъ министерствомъ, Штабомъ Главнокомандующаго, императорскими дворцами, шефомъ жандармовъ, полиціей, градоначальникомъ и губернаторомъ; кромѣ того, съ баталіонами также соединены телефонами квартиры командировъ полковъ и баталіоновъ, военного министра и вице-министра и управляющаго Штабомъ Главнокомандующаго.

Кухни помѣщаются въ зданіи же казармъ — близъ главныхъ воротъ. Помѣщеніе кухни равняется двумъ взводнымъ комнатамъ. Оно покрыто глинобитнымъ поломъ. Вдоль задней стѣны кухни идутъ очаги — на два котла, и всего такихъ очаговъ пять, по одному на роту (въ нѣкоторыхъ баталіонахъ имѣется по два котла на роту). Каждый котель, во время варки пищи, закрывается деревянной крышкой сомнительной чистоты и не особенно чистой тряпкой. Варятъ пищу — получающіе за свой трудъ прокормленіе, всякаго рода оборванцы, взятые съ улицы. На столбахъ въ кухнѣ повѣшены продуктовыя раскладки (остатокъ отъ дѣятельности русскихъ инструкторовъ), по количеству продуктовъ, положенныхъ въ котель, въ нихъ не вписано. Кухни и отхожія мѣста содержатся вообще довольно грязно, между тѣмъ какъ плацъ и ротныя помѣщенія, наоборотъ, содержатся весьма чисто. Кухни отдѣляются отъ общаго плаца низкой глинобитной стѣной.

Карцеры помѣщаются у главныхъ наружныхъ воротъ и состоятъ изъ одной взводной комнаты — съ окномъ, предназначенной для содержанія нижнихъ чиновъ простымъ арестомъ, и отъ 5 до 10 маленькихъ каморокъ (въ полтора аршина шириною и въ одну сажень длиною), перегороденныхъ глинобитными стѣнами, безъ оконъ, а лишь съ маленькими отверстіями въ дверяхъ (въ четверть аршина по сторонамъ), которыя служатъ для передачи пищи арестованнымъ нижнимъ чинамъ и задвигаются деревянными дощечками; въ этихъ каморкахъ совершенно

темно, и онѣ предназначены для строгаго ареста нижнихъ чиновъ. Карцеры отдѣляются отъ общаго плаца глинобитной стѣной, внутри которой помѣщаются отхожія мѣста—для арестованныхъ нижнихъ чиновъ. Двери карцеровъ запираются на замки, а ключи отъ нихъ находятся у караульнаго начальника домашняго караула. Домашній карауль помѣщается въ комнатѣ, рядомъ съ карцерами,—самой первой отъ главныхъ воротъ. Домашній карауль содержитъ часовыхъ у арестованныхъ, у главныхъ воротъ и у рисоваго и оружейнаго цейхгаузовъ.

Въ каждомъ баталіонѣ имѣется два цейхгауза: рисовый и патронный

Продуктовый цейхгаузъ—каменный, съ череничною крышею, каменнымъ поломъ и небольшими окнами съ желѣзными рѣшетками въ нихъ—со всѣхъ сторонъ зданій. Въ продуктивномъ цейхгаузѣ хранится неприкосновенный двухмѣсячный запасъ риса. Двери цейхгауза запираются на замокъ и припечатываются печатью Хозяйственнаго Отдѣла Штаба Главнокомандующаго и командира баталіона; ключъ хранится въ Хозяйственномъ Отдѣлѣ Штаба Главнокомандующаго.

Патронный цейхгаузъ—каменный или деревянный, оконъ не имѣетъ; въ немъ хранятся патроны отъ ружей, находящихся въ постоянномъ употребленіи у нижнихъ чиновъ, и запасныя винтовки. Патронный цейхгаузъ находится въ вѣдѣніи завѣдывающаго оружіемъ баталіона.

Оба цейхгауза охраняются часовыми.

Бань при баталіонахъ—нѣтъ, и отпуска денегъ на баню нижнимъ чинамъ не производится.

Все нужное для ротъ закупается интендантскими офицерами и выдается ротнымъ командирамъ.

Ротное имущество состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: мѣдныхъ чашекъ для риса и чашечекъ для приправъ и супа, палочекъ, замѣняющихъ вилки и ложки; низкихъ и узкихъ скамеекъ—для обѣда нижнихъ чиновъ (нижніе чины обѣдаютъ, сидя на корточкахъ), баковъ для воды и для разноски пици по ротамъ и въ караулы; ведеръ, соломённыхъ циновокъ, ружейныхъ пирамидъ и лампъ.

Ежедневный порядокъ въ казармахъ установленъ слѣдующій:

- 1) Утренняя заря—въ $3\frac{3}{4}$ часа утра.
- 2) Утренній осмотръ—въ 4 часа 10 минутъ утра.
- 3) Уборка помѣщеній—отъ 4 до $4\frac{1}{2}$ часовъ утра.
- 4) Завтракъ—въ 4 ч. 50 м. утра—лѣтомъ и въ 6 ч. утра—зимою.

- 5) Вступленіе и смѣна карауловъ—въ 6 ч. утра.
- 6) Учебныя занятія отъ 6 до 9 ч.—лѣтомъ и отъ 8 до 11 ч.—зимой.
- 7) Обѣдъ—въ 12 часовъ пополудни.
- 8) Послѣобѣденныя занятія—отъ 3¹/₂ до 5¹/₂ ч. дня зимою, осенью и весною.
- 9) Ужинъ—въ 6 ч. вечера.
- 10) Повѣрки—въ 9 часовъ вечера.
- 11) Тушить огни—въ 10 ч. вечера.

Послѣобѣденныхъ занятій въ жаркое время года и послѣ смѣны карауловъ не производится.

Въ баталіонѣ ежедневно назначается дежурный офицеръ, который въ продолженіе сутокъ не имѣетъ права уходить изъ казарменнаго расположенія баталіона, и на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ въ казармахъ. У дежурнаго офицера находится ключъ отъ казарменныхъ воротъ, которыя въ 9 часовъ вечера закрываются до разсвѣта и могутъ быть открыты не иначе, какъ по приказанію дежурнаго офицера. Ночью ни въ казармы, ни изъ казармъ никто ни впускается, ни выпускается, за исключеніемъ лицъ, отправляемыхъ дежурными офицерами и прибывающихъ въ баталіонъ по дѣламъ службы. Въ помощь дежурному по баталіону назначается дежурный фельдфебель, который и находится въ его распоряженіи.

Дежурный по телефону также назначается изъ числа младшихъ офицеровъ баталіона, и на его обязанности лежитъ приемъ и передача по телефону различныхъ приказаній начальствующихъ лицъ.

Въ каждой ротѣ назначается по одному дежурному по ротѣ унтеръ-офицеру и по четыре дневальныхъ изъ числа рядовыхъ.

При назначеніи роты въ городской карауль, — ротный командиръ этой роты назначается дежурнымъ по карауламъ, а младшіе офицеры—караульными начальниками въ различные офицерскіе караулы.

Въ воскресенье, царскіе дни, новый годъ и въ дни національныхъ праздниковъ—нижніе чины увольняются въ отпускъ. При увольненіи въ отпускъ они получаютъ отъ взводнаго унтеръ-офицера отпускной билетъ (деревянная дощечка—съ надписью на ней номера баталіона и роты и званія и фамиліи нижняго чина); вышеозначенный билетъ нижніе чины должны предъявлять при выходѣ изъ воротъ—караульному начальнику домашняго караула, который вписываетъ фамилію нижняго чина и номеръ его роты въ особую книгу отпускныхъ и, послѣ повѣрки въ казармахъ, представляетъ ее дежурному по баталіону офицеру. При увольненіи ниж-

нихъ чиновъ въ болѣе продолжительный отпускъ (болѣе сутокъ),—имъ выдается билетъ за подписью ротнаго командира, съ обозначеніемъ на немъ срока отпуска.

Приварочныя деньги и деньги, отпускаемыя на рисъ, за время нахожденія нижнихъ чиновъ въ отпускъ, имъ не выдаются, а удерживаются въ суммы баталіона.

Въ лагерь части войскъ не выступаютъ и все время находятся въ казармахъ.

Обученіе корейскихъ войскъ.

Нижніе чины и офицеры, внѣ строя, отдають честь—прикладывая руку къ головному убору и становясь во фронтъ. Рядовые отдають честь, прикладывая правую руку къ головному убору всѣмъ унтеръ-офицерамъ и фельдфебелямъ (пріемы при отдачѣ чести такіе же, что и въ русской арміи). Всѣ нижніе чины отдають честь офицерамъ—становясь во фронтъ. Офицеры отдають честь—становясь во фронтъ—императору, императрицѣ, наслѣднику, всѣмъ принцамъ императорской крови, когда послѣдніе въ военной формѣ, а также начальнику Штаба Главкомапдующаго и военному министру. Оберъ-офицеры отдають честь—прикладывая руку къ головному убору—всѣмъ штабъ-офицерамъ и генераламъ. Штабъ-офицеры отдають честь генераламъ—прикладывая руку къ головному убору.

Нижніе чины, находящіеся въ строю безъ ружей, отдають честь—по командѣ старшаго изъ находящихся въ строю нижняго чина или офицера—поворачиваніемъ головы въ сторону начальника. Команды и части войскъ, находящіеся въ строю съ ружьями, на ходу—отдають честь по командѣ, по которой ружья остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ они были до команды, а нижніе чины перестаютъ махать правыми руками и поворачиваютъ головы въ сторону начальника.

Честь ротами и частями войскъ, на мѣстѣ—въ строю съ ружьями, отдается по командѣ, по которой вся часть беретъ ружья на карауль, не исключая и находящихся въ строю офицеровъ, которые обнажаютъ шашки и берутъ также на карауль.

Караульные и часовые отдають честь, беря ружья на карауль, причемъ караульные на главной гауптвахтѣ императорскаго дворца вызываются въ ружье (посредствомъ двухъ ударовъ часовымъ у фронта въ колоколь деревянной колотушкой) и отдають честь, беря на карауль,—при проходѣ мимо гауптвахты императора, наслѣдника, управляющаго

Штабомъ Главнокомандующаго, военнаго министра и иностранныхъ пословъ и посланниковъ.

Ружейные приемы, вздваиваніе и выстраиваніе рядовъ, гимнастика — ручная и машинная, повороты, ходьба, бѣгъ, фехтованіе, прикладка, прицѣливаніе, ротное и баталіонное ученія и разсыпной строй, за малыми измѣненіями, — тѣ же самыя, что и въ русской арміи.

Въ каждомъ баталіонѣ имѣется машинная гимнастика.

Присутствовавъ нѣсколько разъ на ротныхъ и баталіонныхъ ученіяхъ въ различныхъ частяхъ войскъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, саперъ и обоза, находящихся какъ въ городѣ Сеулѣ, такъ и въ его стѣнѣ (пхёнъ-янскіе баталіоны провинціальныхъ охранныхъ войскъ), — я совершенно не могу согласиться съ мнѣніемъ многихъ иностранцевъ, а также почти всѣхъ русскихъ, проживающихъ въ городѣ Сеулѣ и проѣзжавшихъ черезъ него, что корейскіе солдаты представляютъ собою сбродъ, совершенно ничему не обученный. Такое мнѣніе могутъ высказывать лица, совершенно не видѣвшія корейскаго пѣхотнаго солдата на ученіи, а произносящія свой приговоръ по тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые въ большомъ количествѣ разставлены по улицамъ Сеула въ помощь полиціи. По моему же мнѣнію, корейская пѣхота обучена не только удовлетворительно, но даже весьма удовлетворительно. Такъ, видѣнные мною ружейные приемы, фехтованіе, вздваиваніе и выстраиваніе рядовъ, повороты, прикладка, прицѣливаніе и знакомство съ ружьемъ — оказались довольно хороши, хотя, при постановкѣ прицѣловъ по командѣ, многіе нижніе чины ставили невѣрно, но это происходитъ отъ того, что цифры на прицѣлѣ — арабскія, а не китайскія.

Заряженіе пружинными патронами производится довольно быстро. Шевеленія и разговоры съ строемъ нѣтъ. Машинная гимнастика — отлична; ротное ученіе — хорошо; ломка строя и ходьба, бѣгъ сомкнутымъ строемъ — хороши. Развертываніе роты и баталіона для стрѣльбы изъ сомкнутого строя — на мѣстѣ и на ходу — производится быстро и безъ замѣшательства.

Единственно, на что мало обращено вниманія, такъ это на разсыпной строй, многіе изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ цѣпи не знаютъ своихъ обязанностей и не сразу принимаютъ сигналы и команды ротнаго командира.

На стрѣльбѣ боевыми патронами мнѣ удало быть только одинъ разъ; стрѣляла одна рота залпами по-взводно на 800 шаговъ въ шести-фигурныя мишени русскаго образца; залпы были замѣчательно выдер-

жаны и дружны, но попаденіе—не важно, именно—изъ 720 выпущенныхъ пуль въ мишени оказалось только 80, т. е. 11⁰/₀.

Обученіе кавалеріи и артиллеріи, вслѣдствіе недавняго ихъ сформированія и реимѣнія опытныхъ офицеровъ этого дѣла,—ведется неудовлетворительно.

Обозъ и саперы, также вслѣдствіе недавняго ихъ сформированія и неполнаго комплекта лошадей и двуколокъ, оказываются почти совершенно необученными по своимъ спеціальностямъ.

Хоръ музыки—отличный и вполне можетъ соперничать съ лучшими военными оркестрами нашей арміи, не говоря уже о японской.

Жандармы обучены хорошо, такъ какъ комплектуются они лучшими ефрейторами (солдаты 1-ой статьи) лейбъ-гвардейскаго и гвардейскаго пѣхотныхъ полковъ.

Изъ вышесказаннаго можно сдѣлать такое заключеніе:

- 1) Пѣхота и жандармы корейской арміи обучены удовлетворительно.
- 2) Кавалерія и артиллерія—неудовлетворительно.
- 3) Саперы и обозъ совершенно не обучены по своимъ спеціальностямъ.
- 4) Музыканты играютъ хорошо.

Къ этому нужно добавить, что корейскіе солдаты—крянкаго тѣлосложенія, высокаго роста и почти всѣ грамотны по-китайски.

Такъ что, если корейское правительство введетъ всеобщую воинскую повинность, перевооружитъ армію магазинными винтовками Мурата, улучшить образованіе офицеровъ и кадръ унтеръ-офицеровъ, то смѣло можно утверждать, что не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ мы будемъ имѣть нашу сосѣдку обладающей шестыюдесятью или восемьюдесятью тысячами хорошо вооруженной и обученной арміи.

Различіе въ формѣ одежды родовъ оружія и вѣдомствъ сухопутныхъ войскъ.

НАИМЕНОВАНИЕ РОДОВЪ ОРУЖІЯ И ВѢДОМСТВЪ.	По цвѣту мундира и фуражки и шитью на нихъ. 1.	По цвѣтному при- бору на мундирѣ и фуражкѣ. 2.	По эполетамъ. 3.	По погонамъ. 4.	По эксельбантамъ. 5.	По цвѣту шароваръ и лампасъ. 6.	По шарфу. 7.
1) Офицеры Штаба Главнo- командующаго	Черный мундиръ и фуражка съ золотымъ шитьемъ.	Красный.	Золотое поле съ цвѣтками вишни.	Бѣлое поле съ цвѣтами вишни.	Золотые.	Черныя съ красны- ми лампасами.	Желтый съ желты- ми кистями (у генера- ловъ по шарфу вышиты пятилистки).
2) Интендантскіе офицеры.	Черный мундиръ съ серебрянымъ шить- емъ.	Синій.	Золотыя съ звѣздоч- ками.	Красное поле съ звѣздочками.	Не положено.	Черныя съ синими лампасами.	Красный съ кистя- ми, смотря по званію.
3) Военные врачи	»	Зеленый.	»	»	»	Черныя съ зелены- ми лампасами.	»
4) Жандармы	Черный мундиръ и малиновая тулья на фуражкѣ съ золо- тымъ шитьемъ.	Серебряный у офи- церовъ и бѣлый су- конный у нижнихъ чиновъ.	»	»	Желтые.	Черныя съ серебрян. лампасами у офицер. и бѣлыя сукошныя у нижнихъ чиновъ.	»
5) Саперы	Черный мундиръ и фуражка съ золо- тымъ шитьемъ.	Малиновый.	»	»	»	Черныя съ малино- выми лампасами.	»
6) Кавалерія	»	Желтый.	»	»	»	Черныя съ желты- ми лампасами.	»
7) Артиллерія	Красный мундиръ и черная фуражка съ золотымъ шитьемъ.	Зеленый.	»	»	»	Черныя съ зелены- ми лампасами.	»
8) Пѣхота	Черный мундиръ и фуражка съ золотымъ шитьемъ.	Красный.	»	»	»	Черныя съ красны- ми лампасами.	»
9) Музыканты	Черный мундиръ и красная тулья фу- ражки.	Черный.	Не положено.	»	Не положено.	Красныя съ черны- ми лампасами.	Не положено.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Конференціи Восточнаго Института.

Засѣданіе 19 октября 1903 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. директора А. М. Позднѣева, присутствовали: г. инспекторъ Института Г. В. Подставинъ, законоучитель о. П. И. Булгаковъ, и. д. проф.: Н. В. Кюнеръ, Е. Г. Спальвинъ, Н. П. Таберіо, П. П. Шмидтъ, преподаватели: В. И. Заверскій и Н. И. Кохановскій, лекторъ англійскаго языка Я. И. Бойль и лекторъ монгольскаго языка Г. Цыбиговъ.

Слушали: 1) Протоколъ предшествовавшаго засѣданія Конференціи 22-го минувшаго сентября. Определено: протоколъ этого утвердить.

2) Отчетъ о жизни и дѣятельности Восточнаго Института за 1903 годъ, составленный г. Инспекторомъ Института Г. В. Подставинымъ. Определено: отчетъ этотъ утвердить и одобрить къ прочтенію, въ указанныхъ извлеченіяхъ, на торжественномъ актѣ Восточнаго Института 21-го сего октября.

3) Приготовленную для прочтенія на торжественномъ актѣ Восточнаго Института 21-го сего октября рѣчь и. д. профессора японской словесности Е. Г. Спальвина на тему «О политической и общественной сплоченности Японіи».

4) Заявленіе г. директора о томъ, что по разсмотрѣнію г. г. профессорами Института отчетовъ, представленныхъ вернувшимися изъ командировокъ студентами и слушателями Института, наиболѣе выдающимися по своимъ достоинствамъ оказались нижеслѣдующія работы:

а) «Матеріалы къ изученію Хулунь-буирскаго фудутунства», слушателя III-го курса штабсъ-капитана Козлянинова, представляютъ собою работу, выдающуюся прежде всего потому, что она составлена на основаніи маньчжурскихъ источниковъ. Извѣстно, что въ настоящую пору маньчжурскій языкъ не имѣетъ для себя специальныхъ ученыхъ

представителей въ Россіи: въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ онъ не читается вовсе и преподается нынѣ исключительно въ Восточномъ Институтѣ, и при такой-то бѣдности руководства, слушатель III-го курса Восточнаго Института штабсъ-капитанъ Козляниновъ исполнилъ на основаніи маньчжурскихъ рукописныхъ сочиненій цѣлое описаніе одного изъ малоизвѣстѣйшихъ уголковъ Восточной Азіи—Хулунь-буирскаго фудутунства, а засимъ въ теченіе каникулярнаго времени посѣтилъ это фудутунство лично. Нѣтъ сомнѣнія, что европейскому изслѣдователю рѣшительно не представляется возможнымъ въ теченіе краткаго трехъ-мѣсячнаго срока составить описаніе цѣлой области, и въ этомъ дѣлѣ г. Козлянинову оказали незамѣнимую услугу его маньчжурскіе памятники. Пользуясь доставляемыми ими данными, онъ то перечисляетъ, то подробно описываетъ намъ всѣ хребты и горы Хулунь-буира, всѣ его рѣчки, озера и ключи; всѣ военныя заставы и караулы; всѣ почтовые пути и станціи страны; подробно описываетъ не только составъ населенія Хулунь-буира, но и документально, на основаніи перевода точныхъ законоположеній и указовъ богдохановъ, указываетъ, какое инородческое поколѣніе, когда, какъ и почему появилось въ Хулунь-буирѣ, и какое положеніе занимаетъ оно здѣсь въ настоящее время. Все это выясняется еще положеніемъ мѣстныхъ условій, вліявшихъ на образованіе характера инородцевъ. Еще далѣе онъ подробно выясняетъ административный и военный строй области, ея торговое и промышленное значеніе; словомъ, казалось бы, не осталось ни единой части жизненнаго быта народовъ, не захваченной въ трудъ г. Козлянинова. При такихъ достоинствахъ этой работы можно лишь сожалѣть о недостаточной литературной обработкѣ этого изслѣдованія, въ силу чего нѣтъ возможности отличить этотъ трудъ высшей имѣющей въ распоряженіи наградой.

б) Студентомъ III-го курса Евгеніемъ Лебедевымъ представленъ обширный переводъ съ японскаго подъ заглавіемъ, «Исторія порта Отару», снабженный имъ собственными наблюденіями и описаніемъ современнаго состоянія порта. Работа въ томъ видѣ, въ которомъ она находится въ настоящее время, нуждается, однако, въ извѣстной разработкѣ, такъ какъ нѣкоторыя ея части, какъ напримѣръ, исторія о. Хоккайдо и его заселенія, по винѣ японскаго источника, не вполне исчерпаны. По выполненіи надлежащей обработки, которая, однако, потребуеетъ сравнительно много времени, работа явится хорошимъ, сжатымъ трудомъ для ознакомленія съ интереснымъ островомъ Хоккайдо, вообще, и съ Отару, въ частности. Но и въ томъ видѣ, въ которомъ

работа находится въ настоящее время, она служитъ достойнымъ свидѣтельствомъ о положенныхъ трудахъ и о пріобрѣтенныхъ авторомъ ея основательныхъ познаніяхъ въ японскомъ языкѣ.

в) Слушатель II-го курса подьесауль Василій Мендринъ представилъ, помимо перевода японскихъ сказокъ, капитальнѣйшее изслѣдованіе по грамматикѣ разговорнаго японскаго языка. Представленная часть грамматики обнимаетъ въ большей своей части весьма талантливо разработанный глаголь. Вторая часть еще незаконченной работы должна содержать, главнымъ образомъ, ученіе о послѣсловахъ и синтаксисѣ. Не смотря на то, что задуманная авторомъ работа имѣетъ быть закончена и приведена въ окончательный видъ лишь по истеченіи 2—3 лѣтъ, т. е. по изученіи авторомъ болѣе сложныхъ формъ разговорнаго языка и основательномъ усвоеніи имъ и книжнаго, представленная часть работы отличается такими крупными достоинствами и такой относительной законченностью по выполненію ея, что она служитъ явнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ рѣдкаго таланта автора къ исполненію научныхъ грамматическихъ работъ и строго логическому и систематическому изложенію собранныхъ матеріаловъ.

г) Наконецъ, слушатель II-го курса подпоручикъ Болобанъ представилъ цѣлый рядъ переводныхъ работъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенномъ его прилежаніи, серіозномъ отношеніи къ изученію японскаго языка и Японіи и блестящихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ въ разговорномъ японскомъ и англійскомъ языкахъ. Весьма тщательно исполненные переводы съ японскаго, изъ которыхъ статья подъ заглавіемъ «Дисциплина въ русской арміи» уже напечатана въ № 637 «Развѣдчика» отъ 22 сентября 1903 г., переводъ съ англійскаго I-го тома сочиненія Харна (Hearn) «Очерки невѣдомой Японіи» и, наконецъ, статья о Токійской школѣ иностранныхъ языковъ даютъ автору, подпоручику Болобану, полное право гордиться результатами своей неутомимой лѣтней дѣятельности въ области усовершенствованія своихъ знаній и серіознаго стремленія обогатить русскую переводную литературу о Японіи. — Опредѣлено: признавая несомнѣнныя достоинства за указанными работами и благороднымъ трудомъ молодыхъ авторовъ, удостоить слушателя IV-го курса штабсъ-капитана Козлянинова серебряной медалью, студенту же IV-го курса Лебедеву и слушателямъ III-го курса подьесаулу Мендрину и подпоручику Болобану объявить почетный отзывъ Конференціи.

Годичный актъ Восточнаго Института 21 октября 1903 года.

21 октября 1903 года въ большой конференцъ-залѣ Восточнаго Института происходилъ обычный годовоі актъ. Слѣдуя примѣру прошлыхъ лѣтъ, институтское торжество началось съ вечера 20-го числа торжественною панихидою въ церкви Института по почившимъ представителямъ русскаго востоковѣдѣнія, самоотверженно и славно трудившимся на пользу науки, дѣятелямъ гражданскаго служенія на Дальнемъ Востоцѣ и отошедшимъ въ вѣчность труженникамъ Института. Въ скорбный листъ ежегодно поминаемыхъ Институтомъ дѣятелей съ глубокимъ прискорбіемъ было нынѣ включено имя ктитора церкви Восточнаго Института Владиміра Павловича Пьянкова, безвременно скончавшагося 28 февраля с. г. Празднованіе самого торжества началось утромъ, съ 9 часовъ, Божественной литургіею, начало же акта послѣдовало во 2-мъ часу. На актѣ, подѣ почетнымъ предсѣдательствомъ г. И. д. Приамурскаго Генераль-Губернатора, генераль-лейтенанта Н. П. Линевица, въ качествѣ попечителя всего края, присутствовала, въ полномъ своемъ наличномъ составѣ, во главѣ съ директоромъ А. М. Позднѣевымъ, профессорская корпорація Восточнаго Института, съ преподавателями и лекторами, инспекторъ Гимназіи и нѣкоторые изъ ея преподавателей, члены Правленія и прочіе служащіе, а изъ представителей мѣстнаго общества актъ почтили своимъ присутствіемъ преосвященный Евсевій, епископъ Владивостокскій и Камчатскій, командиръ Владивостокскаго порта, контръ-адмиралъ Н. А. Гауптъ, комендантъ Владивостокской крѣпости, генераль-маіоръ Д. Н. Воронежъ, почетный попечитель Владивостокской мужской гимназіи при Восточномъ Институтѣ Ю. И. Бринеръ, китайскій коммерческій агентъ г. Ли-тя-ао и пр. Собраніе было открыто духовною пѣснью «Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра»; за симъ г. инспекторъ Института, и. д. профессора Г. В. Подставинъ прочиталъ, въ извлеченіяхъ, отчетъ о состояніи и дѣятельности Восточнаго Института въ 1902—1903 учебномъ году, а вслѣдъ за-

симъ инспекторъ гимназій, статскій совѣтникъ Г. А. Цвѣтаевъ, сообщилъ свѣдѣнія о состояніи гимназій въ томъ же истекшемъ учебномъ году. По прочтеніи указанныхъ официальныхъ отчетовъ и. д. профессора японской словесности Е. Г. Спальвинъ произнесъ составленную имъ для этого акта рѣчь на тему «О политической и общественной сплоченности Японіи».

Затѣмъ взошелъ на кафедру г. директоръ Института, профессоръ А. М. Позднѣевъ, и обратился къ собранію со слѣдующей рѣчью:

«Ваше Превосходительство, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Вы только что изволили выслушать отчеты объ ученой и учебной жизни и дѣятельности Восточнаго Института и состоящей при немъ гимназій,—той жизни, которая, безспорно, является и основною задачею учебныхъ заведеній, лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ успѣха и непреложнымъ доказательствомъ ихъ заслугъ. Но отчеты характеризовали Вамъ научное дѣло нашихъ учебныхъ заведеній лишь въ общихъ чертахъ; позвольте же мнѣ указать Вамъ на лицъ, которыя своими усердными занятіями и результатами своихъ трудовъ даютъ намъ основаніе, частью уже обличать въ нихъ дѣйствительныхъ работниковъ и руководителей общества, а частью надѣяться на нихъ, какъ на готовящихся стать въ ряды достойныхъ труженниковъ своей родины. Не сомнѣваюсь, что въ указанной градаціи Вы уже изволите прозрѣвать мое дѣленіе, съ одной стороны, г.г. студентовъ и слушателей Института, а съ другою—воспитанниковъ состоящей при немъ гимназій. И если наши данныя по отношенію къ послѣднимъ должны быть приняты Вами на вѣру, то первые не замедлятъ уже сами говорить за себя, ибо результаты ихъ трудовъ, являющіеся въ формѣ отчетовъ по совершеннымъ ими поѣздкамъ для изслѣдованія малоизвѣстныхъ намъ странъ Дальняго Востока, не могутъ оставаться подъ спудомъ. Они являются, по истинѣ, свѣточемъ при поступательной дѣятельности Россіи на Востокѣ, и потому Восточный Институтъ поставляетъ своимъ долгомъ опубликовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

Изъ 68 студентовъ и слушателей Института, отправлявшихся въ настоящемъ году въ страны Дальняго Востока, представили доселѣ свои отчеты лишь 37 человекъ, т. е. немного болѣе половины. Изъ числа этихъ работъ, какъ уже отмѣчалось объ этомъ въ годовомъ отчетѣ Института, нѣкоторыя, къ сожалѣнію, стоятъ не выше простыхъ гимназическихъ упражненій; но въ большинствѣ своемъ отчеты студентовъ и слушателей являются все же честными трудами, достоинство коихъ раз-

нится лишь въ силу самихъ способностей, степени ориентальной подготовки и общаго уровня развитія ихъ авторовъ. Ознакомившись со всѣми этими трудами, я могъ бы отмѣтить Вамъ въ высшей степени детальное «Описаніе Тянь-цзина» студента III-го курса Сивякова; «Ислѣдованіе Альчукаскаго фудутунства» студента II-го курса Новикова; весьма удовлетворительное, хотя и значительно лишенное оригинальности, ислѣдованіе «Хай-чэна» слушателя II-го курса, Есаула Румянцева; обстоятельное изложеніе свѣдѣній о сформированной по европейскому образцу «Чжи-лиской арміи» Китая слушателя I-го курса, Штабсъ-Капитана Блонскаго; обширное ислѣдованіе «Тао-лай чжао и его экономическаго состоянія» слушателя II-го курса, Штабсъ-Капитана Теренина-Рыбникова; продолженіе дѣльнаго обзора «Современнаго состоянія вооруженныхъ силъ Кореи» уже извѣстнаго у насъ своими ислѣдованіями слушателя III-го курса, Штабсъ-Капитана Афанасьева; интересное, хотя и недостаточно усердно обработанное собраніе свѣдѣній по «Рабочему вопросу на каменно-угольныхъ копяхъ Мукденской провинціи» вольнослушателя III-го курса Спицына; представляющій капиталыѣйшій, хотя и совершенно сырой матеріалъ для науки «Дахурскій Словарь», собранный слушателемъ II-го курса, Штабсъ-Капитаномъ Шаренбергемъ,—всѣ эти и нѣкоторые другіе труды, если и не являются образцовыми, тѣмъ не менѣе обличаютъ въ авторахъ лицъ, способныхъ стать усердными работниками обществу...»

Прочитавъ засимъ соотвѣтствующія выписки изъ протокола засѣданія Конференціи Восточнаго Института 19-го октября и объявивъ опредѣленія Конференціи о награжденіи слушателя IV-го курса штабсъ-капитана Козлянинова за представленную имъ работу подъ заглавіемъ «Матеріалы къ изученію Хулушь-буирскаго фудутунства» серебряной медалью и объ объявленіи студенту IV-го курса Лебедеву и слушателямъ III-го курса, подѣсаулу Мендрину и подпоручику Болобану за ихъ лѣтнія работы почетнаго отзыва Конференціи, г. Директоръ провозгласилъ фамиліи учениковъ гимназій, съ отличіемъ перешедшихъ въ минувшемъ учебномъ году въ высшіе классы и удостоенныхъ Педагогическимъ Совѣтомъ Гимназій наградъ. (Награды I степени удостоены: ученики VIII класса Монкевичъ Елиферій, Стрѣлецкій Николай, ученики VII-го класса Ганинъ Анатолій, Мухарскій Іосифъ, Поповъ Иннокентій, Тафѣевъ Иванъ, ученикъ VI-го класса Саловъ Владиміръ, ученикъ V-го класса Изюмовъ Николай, ученикъ IV-го класса Коробицынъ Александръ, ученики III-го основнаго класса Коробицынъ Николай, Кричевскій Сергій, Се-

мевскій Илья, Тафѣевъ Павель, ученикъ II-го параллельнаго класса Истоминоу Владиміръ; награды же II-й степени удостоены: ученикъ VIII-го класса Хлоповъ Евгеній, ученикъ VII-го класса Полетика Иннокентій, ученики VI-го класса Пакъ Витольдъ, Тафѣевъ Петръ, Халинъ Иванъ, ученики V-го класса Бринеръ Борисъ, Гедговдъ Антоу, ученики IV-го класса Вебель Александръ, Ситниковъ Евгеній, Смиренскій Владиміръ, Сунфу Юсифъ, Хорватъ Леонидъ, ученики III-го основнаго класса Андреевъ Евгеній, Астафуровъ Михайль, Стадниченко Владиміръ, ученикъ III-го параллельнаго класса Корякинъ Константинъ, ученики II-го основнаго класса Костенко Анатолий, Полетика Иванъ, Скворцовъ Александръ, ученики II-го параллельнаго класса Вересовъ Гавриль, Визитаторовъ Анатолий, Вольновъ Петръ, Раковичъ Александръ, Сыромкомскій Витольдъ, ученики I-го основнаго класса Михайловскій Александръ, Михайловскій Всеволодъ, Ширягинъ Александръ, ученики I-го параллельнаго класса Семевскій Иванъ, Таккелля Георгій, и Цорнъ Валеріанъ).

По окончаніи раздачи медалей и наградъ г. Директоръ продолжалъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Я не сомнѣваюсь, Милостивые Государи, что количество выданныхъ нами наградъ питомцамъ гимназій и число отмѣченныхъ нами выдающихся научныхъ и литературныхъ трудовъ студентовъ и слушателей Института, изъ которыхъ очень многіе, конечно, въ самомъ непродолжительномъ времени появятся для Васъ въ печати, ручаются Вамъ за то, что Восточный Институтъ съ должнымъ напряженіемъ силъ и честно выполняетъ свое назначеніе.

Настоящій торжественный актъ нашъ представляетъ собою ту особенность, что со времени открытія Института онъ впервые происходитъ подъ предѣдательствомъ попечителя нашего учебнаго округа, въ данномъ случаѣ Его Превосходительства Николая Петровича Линевица. Храбрый главнокомандующій русской арміи, три года тому назадъ побѣдоносно овладѣвшій Пекиномъ, лучше всѣхъ, конечно, оцѣнить значеніе работъ, предпринимаемыхъ Восточнымъ Институтомъ для изслѣдованія странъ Дальняго Востока, а какъ старожилъ и знатокъ Приамурскаго края, онъ лучше другихъ пойметъ, какого труда стоятъ нашимъ молодымъ людямъ не только эти изслѣдованія, а даже простая ихъ обработка и опубликованіе въ печати. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ гуманною и твердою правящею рукою Николая Петровича Восточный

Институтъ еще болѣе возрастетъ въ предстоящемъ учебномъ году въ своихъ духовныхъ силахъ и дѣятельности.

Да цвѣтетъ же нашъ высшій разсадникъ восточной науки до конца времени! Да преуспѣваетъ онъ во всемъ, что ведетъ къ истинной пользѣ отечества! Да будетъ онъ вѣренъ кореннымъ завѣтамъ земли русской и историческимъ основамъ просвѣщенія! И наконецъ да позволено мнѣ будетъ выразить пожеланіе, чтобы на послѣдующихъ торжественныхъ годовыхъ актахъ Восточнаго Института, на которыхъ многіе изъ Васъ, безъ сомнѣнія, будутъ присутствовать, Вы годъ отъ года имѣли болѣе и болѣе основаній говорить, что Россія своимъ цвѣтущимъ состояніемъ и могуществомъ на Востокѣ обязана, не столько обширности своихъ пространствъ и громадности своего населенія, сколько своему знанію Востока, а въ развитіи этихъ знаній принимали немалое участіе многочисленные и усердные работники и питомцы Восточнаго Института, — вѣрные слуги православнаго Бѣлаго Царя и нераздѣльной съ нимъ Россіи.»

Актъ окончился пѣніемъ народнаго гимна «Боже, царя храни!»

Послѣ акта были получены слѣдующія поздравительныя телеграммы:
Отъ Генераль-квартирмейстера Приамурскаго Военнаго Округа—изъ Хабаровска.

Поздравляю съ годовымъ актомъ. Крайне сожалѣю, что не имѣю возможности присутствовать лично.

Орановскій.

Отъ и. д. профессора Восточнаго Института А. В. Рудакова—изъ С. Петербурга.

Поздравляю дорогой Институтъ съ пятой годовициной.

Рудаковъ.

Отъ окончившихъ курсъ Восточнаго Института К. Дмитріева и Д. Щербакова—изъ Пекина.

Привѣтствуемъ Институтъ съ годовымъ праздникомъ.

Дмитріевъ. Щербаковъ.

Отъ прослушавшаго курсъ Восточнаго Института священника Цивилева—изъ Раздольнаго.

Поздравляю директора, профессоровъ и студентовъ съ годовымъ праздникомъ.

Благодарный *Цивилевъ.*

